

НОВАЯ ПОЛЬША

№2₍₅₀₎

2004

**ШЕДЕВРЫ ТУВИМА В ПЕРЕВОДЕ
АННЫ АХМАТОВОЙ, ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА И АСАРА ЭППЕЛЯ**

Владислав Бартошевский о дискуссии с немцами

ПОЛЬСКИЕ КАРЬЕРЫ В БЫЛОМ ПЕТЕРБУРГЕ

У М Е Р Ч Е С Л А В Н Е М Е Н

М А Р К Ш А Г А Л В Г Д А Н Ь С К Е

Беседа с Виктором Кулерским

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Новое лицо «Новой Польши» в Новом году!

Уважаемые Читатели, не беспокойтесь. Мы остаемся такими, какими были. Но мы рады сообщить, что наряду с известным Вам традиционным журналом на бумаге, мы решили создать интернет-страницу.

В виртуальной версии «Новой Польши» вы найдете постоянно пополняющийся архив: содержания всех номеров, важнейшие тексты, последний номер, анонсы, а также текущие обзоры польских еженедельников, которых Вы не найдете в традиционном журнале!

Ищите нас в сети:

www.novpol.ru

Пишите!

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(50)
2004
ФЕВРАЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Геннадий Орлов
ПАМЯТИ ПЕВЦА

3

Збигнев Флорчак
ТОСТ

5

Владислав Бартошевский
ПРОТИВ ВЫБОРОЧНОЙ ПАМЯТИ

8

Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

11

Кацпер Ванчик
СТУДЕНТЫ О ПОЛИТИКЕ СВЕРХДЕРЖАВ

18

ПОЛЬША И ПОЛОНИЯ — ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ
Беседа с Артуром Козловским

20

Януш Тазбир
КАРЬЕРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

23

Хиероним Граля
ЕЩЕ РАЗ О ПЕТЕРБУРГСКИХ КАРЬЕРАХ ПОЛЯКОВ

29

Петр Мицнер
ИНТЕРНИРОВАННЫЕ СОЮЗНИКИ

35

Юлиан Тувим
СТИХИ

37

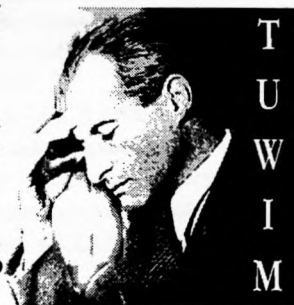
Юлиуш Виктор Гомулицкий
МОЙ ТУВИМ

44

Чеслав Милош
О «БАЛЕ В ОПЕРЕ»

49

	Юлиан Тувим БАЛ В ОПЕРЕ	50
	Антоний Кучинский ПОЛЬСКАЯ ПРЕМИЯ — ВЛАДИСЛАВУ ЛАТЫШЕВУ	66
	Агнешка Клох ВОЛКИ ИЗ ПОГРАНИЧЬЯ	67
	ФАБРИКА ИСКУССТВА <i>Беседа с художником Кишиштофом Костешей</i>	70
	ГАЗЕТНЫЙ КИОСК Кишиштоф Бурнетко «ЗЕШИТЫ ХИСТОРИЧНЕ»	72
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	75
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	78
	Ида Лотоцкая ЦВЕТА БОГА ЖИВОГО	81
	ЦЕНА ОПЫТА <i>Беседа с Виктором Кулерским</i>	83

Переводчики: А.Ахматова, А.Бондарев, А.Эппель, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, Л.Мартынов, С.Тонконогова, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: В. Bobkowski/Agencja Gazeta (стр. 3,) А. Golec/Agencja Gazeta (стр. 4), Foto-Memoriał Riazan (стр. 36).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава

тел.: (0-22) 608 27 95; 608 25 65

факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале
для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49

тел.: 280-83-52

e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению

Министерства Культуры
Республики Польша

Тираж 4800 экз.

Геннадий Орлов

ПАМЯТИ ПЕВЦА

*Забить могу ли образ тот,
Любимый всей душой?*
Байрон

19 января днем я получил электронное письмо от своего друга. В письме была всего одна фраза: «Вот что случилось...» — и ссылка на один из российских сайтов в Интернете. Я щелкнул кнопкой мышки по ссылке и прочитал на сайте, что 17 января в Варшаве, не дожив месяца до своего 65-летия, умер Чеслав Немен. Не могу передать, как это событие опечалило меня, да и не одного меня.

О Чеславе Немене я впервые узнал в 1973 г., когда еще учился в школе. Как-то раз одноклассник дал мне послушать пластинку «Niemen Enigmatic». Один вид обложки пластинки произвел сильное впечатление. Длинноволосый человек, сидящий за Хэммонд-органом. На органе стоят горящие свечи. И взгляд этого человека, пронзающий насквозь, хотя глаза видны не очень отчетливо. На развороте обложки — польские тексты, тогда еще мало что мне говорившие. К одной из песен — на латинском языке. Серьезно сделано — подобных польских альбомов я до тех пор не встречал. Прослушав пластинку, я был просто потрясен, ошеломлен, покорен. Такого голоса и такой музыки я до этого не слышал. Конечно, я не знал

тогда, кто такой генерал Бем, не знал имен авторов стихов к композициям, имен музыкантов — вообще в те годы я мало что знал о Польше. Эта пластинка изменила мое отношение к польской культуре кардинально. Немен показал мне истинные сокровища. Я (и не только я в России) открыл для себя неизвестную многим из нас великую культуру Польши, частью которой был гений Немена.

Я стал изучать польский язык, стал понимать, о чем он поет. Я открыл для себя выдающихся польских поэтов: Циприана Норвида, Адама Асьныка, Казимежа Пшерву-Тетмайера, Марию Павликовскую-Ясножевскую, Збигнева Херберта и других. Я узнал замечательных польских музыкантов — Збигнева Намысловского, Михала Урбаняка, Чеслава Бартковского, чуть позже Юзефа Скушека и многих, многих серьезных польских музыкантов. Творчество Немена стало неотъемлемой частью меня самого, поэтому, приехав в середине 70-х в Польшу, я сразу же пошел в магазин грампластинок и купил все вышедшие к тому моменту пластинки Немена, включая «Катарсис».

К гастроям Чеслава в СССР в 1976 г. я уже много знал о нем, о его музыке (даже о музыке к театральным постановкам и фильмам), о его музыкальных (и не только музыкальных) взглядах. Насколько это было возможно в СССР, я следил за

творчеством Чеслава Немена и ясно осознавал его уникальность в мире. Любил его музыку, как любили ее и многие люди моего поколения по всей России. Обложки его пластинок показали мне еще одну грань дарования Немена — художественную. Те, кто видел эти обложки, вне всякого сомнения согласятся со мной.

Мне довелось быть на московском концерте Немена в Театре Эстрады в 1976 году. Прямо скажу: подобного концерта не было в Москве еще многие годы после него. На концерт собралась вся интеллектуальная элита Москвы. В первом отделении Чеслав представлял композиции, вышедшие впоследствии в альбоме «Idée fixe». До сих пор помню, как он стоит на сцене, высвеченный софитом, со сборником стихотворений Норвида в руках и читает его стихи перед началом очередной музыкальной пьесы. Дальнейшая музыкальная часть не поддается пересказу словами. Во втором отделении Немен исполнил старые хиты и русские народные песни. Зал долго не отпускал его со сцены, он пел еще и еще, а мы, зрители, ощущали себя единым целым под «знаменем» гениального музыканта и человека.

К сожалению, после пластинки «Постскриптум» в России о нем было слышно мало. Но его пластинки до сих пор стоят на полках у многих серьезных ценителей музыки и до сих пор слушаются. Они не потеряли своей актуальности.

Хочется отметить, что в своей артистической жизни Немен вел себя очень достойно и независимо. Он не продавал себя. Делал то, что считал

нужным, и так, как считал нужным. Мало кому это удавалось. Так, в 2001 г. он пожертвовал средства для школ Литвы.

И могу с уверенностью сказать, что 30 января, в день и час его похорон, по всей России люди, равнодушные к мировой культуре, провожали

Немена в последний путь, поставив на проигрыватели его пластинки (у кого что было).

Кем же был для моего поколения Чеслав Немен? Конечно, великим музыкантом и композитором, певцом, художником, поэтом, скульптором. Но, главное — человеком. Гуманистом, отдавшим весь свой талант людям. Человеком, сопричастным всем радостям и горестям нашего мира. Таким он для нас и останется. У Осипа Мандельштама есть такие строки:

*Я не увижу
знаменитой «Федры»
В старинном
многоярусном театре...*

Мне очень жаль, что я больше не увижу и не услышу новых работ Чеслава Немена. Но, прощаясь с Чеславом, я храню в душе надежду, что Немен навсегда останется в мировой культуре и наших сердцах. Люди во всем мире, испытывая чувство огромной благодарности польскому гению, сказали (каждый в своей душе):

— Спасибо тебе, Чеслав, прощай и покойся с миром!

Збигнев Флорчак

ТОСТ

Руководствуясь идеями Жана Монне (о котором еще будет сказано ниже), европейские сторонники эгоистического национализма согласились создать над собой некую верховную структуру и подчиниться ее авторитету. Теперь в Евросоюз вступает Польша. Представляется, что ее восточные соседи во главе с Россией оценивают это событие так, как оно того заслуживает. Дело в том, что европейская интеграция, вне всякого сомнения, несет с собой всесторонние выгоды для всего региона. Выражаясь сжато, в ее свете запутанный клубок региональных связей вновь приобретает черты естественных и рациональных взаимоотношений.

Любой из нас предпочитает иметь дело с партнером, который уже решил свои основные жизненные проблемы, а не с тем, кто до сих пор не знает, где и на чем он сидит. Определив свое место, Польша стала более последовательным и надежным партнером. К тому же значительно расширился круг ее обязанностей, а следовательно, возросла ответственность. И, наконец, самое главное: наполнилось подлинным содержанием все еще пустующее пространство между народами Восточной Европы, а еще точнее — между людьми, которых разделяют бесчисленные административные границы. Не надо бояться проявлять оптимизм, когда мы имеем дело с событиями подобного масштаба. Разумеется, все зависит от того, как отнесутся к ним заинтересованные стороны: по-торгашески или же с ощущением перспективы и исторической миссии. Именно в пределах этой шкалы и ведутся извечные споры и скандалы в этом тесном и скученном мире, который представляет собой Европа, а уж тем более на опасном пограничье двух ее зон — западной и восточной.

Я не уверен, что профессиональные политики располагают инструментами, пригодными для достижения подобных целей. Как кто-то правильно заметил, война — слишком серьезное дело, чтобы доверять его генералам. Так и здесь — плодотворного сближения между народами со столь различными национальными унаследованиями нельзя добиться с помощью документов и официальных церемоний. Это задача для энтузиастов, действующих во имя идеалов служения обществу, решаемая на уровне отдельных групп людей и выдающихся личностей, которые, быть может, впоследствии приведут свои достижения к «общему знаменателю» уже на уровне нации. Пусть сначала люди получат возможность посмотреть друг другу в глаза и обменяться хотя бы частичкой своего опыта, вынесенного из тяжелой жизни, выпавшей на нашу долю в этом многострадальном уголке Европы на протяжении XX столетия — самого кровавого в истории. Сегодняшние тенденции интеграции, уже воплощающиеся в конкретных международных структурах, дают нам вполне реальную надежду: не на идиллию, потому что идиллия — всего лишь литературный жанр, а на практическую возможность узнать друг друга. Мне это представляется как сеть встреч, не вписывающаяся ни в какие общепринятые рамки и не описываемая общепринятыми терминами. Древние греки пользовались термином «энтелехия», что в понимании Аристотеля означало нематериальную движущую силу, порождающую мир материальных вещей. Некоторые факты из истории польско-русских отношений помогут лучше понять, что я имею в виду.

Например, 18 декабря 1830 г., на второй месяц польского восстания против российских оккупантов, повстанческий Сейм в Варшаве торжественно заявил, что им «движет отнюдь не национальная ненависть к русским, великому племени Славянского рода». Позднее эту позицию выразил Мицкевич в своих знаменитых строках из «Дзядов» и в стихотворении «К русским друзьям», где, как заметил Ежи Пшимановский, поэт безжалостно обличал царскую власть, находя великодушные слова для самих русских, первых жертв Империи: «Мицкевич первым выразил эту дихотомию, к которой сводится идейная модель отношения польского общественного мнения к русскому человеку». Тридцать лет спустя, в разгар следующего восстания — 1863 г., аналогичную позицию занял другой великий поэт — Циприан Камиль Норвид. В своих письмах к друзьям и к генералу Мерославскому он предостерегающе настаивает, чтобы мы помнили не только о том, что нас с Россией разделяет, но и о том, что нас связывает. Он писал: «К слову «москаль», к слову «Москва» питать отвращение — это одновременно и противоисторическая, и противоположительная деятельность». И добавлял: «Долг наш состоит в том, чтобы в России искать и находить друзей, не осуждая ее огулом, именно тогда, когда мы против нее боремся». Это редчайший пример несокрушимой моральной силы, проявляющейся в самый разгар ненависти. И эта вторая идейная модель тоже должна служить нам в качестве образца того, как следует писать, чтобы найти отклик у самого широкого круга читателей, а не только у определенной группы единомышленников.

Александр Герцен, наш благородный друг, в «Былом и думах» категорически утверждал, что «среди соседствующих с Россией народов нет никого, кто знал бы Россию меньше, чем поляки. На Западе России просто не знают, а поляки не знают ее намеренно». Суждение безапелляционное, что-то вроде пожизненного приговора. Но ни между людьми, ни между народами не существует ничего столь непоправимого. Быть может, подвергнутые пыткам русификации, жители «Захваченных Стран» (выражение Александра Брюкнера) намеренно ничего не хотели знать об извечном ощущении самими русскими той давящей силы, о которой говорил великий патриот России Герцен? А быть может, во многих случаях просто притворялись, что не знают? Оправдания могут выглядеть по-разному. Сколько самых просвещенных поляков сохранили жадный интерес к русской культуре! Иногда это даже производит впечатление какого-то возведения на пьедестал «глубинной сущности русской культуры». Примером может служить славист, философ культуры Мариан Здзеховский, личность самого высокого класса... «Его перо начинало сиять пламенем и блеском, как только оно прикасалось к мерцающей поверхности русских интеллектуальных прозрений и умозрительных построений. Родственная софистам амбивалентность русских зачаровывала его ум», — писал специалист в этой области Вацлав Ледницкий.

А Юзеф Чапский? Он, как фотографическая пластинка, был чувствителен к всевозможным нюансам психики русских. В Париже он дружил с Ремизовым, одним из самых трудных и необычных русских писателей. Чапский записал, как проходили его встречи с русскими писателями в 1942 г. в Ташкенте (в том числе с Алексеем Толстым и Ахматовой). «Когда я по памяти начал переводить «Фатум» Норвида, Толстой так заинтересовался, что помог мне изложить этот текст по-русски, записал его и сохранил. (...) Самым интересным был вечер, посвященный проекту перевода польской поэзии, написанной уже во время войны. Общее настроение, интенсивность реакции русских превзошли мои самые смелые ожидания. Я до сих пор вижу слезы в глазах молчащей Ахматовой. Я никогда впоследствии не ощутил такой восприимчивости со стороны слушателей. Мне никогда не удавалось возбудить в аудитории такого живого, неподдельного отклика, как среди этой горсточки недобитых русских интеллигентов».

В другом месте Чапский рассказывает, как в 1918 г. он «бродил по Петрограду, этому самому абстрактному из всех городов, охваченному революционным террором, среди людей, одолеваемых голодом. (...) Однажды вечером я шел по Сергеевской улице, вошел в один из подъездов и совершенно случайно увидел на каких-то дверях табличку «Дмитрий Мережковский». Я постучал, Мережковский принял меня в холодной столовой (не было угля), одетый в какое-то длинное бархатное пальто своей жены, с меховым воротником и широкими рукавами. Он походил на жреца неизвестного культа. Я сразу начал задавать ему вопросы об учении Толстого, которое уже тогда стояло мне поперек горла, потому что в такие времена, как тогдашние, идея непротivления злу насильем в ста случаях из ста обрекала человека на бездействие. Мережковский прислонился к столу, присел на него и начал со мной беседовать».

Просто невероятно! Присел на стол и сразу начал беседовать с незнакомым иностранцем двадцати с небольшим лет от роду. Трудно себе представить, чтобы так мгновенно, с первой минуты, «сцепились языками» представители любых других двух народов. «В контактах поляков с русскими неизменно повторяется один и тот же опыт, положительный опыт, который теоретически может нейтрализовать весь прежний, самый худший опыт. Я имею в виду эту их жажду впитывать идеи и пускаться в философствование. В подобные моменты они напоминают человека, у которого хронически повышена температура. Эту предрасположенность им нужно использовать, ибо она дает возможность начать разговор. Среди различных приемов, используемых в отношениях между людьми, нет более эффективного способа договориться, чем диалог — это бесценное средство, придуманное греками». А сегодняшние русские? Стремятся ли и они к диалогу?

Десятилетия, проведенные в изоляции коммунистического режима, отучили их от искусства дискутировать. Можно лишь надеяться, что теперь в них снова возродятся прежние человеческие склонности. Известия, приходящие оттуда, приводят в замешательство. Недавно умерший Кир Булычев в эссе «Как стать фантастом» отвечает на поставленный в заголовке вопрос: достаточно жить в стране, где фантастика правит реальностью! Значит, это иррациональное общество, хаос? Совсем иное утверждает известный социолог, профессор МГУ Игорь Клямкин: «Недавно мы проводили социологические опросы на тему ценностей, в которые верит население России. Когда мы спрашивали, какова должна быть жизнь в России, чаще всего нам отвечали: «Как на Западе!» В российском обществе существует достаточная база для реформ. Польша уже сделала свой выбор, куда она хочет идти. Самое время, чтобы теперь это сделала Россия» (интервью «Газете выборчей», сентябрь 2003). Его мнение звучит вполне убедительно. Но сколько раз более точными оказывалась интуиция писателя и его умение уловить правду в лаконичном афоризме?

А вот хорошо взвешенное мнение немца, д-ра Хеннинга Тевеса, директора Фонда Конрада Аденауэра в Польше: «Россия только что начала формировать национальное самосознание, призванное заменить собой имперское. Именно это станет решающим фактором в том, какова будет роль России в современном мире, как будут складываться ее отношения с ближайшими соседями — с Белоруссией, Украиной — и как поведет себя Россия по отношению к Чечне (...) В Западной Европе мы слишком мало знаем как об экономическом положении России, так и о происходящих в ней социальных процессах. Именно поэтому Польше предстоит сыграть ключевую роль при определении общей европейской позиции в этой области. К сожалению, превосходные польские эксперты нередко практически неизвестны в Германии...»

Интересно, что сорок лет назад с аналогичным пожеланием выступил Вацлав Ледницкий в своих великолепных «Дневниках». Можно полагать, что читателям «Новой Польши» не нужно представлять Александра и Вацлава Ледницких, несравненных знатоков России последнего дореволюционного периода, когда Александр был известным московским адвокатом, депутатом Думы от партии кадетов и польским общественным деятелем, а его сын Вацлав — начинающим русистом. Один из разделов своих непревзойденных «Дневников» он закончил напоминанием своим соотечественникам: «Главной нашей культурной задачей является накопление в польском обществе знаний о России, а с другой стороны — польская интерпретация России для Запада».

Поэтому следует с подобающей скромностью, но и с реалистическим ощущением нашей компетентности возложить на себя эту почетную обязанность. Мы заплатили трагически высокую цену за полувековое политическое противостояние с Россией. И, быть может, вынесли из него по крайней мере один полезный результат: мы выработали в себе своего рода радар, остро и чувствительно реагирующий на все русское. Чеслав Милош в одном из своих давних текстов назвал это «особого рода натренированным воображением, возможным лишь в Восточной Европе и совершенно недоступным для людей с Запада».

Поэт Зигмунт Кубяк, поклонник и популяризатор античной поэзии, в своем сборнике эссе о традициях средиземноморской культуры упоминает об одном наблюдении, которое он сделал во время короткого пребывания в Геттингене: «Что меня заставило задуматься, так это то, что я ощущал там среди людей какую-то особенную, более внимательную заинтересованность, чем в каком-либо другом месте за границей. Я чувствовал, что, будучи поляком, я был для немцев, как теперь говорят, проблемой. Так же, как и каждый немец для поляка — проблема. Ибо мы никогда не перестанем быть соседями. Мы связаны друг с другом на века, и эта связь глубока, а иногда трагична».

Русский и поляк тоже всегда были друг для друга «проблемой». Однако нигде — ни на небесах, ни на земле — не написано, что эта проблема должна быть трагической. Кардиолог проф. Збигнев Релига говорит: «Я уверен, что в течение ближайшего десятилетия мы научимся из собственных клеток больного воссоздавать новый орган и сумеем заменить отказавшую почку, печень или сердце». Как же в таком случае можно сомневаться, что мы из собственных клеток не сумеем заменить больные органы, выделяющие желчь, такими, которые будут обеспечивать в международном организме гармонию и согласие?

К сожалению, у нас слишком мало известен феномен Жана Монне, которого теперь называют «отцом Европы». Молодой человек ниоткуда, без всяких связей в среде политиков, торговавший в семейной фирме коньяком, в 1914 г. был направлен премьер-министром Рене Вивиани в Лондон с заданием координировать франко-британское снабжение. Впоследствии он занимался оздоровлением финансовой системы Польши и Румынии, затем делал то же самое в Китае, а в 1942 г. помогал Рузвельту ставить промышленность на военные рельсы. Гениальный финансист не имел ничего против Общего рынка, но был убежден, что европейская интеграция может быть реализована только с помощью политических решений. В 1974 г., за несколько лет до кончины, он закладывал фундамент Европейского парламента. Монне считал, что двух мировых войн, развязанных Европой в течение одного столетия, вполне достаточно — нельзя быть самоубийцами. В 1988 г. французы торжественно перенесли его прах в Пантеон. Несколько лет назад я зачитывался великолепной книгой Эрика Русселя об этом «прагматичном визионере с воображением пророка и железным характером». Тогда мне пришло в голову, что визионерство «гражданина Европы» Монне было бы невозможно, если бы он не был торговцем. В самой сути торговли лежит чудотворный принцип изучения других людей и взаимовыгодного обмена. Вдоль Великого шелкового пути в течение тысячи лет (II в. до Р.Х. — VIII в. по Р.Х.) люди обменивали шелк, железо и бумагу на золото, благовония, украшения и культурные растения. Сегодня, когда одна за другой исчезают границы между государствами, культура обмена будет поднята на новую высоту: мы будем торговать такими товарами, как братство между народами. Так поднимем же тост — тем трехзвездочным коньяком «Мартель», который продавал за границу Жан Монне, — и выпьем за лучшее будущее с теми, кто всё еще — пока еще! — обращен лицом к прошлому.

**Владислав
Бартошевский**

ПРОТИВ ВЫБОРОЧНОЙ ПАМЯТИ

Создание в Берлине «Центра против изгнаний»* — это проект, над которым следует серьезно подумать. Эта идея не нова... Впервые о ней заговорили несколько лет назад, а год назад председатель «Союза изгнанных», депутат Бундестага Эрика Штейнбах активно взялась за проведение ее в жизнь. Возникает вопрос: чему должен служить этот центр, что он должен собой представлять, где находиться и кому предстоит заниматься его организацией? И поляки, и вообще европейцы могут возыметь по этому поводу далеко идущие сомнения.

Я не утверждаю, что прошлое вспоминать не следует. Зато считаю, что формы памяти должны соответствовать требованиям XXI века, сообществу Евросоюза и будущему пути молодого и среднего поколения. Недавно я вполне сознательно сказал, что мы тоже могли бы создать центр, чтобы заниматься польско-немецкой историей с 1772 г., с первого раздела Польши, и всем, что за этим последовало: германизация, борьба с католической Церковью, запрет говорить по-польски, ликвидация польских школ... Всё это не эпизоды, а периоды жизни нескольких поколений. Если уж немцы себе того желают, то и мы в Польше можем изучать прошлое в такой односторонней форме, с точки зрения интересов одной традиции, одного народа и одной памяти. У нас есть отлично подготовленные для этого научные учреждения, например Западный институт в Познани, где собрана богатая документация по вопросам политики Германии в отношении Польши. Да только я стою за лечение, согласованное врачом с пациентом, а не за то, чтобы кому-то что-то навязывали.

КТО СЕЕТ ВЕТЕР, ПОЖНЕТ БУРЮ

Вспомним еще раз: II Мировую войну подготовили законные власти германского государства. Тогдашнее правительство пришло к власти не в результате революции и гражданской войны, как

это было, например, с большевиками после крушения царской России в 1917 г., а в результате свободного волеизъявления относительного большинства граждан страны. Федеративная Республика Германии, созданная в 1949 г. с согласия западных оккупационных держав приняла правопреемство и ответственность за то государство, которое допустило действия, вызвавшие в конце концов его собственное уничтожение. Было решено сурово осудить преступления гитлеровского режима как против евреев, так и против других народов, пострадавших от нацистской оккупации. Кто сеет ветер, пожнет бурю — и последствия войны горько сказались на миллионах немцев. Не будем спорить о том, сколько было этих миллионов — 10, 12 или 15. Даже если бы такая судьба выпала полутора десяткам тысяч человек, это история уже достаточно страшная.

Выступая в германском парламенте 28 апреля 1995 г. на специальной совместной сессии Бундестага и Бундесрата (это было первое выступление польского политика в немецком парламенте за всю историю Польши и Германии), я сказал, что Польша, «обретая политический суверенитет, обретает и духовную суверенность. Ее критерий — чувство нравственной ответственности за всю нашу историю, в которой, как всегда, есть светлые и темные страницы. Как народ, испытавший все ужасы войны, мы познали и трагедию насильственных выселений, а также связанных с этим преступлений и насилия. Мы помним, что они затронули массу немецкого населения, а преступниками были и поляки». Я откровенно говорил, что «мы страдаем индивидуальным судьбам и страданиям тех невинных немцев, которые в результате войны утратили свои родные края».

Я не сказал «страданиям немцев». Если эсэсовец или чиновник гитлеровской администрации в результате своих преступных действий испытал страдания, подвергся аресту или даже дурному обращению, у меня нет особых причин сострадать ему. Иначе обстоит дело с невинными людьми, нередко женщинами, стариками и детьми, с теми, кто не умел ясно распознать преступность режима, который они одобряли.

* Центр, по замыслу, должен собирать и анализировать материалы, касающиеся прежде всего судьбы немцев, а также людей других национальностей, изгнанных из родных мест. — *Здесь и далее прим. ред.*

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИЛИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ?

На протяжении всего XX века 50-70 млн. европейцев — по причине своего происхождения, национальной или религиозной принадлежности — были насильственно переселены или вынуждены были бежать из родных мест либо заниматься подневольным трудом. На Потсдамской конференции летом 1945 г. было принято решение о переселении немецкого населения с тех территорий, которые отходили к Польше — отходили отнюдь не в результате свободного волеизъявления нашего народа. Это, конечно, не был праздник незамутненной радости и удовлетворения поляков: взамен восьми воеводств, где они жили на протяжении многих веков и которые были отданы тогдашнему Советскому Союзу, они получили земли вдоль Одры и Нисы. Люди, которые поселялись между старой границей Польши, проходившей по реке Варте и по земле Верхней Силезии, и новой — по Одре и Нисе, люди со скудным имуществом или вообще без ничего, начинали новый, тяжкий этап своей жизни. Поэтому миллионы поляков, примерно четверть тогдашнего населения, чувствовали себя вовсе не победителями, а скорее жертвами II Мировой войны.

Ко всему этому привела безумная политика Гитлера и национал-социалистов после 1933 года. Нужно, правда, сказать, что в обстоятельствах, сложившихся к 1945 г., и западные демократии не находили лучшего решения. Черчилль, Эттли, Рузвельт и Трумэн не видели иного выхода, нежели переселение людей с целью создать государства, способные нормально функционировать. Политики самых разных направлений, взглядов и мировоззрений заняли тогда позицию, согласно которой это было наименьшее зло. У меня нет ни малейшего сомнения, что для миллионов людей это стало несчастьем.

Если переброска населения не производилась гуманно, то в тех случаях, когда она сопровождалась злоупотреблениями вплоть до преступлений, таких, как изнасилования и убийства, все это подлежит решительному осуждению и в пределах возможного должно стать предметом уголовного преследования. Однако я не считаю формой насилия, например, тот факт, что в тех же товарных вагонах, в которых привозили поляков из Казахстана и других мест СССР в Польшу, потом вывозили немцев из Польши в Германию. Это происходило не по бесчеловечности. Таково было тогда состояние польского хозяйства, разрушенного немцами, таков был железнодорож-

ный парк, таковы были условия. Надо отличать неблагоприятные обстоятельства и страдания, связанные с войной, от умышленных преследований, гонений, а тем более действий, всегда подлежащих осуждению, — злоупотреблений и преступлений. Сегодня об этом нужно напоминать уже только молодым людям, но, возможно, и тем, кто принадлежит к среднему поколению, в том числе и депутату Эрике Штейнбах — родившейся во время II Мировой войны под Гдыней дочери солдата оккупационного гарнизона. Тот факт, что она маленьким ребенком вынуждена была эвакуироваться с немецкими вооруженными силами, не может быть причиной для эмоциональной связи с этими местами. Ее родители никогда там не жили постоянно, родом они, насколько я знаю, из Гессена, то есть из центральной части Германии. Следовательно, не может быть и речи о том личном или эмоциональном отношении к насильственному переселению, какое было у господ Чаи, Хупки или Кошика**.

Изгнание из родных мест, насильственные переселения и депортации, начатые еще гитлеровцами в оккупированной Польше (уже в ноябре-декабре 1939 г.), проводились по-разному и имели разные последствия. Например, тому, кого переселяли в американскую или английскую оккупационные зоны, сравнительно повезло. Его дети и внуки родились и выросли свободными гражданами Западной Европы и задолго до процесса расширения Евросоюза и даже до объединения Германии могли пользоваться известными свободами и получать образование. Не все переселения сопоставимы, так же, как нельзя сравнивать насильственное заключение евреев в гетто и насильственное переселение поляков из одних мест в другие. Нельзя сравнить и отправку из Центральной Европы в Сибирь с отправкой из Вроцлава и Щецина в Мюнхен или Гамбург.

СКРЫТАЯ ФИЛОСОФИЯ

Казалось бы, эта глава истории, о которой я говорил восемь лет назад в Бундестаге и о которой за пять лет до меня, 5 октября 1990 г., говорил на конференции в Берлине первый министр иностранных дел суверенной Речи Посполитой Кшиштоф Скубишевский («Я глубоко понимаю страдания немцев, которые потеряли свои родные места в результате военных действий, изгнания или переселения. Эти немцы испытали много страданий и несправедливостей... Для меня это нелегко, и мне

**Предшественники Эрики Штейнбах на посту председателя «Союза изгнанных».

больно из-за того, что до этого дошло. Но сегодня эти события принадлежат прошлому. Немцы и поляки нуждаются в мире — мире в умах и сердцах. Наш долг — думать о будущем», — глава окончательно закрытая, ставшая предметом исследований историков и других ученых. Оказалось, однако, что в Германии возрождается мышление, обеляющее шовинистические деяния, открывается старая глава с замыслом манипулировать историей.

Почему в 2002 г. был поднят вопрос о создании «Центра против изгнаний»? Для того ли, чтобы положить фундамент под ложное сознание, согласно которому кроме евреев — в чем не усомнится ни один нормальный человек — жертвами II Мировой войны были главным образом немцы? В этом ли состоит та скрытая философия, на которой предстоит строиться ложному сознанию в самой Германии и будущей Европе? Противостоять этому должны в своих собственных интересах сами немцы. Мы же, поляки, ни в коем случае не можем согласиться с таким пониманием. Следовательно, мы можем сказать «да» центру в контексте исторического изучения преступлений против человечества и насильственных переселений во всей Европе, и этот центр лучше всего было бы расположить в Страсбурге, на Балканах или в таком городе, как Гёрлиц/Згожеlec***. Берлин же для поляков — символ сначала прусской власти, с ее германизацией и угнетением славян, затем — гитлеровской, а для польских и всех европейских евреев это вдобавок место совещания, где было выработано «окончательное решение еврейского вопроса» (Endlösung der Judenfrage).

Если нужно культивировать память, то целиком, а не выборочно. Не путем создания какого-то центра в Берлине, посвященного изгнанию немцев из Польши, Чехии, Венгрии или Румынии. Пусть это будет европейский центр — просветительский, исследовательский, возможно и музейный, борющийся с нарушениями прав человека, составляющих наш фундамент. Это было бы, говоря логически, более честно, да и самим немцам переварить такое удалось бы легче, раз там показали бы, что не одни немцы в истории сворачивали на неверный путь. Если нынешний замысел берлинского центра получит поддержку большинства немецкой общественности и политиков, чего

пока — к счастью — можно ожидать без полной уверенности, для нас это станет проявлением желания противопоставить страдания одних людей страданиям других или просто пренебречь ими.

СОРЕВНОВАНИЕ В ПСЕВДОПАТРИОТИЗМЕ

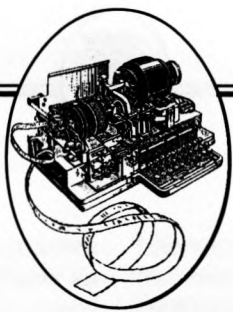
Между тем все как будто забыли, что уже достигнуто невероятно много. У нас сейчас самые лучшие за всю историю отношения с немецким народом. У нас общая мирная граница, нас соединяют сотни повседневных дел. Уже четыре года мы вместе состоим в НАТО, и Польша готовится вступить в Европейский союз... В конце концов, мы шестое по величине государство в Европе. В сегодняшних и перспективных интересах немцев и поляков лежат самые добрососедские отношения. Я сам на протяжении многих лет стремился способствовать этому. Тогда это было по меньшей мере непопулярно и меня, участника вооруженного сопротивления Третьему Рейху и офицера АК, нередко обвиняли в том, что я слишком уступчив или мягок по отношению к Германии.

В последние месяцы я несколько раз, уже как частное лицо, выступал по немецкому радио и телевидению и знаю, что меня слушали с большим интересом. В связи с этим я считаю, что в Германии есть миллионы людей, которые разделяют мою точку зрения. Это позволяет мне с умеренным оптимизмом ожидать, что политико-тактические завихрения и соревнование в т.н. патриотизме, точнее псевдопатриотизме, минут и что в этом вопросе победит здравый смысл всех демократических сил Германии.

RZECZPOSPOLITA

Владислав Бартошевский, историк, родился в 1922 году. Во время гитлеровской оккупации Польши был одним из создателей подпольной организации спасения евреев «Жегота» при Армии Крайовой, сражался в Варшавском восстании. В послевоенной ПНР несколько лет провел в заключении. После введения военного положения в Польше в 1981 г. был интернирован. В новой демократической Польше был послом в Австрии, сенатором и — в двух правительствах — министром иностранных дел.

*** Город на разделенной послевоенной границей Германии и Польши.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

◆ Лех Валенса стал лауреатом премии «Черноб-био-Европа», присуждаемой за выдающийся вклад в развитие Европы. (*«Газета выборча», 20-21 дек.*)

◆ Лешек Бальцерович: «Годы, прошедшие после краха социализма, Польша не потратила впустую. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных, в частности, Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития. С 1989 по 2002 г. рост нашего ВВП был самым большим по сравнению с другими бывшими социалистическими странами (30%, в то время как в России ВВП уменьшился на 35%, а на Украине — на 54%). За последние три года нам удалось стабилизировать цены (в Румынии и России инфляция до сих пор держится на уровне полтора десятков процентов). Мы входим в группу постсоциалистических стран с самым высоким ростом производительности труда в промышленности, а с этим показателем тесно связан рост реальной заработной платы. В 1989-2002 гг. на одного жителя Польши пришлось в 10 раз больше иностранных инвестиций, чем в России (но в 3,5 раза меньше, чем в Чехии). Детская смертность на тысячу новорожденных снизилась с 19 в 1990 г. до 8 в 2001-м; на Украине — с 18 до 17, а в России выросла с 17 до 18. Значительно уменьшилось также загрязнение окружающей среды. Этих результатов Польша достигла благодаря либеральным реформам, которые ограничили вредное влияние государства и дали людям свободу. Там, где преобразования были блокированы, наросли социальные проблемы». (*«Впрост», 31 дек.*)

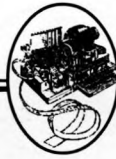
◆ Из новогоднего телевизионного обращения президента Александра Квасневского: «После нескольких лет застоя в экономике наступило заметное оживление. В 2003 г. ВВП рос в три раза быстрее, чем в 2002-м. Увеличивается экспорт, инфляция держится на низком уровне, вновь создается благоприятная атмосфера для инвестиций (...) Однако в картине уходящего года есть и темные тона. Слишком часто до нас доходили возмущительные сообщения об аферах и коррупции. Появились обоснованные опасения, что некоторые важные решения были приняты в результате не-

законного лоббирования, а поведение лиц, занимающих высокие государственные посты, противоречило этическим нормам. Сомнения вызывал и стиль управления». (*«Газета выборча», 2 янв.*)

◆ После трех лет застоя польская экономика обрела наконец второе дыхание. В третьем квартале 2003 г. ВВП увеличился на 3,9% — это был самый высокий рост начиная с 2001 года. Большинство экономистов сходится в том, что за весь истекший год рост польской экономики составит 3,5% (как и было запланировано бюджетом) или даже несколько больше. Еще лучше выглядит перспектива на 2004 год. По прогнозам инвестиционного банка «Мерилл Линч», ВВП может увеличиться на 5,2%. Двигателем этого роста должен стать экспорт, которому благоприятствует ослабление злотаго по отношению к евро и все лучшая мировая конъюнктура. (*«Ньюсуик-Польша», 4 янв.*)

◆ Заместитель директора Института исследований рыночной экономики Богдан Выжникевич: «Статистические данные не оставляют и тени сомнения в том, что покупательная способность поляков увеличилась (...) Теперь после вычета страхового взноса и подоходного налога на среднюю месячную зарплату можно купить значительно больше, чем в 1989 г.: 1570 буханок хлеба (1017 в 1989-м), 574 кг сахара (245 кг), 68 кг свиного окорока (29 кг). Чтобы купить цветной телевизор, в начале преобразований надо было работать полгода, теперь же на одну зарплату можно купить полтора подобных телевизора. Время накопления денег на автомобиль сократилось с 49 до 16 месяцев. Только в случае автомобильного горючего покупательная сила зарплат осталась прежней. Коренным образом изменилась структура расходов, в которых уменьшилась доля продуктов питания (вследствие их экономного расходования и относительного снижения цен), зато увеличилась доля услуг. Услуги подорожали, появились и новые, которые при старой системе были недоступны». (*«Жечпосполита», 30 дек.*)

◆ Только 0,1% поляков, т.е. 150 тыс. человек, уже сегодня зарабатывают столько, сколько составляет средняя месячная зарплата в богатейших странах Евросоюза, — свыше 20 тыс. злотых. 0,2% за-

рабатывают 15-20 тыс. злотых; 0,7% — 10-15 тыс.; 30,6% — 2,2-10 тыс.; 68,4% — менее 2,2 тыс. злотых. Средняя месячная зарплата возросла в Польше со 102 зл. в 1990 до 2160 зл. в 2003 году (1 доллар = 3,72 зл.). (*«Ньюсуик-Польша», 11 янв.*)

♦ В январе минимальный размер оплаты труда вырос с 800 до 824 злотых. Однако работодатели могут предлагать более низкую зарплату выпускникам вузов: 659,2 зл. в первый год работы и 741,6 зл. на второй год. (*«Политика», 3 янв.*)

♦ По мнению президента и экономистов, основные заслуги завершающего свой срок полномочий Совета монетарной политики (СМП) состоят в том, что ему удалось ограничить инфляцию и отстоять независимость центрального банка. С начала 1998 г. инфляция уменьшилась с 14,2 до 1,7% в год. Удалось также уменьшить дефицит текущих оборотов до безопасного уровня 2% ВВП. (*«Жечпосполита», 7 янв.*)

♦ Премьер-министр Лешек Миллер попал в авиакатастрофу. Правительственный вертолет Ми-8 разбился в нескольких километрах от Варшавы, после того как вышли из строя оба двигателя. У премьер-министра сломаны два позвонка. Ранения получили также полтора десятка других пассажиров вертолета. По мнению экспертов, премьеру спасло жизнь только искусство пилота. (*«Тыгодник повсехний», 14 дек.*)

♦ Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Сегодня, спустя несколько дней после авиакатастрофы, мы не в состоянии полностью осознать, что хотел сказать нам Бог этим необыкновенным спасением: произошло ли оно ради одного человека, было ли благодатью милосердия к группе или, может быть, предостережением многим». (*«Жечпосполита», 22 дек.*)

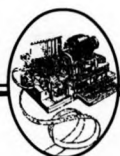
• Директор больницы МВД Марек Дурлик: «Премьер-министр чувствует себя все лучше. Очень хорошо действует на него лечение низкими температурами — около -160°C». (*«Жечпосполита», 12 дек.*)

♦ Обсуждение европейской конституции стало главной темой брюссельской встречи в верхах Евросоюза. Самым долгожданным гостем был премьер-министр Лешек Миллер, въехавший в зал заседаний на инвалидном кресле. Особенно тепло приветствовали его Герхард Шредер и Жак Ширак — главные противники Польши в дискуссии о конституции. «Польша не блокирует принятие конституции», — заверил Миллер. Однако он считает необоснованной замену системы голосования, принятой в Ницце, на новую, предусмотренную

конституцией. Со всеми остальными положениями конституции польский премьер-министр согласен. (*«Жечпосполита», 13-14 дек.*)

♦ «В «Мониторе польском» от 15 декабря напечатаны очередные заявления высокопоставленных чиновников правительства Лешека Миллера, признающих в сотрудничестве со спецслужбами ПНР (...) Возможно, не все люди, сотрудничавшие со спецслужбами, нанесли кому-то непосредственный ущерб (...) Однако уже само решение сотрудничать ставит под сомнение их моральное право служить демократической Польше (...) Премьер-министр Миллер не впервые назначил таких людей на высокие должности. Кроме того, против других его близких сотрудников ведутся люстрационные процессы. Жаль, что в подобных делах премьеру не хватает осторожности». (*Кишиштоф Готсман, «Жечпосполита», 20-21 дек.*)

♦ Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «На протяжении многих лет престиж государственной власти в Польше падает. Большинство граждан не доверяет очередным правительствам (включая нынешнее). Обе палаты парламента тоже лишаются общественной поддержки вскоре после выборов. Не на лучшем счету и политические партии (...) Правда, местное самоуправление оценивается не столь негативно, но и по его адресу раздаются слова критики (...) Особое исключение, уже восемь лет подряд подтверждающее это печальное правило, составляет президент Польши. Уровень доверия к нему свидетельствует о том, что для поляков политическая сцена не однородна, что они подходят к ней рационально. Их озлобление — следствие не слепого бунта против государства, но трезвой оценки функционирования государственных структур (...) На политическую сцену все легче пробиться людям грубым, зачастую вульгарным, примитивным (...) На протяжении последних шести лет мы стали свидетелями методов, сильно напоминающих времена бесславной номенклатуры. Возрождается явление негативного отбора кадров. Все чаще в государственных учреждениях не остается места для людей с высокими профессиональными качествами. Патологические явления проникают на низшие уровни власти (...) Мы должны осознать, что все мы — граждане одного государства (...) Политические партии, необходимый элемент демократического механизма, не имеют права рассматривать государство как свою собственность. В парламенте и правительстве они всего лишь прохожие, которые должны передать государственные

дела своим преемникам в лучшем состоянии, чем они были в начале их срока полномочий». (*«Газета wyborcza»*, 3-4 янв.)

◆ Проф. Вацлав Вильчинский: «Централизм у нас снова процветает, а государство разваливается. Быстрее всего растут бюджетные расходы на управленческий аппарат, причем главным образом центральный (...) Польские преобразования до сих пор не привели к формированию гражданского общества, так как мы не смогли преодолеть централистскую ментальность, которая продолжает оказывать огромное влияние на системные решения, законодательство и государственные финансы». (*«Впрост»*, 31 дек.)

◆ Пока что депутаты рассмотрели только 32 из 225 статей закона о государственных заказах, без которого Евросоюз не откроет Польше доступа к структурным фондам. Выполнению условий, поставленных Брюсселем, препятствуют многочисленные взятнические и отраслевые связи. «Госзаказы — главный источник коррупции в нашей стране», — говорит председатель экономической комиссии Сейма, депутат «Гражданской платформы» Адам Шейнфельд. (*«Жечпосполита»*, 20-21 дек.)

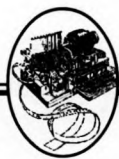
◆ «Каждый четвертый конкурс, объявляемый учреждениями, распоряжающимися государственными средствами, заканчивается аннулированием (...) Часто результаты конкурсов аннулируются, чтобы обойти правила распределения госзаказов. Многие из участвующих в конкурсах фирм несут из-за этого серьезные убытки (...) Неясные правила позволяют довольно свободно формулировать условия конкурсов и в результате выбирать победителей по своему усмотрению (...) В Сейме продолжается работа над дополнениями к закону о государственных заказах. Явная задержка с улучшением законодательства в этой области тоже начинает вызывать подозрения». (*Кишиштоф Бень*, *«Жечпосполита»*, 6 янв.)

◆ «Из достижений последних лет стоит отметить: изменение законодательства; создание сильного фронта неправительственных организаций, контролирующих принимаемые правительством стратегии; реакцию на сообщения СМИ, которые раньше отскакивали от политиков как от стенки горох. Запутанные связи парламентариев и чиновников с предпринимателями наконец-то стали компрометировать представителей власти (...) Каждое злоупотребление властью, выставленное на всеобщее обозрение, обладает сегодня огромной убойной силой. Что-то все-таки изменилось». (*Янина Падаровская*, *«Политика»*, 10 янв.)

◆ Международная федерация журналистов обвиняет польские власти в попрании принципов журналистского расследования. Польские суды выносят приговоры, запрещающие публиковать тексты о конкретных проблемах. Федерация считает, что тактика использования судов для предотвращения дискуссий на общественно важные темы не выдерживает никакой критики. Кроме того федерация напоминает, что подобные ухищрения — уже не первая попытка польских властей заткнуть рот прессе. (*«Жечпосполита»*, 10 дек.)

◆ Вице-маршал Сейма Томаш Наленч: «Коррупция характерна тем, что она разъедает и того, кто дает, и того, кто берет, а в конечном итоге — все государство (...) Серьезные инвесторы принимают во внимание разные факторы: инфраструктуру, налоговую систему, стоимость труда, но для них важно и общее мнение о стране. Если оказывается, что инвестор дал в Польше взятку, это сильно вредит его репутации на родине (...) Если даже он не давал взятки, но инвестирует в стране, подозреваемой в «структурной коррупции», его репутация все равно подорвана: каким чудом он мог вести там свои дела честным образом? (...) Польша стоит перед драматическим выбором: либо она хочет быть страной, достойной доверия, где осуществляют инвестиции серьезные предприниматели, либо страной, привлекающей исключительно спекулятивный капитал, от которого ничего хорошего ждать не приходится». (*«Газета wyborcza»*, 15 дек.)

◆ «Польский союз охотников — могучая сила во властных сферах. В среднем один охотник приходится в Польше на 360 граждан, но в парламенте число охотников поистине огромно: каждый шестой депутат и сенатор — член ПСО (...) Больше всего охотников в рядах «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и крестьянской партии ПСЛ. В партиях нового поколения, таких, как «Гражданская платформа», их количество ничтожно. Это наследие новейшей истории Польши, когда охота означала принадлежность к истеблишменту. Правые депутаты относятся к этому прохладно. Однако пользу охоты оценили парламентарии последнего набора, особенно депутаты «Самообороны». Именно Альфред Буднер, первый охотник в партии Леппера (...) основал парламентскую Группу охотников и друзей охоты, в которую входят 78 человек, в т.ч. значительная часть фракции «Самообороны». (*Агнешка Рыбак*, *«Политика»*, 3 янв.)

◆ Сейм принял закон об опытах на животных. Тестирование косметических средств на животных не будет запрещено. Этические комиссии не смогут контролировать ход экспериментов. «Один раз президент уже наложил вето на закон, разрешающий использовать для опытов бездомных животных. Надеюсь, что, когда ему принесут на подпись этот закон, он проявит такую же чуткость». (*Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 19 дек.*)

◆ 44% поляков считают польскую систему власти патологической. 13% убеждены, что страной правят скрытые силы (духовенство, евреи, иностранный капитал, люди старой системы). 41% не выразил негативных эмоций, а просто перечислил органы власти, учреждения или организации. (*«Политика», 3 янв.*)

◆ Директор Института истории социологической мысли Варшавского университета Павел Спек: «В польской иерархии конфликтов на первый план выходит антагонизм между обществом и политической властью. Самое сильное раздражение общества вызывают вовсе не люди, достигшие финансового успеха. Мы ценим их за смелость, способность идти на риск, хотя многие все еще склонны считать, что их успех в значительной мере зависит от связей и знакомств. Только 30% из нас доверяют предпринимателям (...) Дихотомический образ мира: «мы», общество, против «них», власти, — напоминает времена ПНР». (*«Впрост», 4 янв.*)

◆ На 70 тыс. человек, т.е. почти наполовину, уменьшилось количество членов СДЛС после верификации. (*«Жечпосполита», 6 янв.*)

◆ Согласно опросу ЦИОМа, католической Церкви доверяют 75% поляков, а не доверяют 22%. По мнению 41% опрошенных, сейчас влияние Церкви на политическую жизнь как раз такое, как должно быть; 48% считают, что оно слишком велико, 7% — что слишком мало. 56% поляков считают, что власти должны руководствоваться социальным учением Церкви. 36% придерживаются противоположного мнения. (*«Газета wyborcza», 11 дек.*)

◆ По данным опроса ЦИОМа, если бы парламентские выборы прошли в начале декабря 2003 г., «Гражданская платформа» набрала бы 26% голосов, СДЛС — 17%, «Самооборона» — 13, «Право и справедливость» — 12, «Лига польских семей» — 8, крестьянская партия ПСЛ — 6%. (*«Жечпосполита», 23 дек.*)

◆ Депутат Эугениуш Чиквин: «Несмотря на определенные сдвиги, обещанный Лешком Миллером перелом в восточной политике так и не наступил.

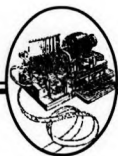
Правда, премьер поехал на торжества по случаю 60-й годовщины битвы под Ленино — честь и хвала ему за это, — но в беседе с премьер-министром Белоруссии он не затронул ни одного вопроса, существенного для интересов обоих государств». (*«Пшегленд православный», ноябрь*)

◆ Из интервью с украинским историком проф. Ярославом Грицаком: «Опросы общественного мнения показывают, что на вопрос, какое государство должно быть для Украины примером, чаще всего мы отвечаем: Польша. Россию называют редко, так как она погружена в кризис, а Польша добилась успеха в политических и экономических преобразованиях (...) Я часто повторяю, что украинский национализм — отражение польского, а украинские националисты — примерные ученики польских националистов». (*«Тыгодник повшехний», 21-28 дек.*)

◆ Д-р Адольф Юзвенко, директор вроцлавского Национального института им. Оссолинских: «Я могу лишь надеяться, что следующее поколение украинцев будет относиться к полякам по-другому. Сейчас украинцы относятся к нам с недоверием, подозревают, что мы смотрим на них свысока, и это вызывает у них неприязнь. Когда я разговариваю с молодыми украинцами, у меня такое впечатление, что им легче понять наши притязания [касающиеся возвращения собраний львовского музея Любомирских]». (*«Жечпосполита», 20-21 дек.*)

◆ «Европейская перспектива Украины — вызов Киеву, Брюсселю и Варшаве» — так называлась прошедшая в Варшаве польско-украинская конференция. Из выступления Адама Михника: «Когда президент Квасневский говорит украинцам: «Можете рассчитывать на Польшу», — он говорит это от имени подавляющего большинства поляков (...) Размышляя о том, что происходит сегодня с Литвой, Грузией, Белоруссией, Молдавией, невольно задаешься вопросом: смирились ли российские верхи с тем, что Киев и Донецк — это уже не Россия?» (*«Газета wyborcza», 19 дек.*)

◆ Бывший министр иностранных дел проф. Бронислав Геремек: «Российское общество выразило согласие на авторитарную форму правления. Из Думы исчезли демократические партии, зато широкую поддержку получили партии радикальные, именуемые в России «коричневыми» (...) Для Польши развитие ситуации в России не представляет опасности. Но Россия осуществляет свою политику в т.н. странах «ближнего зарубежья», т.е. в

постсоветском пространстве, в которое, к счастью, не были включены прибалтийские республики, в чем есть и наша заслуга. Если в России будет царить авторитарный режим, все постсоветское пространство будет охвачено политикой имперской зависимости (...) Зная Россию и желая, чтобы она была нам дружественна, мы должны отстаивать мнение, что только демократическая Россия гарантирует стабильную и мирную обстановку. Имперская и авторитарная Россия в долгосрочной перспективе представляет опасность». (*«Газета выборча», 20-21 дек.*)

◆ «Если Россия будет лелеять имперские амбиции, то дезинтеграция Евросоюза и отдаление таких государств, как Польша и страны Прибалтики, от государств-основателей ЕС будет отвечать ее интересам (...) Чем больше Евросоюз будет раздираем внутренними конфликтами и местными интересами, тем больше можно опасаться восточных интриг, в результате которых Польша окажется главным проигравшим (...) В интересах Польши заботиться о том, чтобы за нашей восточной границей побеждали демократические стандарты. Это лучшая гарантия нашей безопасности». (*Петр Семка, «Газета польска», 17 дек.*)

◆ По обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства арестован поручик польской армии из Военной информационной службы. Особый интерес вызвали предназначенные для передачи российской разведке документы и сведения о планах размещения в Польше баз НАТО и дислокации войск в связи с передвижением границы Евросоюза на восток. Следствие было возбуждено 27 декабря, а арест произведен уже 29-го. (*«Газета выборча», 31 дек. — 1 янв.*)

◆ «Польша в недостаточной степени участвует в развитии России, хотя мы можем предложить очень многое», — говорит Марек Оцепка, начальник торгово-экономического отдела посольства Польши в Москве. На прошедшей в Москве совместной конференции российские и польские предприниматели обсуждали развитие экономических контактов в контексте расширения Евросоюза. (*«Газета выборча», 22 дек.*)

◆ Стефан Братковский: «Никита Михалков бьет поклоны новому царю и рад бы освободить его от проблем, связанных с выборами. Тем большее значение приобретает наша единственная связь с российской интеллигенцией — неоценимый журнал Ежи Помяновского «Новая Польша». Стоит приглашать в Польшу его русских авторов, таких, как Александр Липатов, — пусть

преподают у нас. А может, кто-нибудь подумает и о почетной докторской степени для Александра Яковлева, о польских орденах для людей из «Мемориала», которые самостоятельно, в полудетективных обстоятельствах, нашли закопанные в Медном останки поляков». (*«Жечпосполита», 13-14 дек.*)

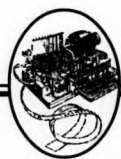
◆ «С искренним энтузиазмом рекомендую читателям книгу «Русские мыслители» — классический труд одного из самых выдающихся историков мысли минувшего столетия Исайи Берлина в переводе Сергиуша Ковальского, впервые изданную в Польше издательством «Прушинский и К°». (Бронислав Вильдштейн, *«Жечпосполита», 13-14 дек.*)

◆ В Международный день прав человека были подведены итоги конкурса на лучший текст о правах человека. Журналистскую премию «Международной Амнистии» за 2003 г. получила Кристина Курчаб-Редлих за опубликованную в «Газете выборчей» статью «Демократия из плоти и крови» о положении в Чечне. (*«Газета выборча», 15 дек.*)

◆ В Ираке погиб второй польский военнослужащий — на этот раз от случайного выстрела товарища во время чистки оружия. Двое поляков получили ранения при нападении на их патруль в районе Хиллы, а еще двое — при теракте в Карбале. (*«Тыгодник повшехний», 4 янв.*)

◆ В Ираке под польским командованием служит 10 тыс. солдат из 23 государств. Помимо Польши самые многочисленные контингенты прислали Украина и Испания. Украинская бригада отвечает за положение в провинции Васит, а испанская — в провинциях Наджаф и Кадисия. Поляки вместе с болгарями, венграми, румынами, филиппинцами, тайландцами, монголами, казахами, латвийцами, литовцами и словаками отвечают за провинции Бабиль и Карбала. Испанскую бригаду поддерживают солдаты из Доминиканской Республики, Сальвадора, Никарагуа и Гондураса. Кроме того в штабе дивизии служат офицеры из Голландии, Дании, Норвегии, США, Великобритании и Италии. (*«Жечпосполита», 6 янв.*)

◆ «Армия, которая за границей считалась устаревшей и отсталой, а в собственной стране была предметом насмешек, в Ираке прекрасно справилась со своей задачей (...) Шестимесячное пребывание в Ираке 2,5 тыс. польских солдат и организация международной дивизии завершились успехом, что было воспринято в Польше чуть ли не как очевидность (...) Миссия в Ираке показала,

что поляки способны запланировать и провести крупную операцию. Польша обладает достаточным потенциалом и может быть верным союзником и партнером (...) Мы добились успеха, организовав международную дивизию и команду ею в Ираке, но теперь перед правительством стоит еще более трудная задача: оно должно подготовить сценарий вывода войск из Ирака. Это должно происходить спокойно и постепенно, так, чтобы наше пребывание в этой стране завершилось полным успехом». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 7 янв.)

◆ «Польская гуманитарная акция» осталась в Ираке даже после того, как оттуда из-за терактов уехали сотрудники «Красного креста». Основательница ПГА Янина Охойская говорит: «Мы снимаем в Хилле глиняный дом, за который платим 300 долларов в месяц. В каком состоянии он находится, мы убедились во время первой же грозы: в трех местах нам пришлось поставить тазы, так как с потолка текло. Но там есть теплая вода (мы поставили бойлер), есть туалет, электричество, телефон. Зато телевизора и других вещей, предназначенных только для развлечения, у нас нет. А таких машин, как наша, здесь очень много. На этой машине нет нашего знака. Соседи относятся к нам как к своим, потому что знают, чем мы занимаемся, и видят, как скромно мы живем. Когда начались террористические нападения на разные организации, жители нашей улочки сказали, чтобы мы не беспокоились: они будут следить, чтобы чужие здесь не околачивались. А наш район даже подарил нам полицейского, который ночью дежурит во дворе (...) Первым проектом был ремонт 16 школ. Затем мы отремонтировали молодежный центр в Хилле. У нас уже есть средства на ремонт следующих трех центров, а еще три мы планируем отремонтировать в будущем. Вместе получается семь. Мы уже собрали деньги на ремонт первого детского спортивного центра и трех школ в провинции Васит. Кроме того, мы будем ремонтировать шесть водозаборов». («Газета wyborcza», 17 дек.)

◆ Уже десять лет существует Большой оркестр рождественской помощи. За это время ему удалось собрать 44 млн. долларов, на которые было закуплено новое диагностическое и реанимационное оборудование для 650 детских больниц и поликлиник. Оркестр тратит на уставные цели 92% собранных денег (в США расходы на содержание фондов поглощают 40% средств). Принцип его благотворительных мероприятий заключается в том, что 10% самых богатых дают 70%

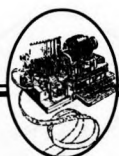
денег. Ежи Овсяк мобилизует миллионы мелких жертвователей и в то же время принимает пожертвования от крупных предприятий, для которых это выгодная инвестиция. Оркестр рождественской помощи — единственная благотворительная акция, показываемая в прямом эфире общественным телевидением, которое в день трансляции собирает перед экранами рекордное количество зрителей. В этом году Польское телевидение выделило для трансляции 20 машин и 100 съемочных групп с 200 камерами. В фонде оркестра постоянно работают 16 человек, но его главный капитал — волонтеры: в этом году в благотворительной акции будут участвовать 100 тыс. добровольцев. («Впрост», 11 янв.)

◆ В прошлом году каждый третий поляк передал деньги или дары какой-либо неправительственной организации. Охотнее всего поляки поддерживали организации, несущие помощь самым бедным, — на них приходится 47% жертвователей. Религиозным общинам и движениям оказали материальную поддержку 27% жертвователей, организациям здравоохранения — 18%, образования — 13%, общественным движениям и акциям — 12%, экологическим организациям — 5%, организациям по защите прав человека, меньшинств, женским и ветеранским организациям — по 1%. Опрос проведен обществом «Клен-Явор» и Волонтерским центром. Опрашиваемые могли выбрать несколько ответов. («Жечпосполита», 2 янв.)

◆ В 2003 г. около 5,3 млн. поляков безвозмездно работали в неправительственных организациях. Чаще всего волонтеры работали от случая к случаю (почти половина опрошенных работала по 15 часов в год). Чем меньше местность, тем больше в ней волонтеров: в деревне — 17,4%, в маленьких городках — 19,7%, а в Варшаве — только 11,1%. («Газета wyborcza», 22 дек.)

◆ В 2002 г. иностранцам было выдано 23 тыс. разрешений на работу. Больше всего заявлений об этом подали граждане Украины (6955), Белоруссии (2715) и России (2011). Поступило также 1138 заявлений о предоставлении постоянного вида на жительство. Чаще всего их подавали граждане Вьетнама (240), Украины (155) и России (106). В 598 случаях эти заявления были рассмотрены положительно. Статус беженцев хотели получить 5169 человек. Чаще всего это были граждане России, Румынии и Армении. («Политика», 13 дек.)

◆ «Некоторые польские крестьяне поджигают хозяйства своих соседей-иностранцев еще до того, как успевают с ними познакомиться. Согласно

исследованиям профессора Варшавского университета Эвы Новицкой, агрессивность и неприязнь соседей коснулась 82% иностранцев, купивших землю в бывших госхозах, и только 3,5% — поселившихся в регионах, где преобладают семейные хозяйства». (*Томаш Кишижак, «Впрост», 4 янв.*)

◆ Президент (мэр) города Бяла-Подляска Анджей Чапский утверждает, что в муниципалитет должны избираться только «коренные поляки». Несмотря на это, один из депутатов городского совета, Риад Хайдар, известный и уважаемый врач, — по происхождению сириец. (*«Жечпосполита», 12 дек.*)

◆ К штрафу в размере 2,5 тыс. злотых приговорил белостокский суд двух молодых мужчин за публичное оскорбление еврейского народа и посла Израиля. (*«Газета wyborча», 18 дек.*)

◆ Еще шестеро поляков получили медали и дипломы «Праведник среди народов мира», присуждаемые иерусалимским Институтом национальной памяти «Яд-Вашем» за спасение с риском для жизни евреев во время II Мировой войны. Из 18 тыс. «праведников» 6 тысяч — поляки. (*«Жечпосполита», 8 янв.*)

◆ Президент Александр Квасневский наградил завершающего свою дипломатическую миссию в Польше посла Израиля Шеваха Вейса Большим крестом ордена Заслуги. «Я хочу поблагодарить Шеваха Вейса за то, что он, родившийся в Бориславе и переживший Катастрофу, никогда не отрекся от своих родных мест и от народа, вместе с которым пережил эти трагические события», — сказал президент, напомнив также, что в бытность парламентарием и председателем Кнессета Вейс закладывал основы польско-израильского сотрудничества. Родившийся в Польше Вейс пережил войну благодаря помощи поляков и украинцев, укрывавших его семью. (*«Газета wyborча», 10-11 янв.*)

◆ Уполномоченный по гражданским правам обвинил прокуратуру в неадекватной реакции на участвовавшие случаи пропаганды и распространения литературы антисемитского содержания. Он потребовал объяснений у генерального прокурора и предложил внести изменения в соответствующую статью УК. (*«Жечпосполита», 10 дек.*)

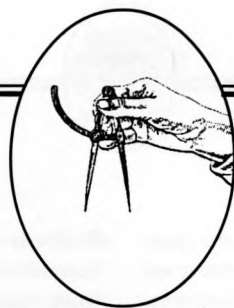
◆ Проф. Веслав Хшановский, участник Варшавского восстания, бывший политзаключенный и (в 1991-1993 гг.) маршал Сейма: «Сегодня нам очень недостает всеобщего понимания, что такое подлость, и соответствующей реакции на нее». (*«Газета wyborча», 20-21 дек.*)

◆ «Если кружевница умеет делать только трусики, она не может быть принята в Общество народных умельцев. Если же кроме трусиков она плетет и другие кружева, ее примут. Однако это не означает, что изготовленные ею трусики будут рассматриваться как предмет народного творчества», — заявил директор Анджей Цёта. Одна из старейших создательниц знаменитых коняковских кружев возмущается: «Эти трусы такие дырявые, что все через них видно. Не бывает тому, чтобы коняковские кружева были и на алтаре, и, простите, на заднице!» (*«Газета wyborча», 15 дек.*)

◆ В большинстве варшавских гостиниц для животных все места на Рождество и Новый год уже забронированы. Свободные места остались лишь в немногих. Например, гостиница в Таргувеке (район Варшавы) может принять 21 собаку и 15 кошек. Сутки в гостинице стоят 20 злотых, если собака маленькая, и 25 злотых — если большая. За кошку нужно заплатить 15 злотых в сутки. Каждая гостиница требует, чтобы хозяин собаки принес ее коврик и намордник. Как собаки, так и кошки должны иметь действительную ветеринарную карточку и справки о прививках. (*«Газета wyborча», 19 дек.*)

◆ Президент Варшавы Лех Качинский создал при Варшавском городском управлении должность уполномоченного по делам животных и обратился к жителям города с призывом «помочь живущим на воле кошкам пережить зиму». Качинский просит оставить им доступ к их естественным убежищам в застроенных районах (подвалам и неиспользуемым подсобным помещениям) и выделить открытые помещения, в которых кошки могли бы находиться под присмотром кормящих их людей. Некоторые из местных телеканалов и газет встретили призыв президента насмешками, другие начали сотрудничать с новым уполномоченным. (*«Котье sprawy» («Кошачьи дела»), январь*)

◆ Сатирик Станислав Тым: «По телевизору показали короткий репортаж о предпраздничном отлове карпов в Домброве-Тарновской [жареный или заливной карп — традиционное польское рождественское блюдо], отчаянную борьбу за жизнь рыб, задыхающихся от переизбытка кислорода. А до этого в печати были фотографии кабанов, косуль и зайцев, целыми днями мучительно умирающих в силках и капканах. И статьи о том, что и как делается на польских бойнях... Всё. Извините. Я ведь собирался поздравить вас с Рождеством». (*«Жечпосполита», 24-26 дек.*)

Кацпер Ванчик

СТУДЕНТЫ О ПОЛИТИКЕ СВЕРХДЕРЖАВ

4 и 5 декабря в Кракове прошла студенческая конференция «Гиганты в котле. Политика России, США и Евросоюза в Каспийском регионе». Конференцию подготовили студенческие общества отделений журналистики и русистике Ягеллонского университета.

Первый день конференции был посвящен общей зарисовке проблемы. Участники решили воспользоваться самым широким определением Каспийского региона и потому включили в программу вопросы, касающиеся не только государств, имеющих непосредственный доступ к Каспийскому морю. В ходе конференции упоминались Кавказ, Средняя Азия, Иран, Турция, и даже КНР. Студентка факультета журналистики Ягода Мытых сделала доклад о долгой и бурной истории региона.

Затем участники конференции сосредоточились на конкретных проблемах, вытекающих из факта присутствия в регионе главных игроков международной политической арены. Одна из самых трудных задач выпала на долю студента отделения журналистики факультета управления и связей с общественностью Адриана Гжебиноги. Его доклад был озаглавлен «Понятие Каспийского региона и его значение для глобальной политики» — следовательно, он должен был коснуться основных проблем региона, которые затем были подробно рассмотрены в отдельных докладах.

Привлекательность этих мест обусловлена наличием топливного сырья — прежде всего нефти и газа. Однако права на их добычу и способы транспортировки порождают множество конфликтов. В качестве примера Гжебинога привел спор о владычестве над Афганистаном, который вели на рубеже XIX-XX веков Великобритания и Россия и который Киплинг назвал «большой игрой». Сейчас, по мнению докладчика, ведется «новая большая игра», в которой задействовано гораздо больше игроков и средств, чем в первой. Гжебинога подчеркнул также высокую нестабильность в регионе и напомнил об основных региональных конфликтах: в Абхазии, Чечне, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, — о сепаратизме уйгуров и курдов, а также об угрозе терроризма и организованной преступности. Третьей проблемой, затронутой в докладе, было загрязнение Каспийского моря. Применение старых методов бурения, устаревшее оборудование для транспортировки нефти и газа, поиски нефти любой ценой — все это создает угрозу экологической безопасности региона и оказывает пагубное воздействие на еще одно богатство Каспийского моря — осетровых.

Вопросы, связанные с добычей и транспортировкой газа и нефти, представил студент отделения журналистики филологического факультета Гжегож Мегель. Он подчеркнул политическое значение нефте- и газопроводов. Выбор государством одного из вариантов транспортных коридоров зависит от решения, с кем из главных игроков данное государство намерено сотрудничать.

Докладчик сосредоточился прежде всего на конкретных проектах трасс. Северный вариант — это путь из Азербайджана и Казахстана в Новороссийск. Западный вариант предусматривает транспортировку сырья из Азербайджана в грузинский порт на Черном море или в турецкий — в заливе Джейхан через Армению, Грузию или Иран. Северо-западный вариант включает в себя несколько возможных трасс, ведущих на Украину. Южный проект предполагает транспортировку нефти в северные провинции Ирана. Юго-восточная трасса должна вести через Афганистан и Пакистан к Индийскому океану. Наконец, потенциальная восточная трасса кончается в Китае. В докладе были перечислены существующие трубопроводы (Баку—Новороссийск и Баку—Супса), а также строящиеся: Тенгиз—Новороссийск и самый известный — Баку—Тбилиси—Джейхан. Гжегож Мегель рассказал также о трубопроводе «Голубой поток», который мог бы быть проложен по дну Каспийского моря. Однако осуществление этого проекта весьма сомнительно ввиду высокого сейсмического риска. В конце докладчик обратил внимание на удивительную и любопытную закономерность: главные очаги региональных конфликтов совпадают с трассами проектируемых трубопроводов. Особенно это касается получившей поддержку США трассы Баку—Тбилиси—Джейхан.

Доклад студентки отделения руссиеведения факультета международных и политических исследований Агнешки Макух касался политики Евросоюза в районе Каспийского моря. В настоящее время деятельность ЕС в этом регионе носит прежде всего политический характер. Евросоюз заявляет, что намерен поддерживать происходящие в странах региона демократические перемены и выступать за независимость молодых государств. Помимо заключения двусторонних договоров о сотрудничестве с отдельными государствами, присутствие Европы в регионе обеспечивают три проекта.

Первый из них, TACIS («Technical Assistance for CIS», «Техническая помощь СНГ»), обращен главным образом к Азербайджану, Грузии и Казахстану, которые получили из бюджета программы по 100-300 млн. евро. Другим странам региона были выделены значительно меньшие суммы. Эта программа касается всех стран СНГ и направлена на восстановление сельскохозяйственной и промышленной инфраструктуры.

Второй проект Евросоюза, связанный с Каспийским регионом, — это TRACECA («Transport Corridor Europe—Caucasus—Asia», «Транспортный коридор Европа—Кавказ—Азия»). Его задача — поддерживать сотрудничество стран региона в области транспорта, искать средства для финансирования этого сотрудничества, а также соединять трассы региона с европейским транспортным пространством. Окончательной целью является создание транспортного коридора из Европы на Дальний Восток (т.н. Нового Шелкового пути), а также смена транспортной системы региона, до сих пор ориентированной на Москву.

Третий региональный проект Евросоюза — это INOGATE («Interstate Oil and Gas Transmission to Europe», «Транзитные поставки нефти и газа в Европу»). Средства, выделяемые в рамках этого проекта, должны быть предназначены на модернизацию региональных газопроводов и изыскание альтернативных путей транспортировки энергетического сырья из региона в Европу.

О проблемах, связанных с российским присутствием в Каспийском регионе, рассказала студентка отделения руссиеведения факультета международных и политических исследований Анна Максимович. Вначале докладчица подчеркнула, что получение нефти из сланцев и нефтеносного песка значительно дешевле, чем традиционные методы добычи. Другой важный энергоноситель — это гидраты метана, которых в Каспийском регионе больше, чем где бы то ни было. Немаловажно, что гидраты метана имеются только в российской части Каспийского моря.

Несмотря на это, значительную роль в российской политике все еще играет традиционная добыча и транспортировка минерального сырья. Именно поэтому во время первой чеченской войны обе стороны конфликта старались защищать от повреждений нефтеперерабатывающие комбинаты. Эти объекты были уничтожены только во время второй войны.

По мнению докладчицы, внешняя политика России (что может показаться странным) не слишком ориентирована на Каспийский регион. Правда, в некоторых точках региона размещены российские войска, но в целом подход российской дипломатии можно назвать пассивным. Главные игроки — это фирмы по добыче и эксплуатации минерального сырья, а также такие личности, как Джордж Сорос, который финансирует демократические преобразования в государствах региона, обеспечивает будущей политической элите образование в западных университетах и тем самым приобретает союзников в борьбе за каспийские богатства.

Конференция позволила сделать несколько выводов. Во-первых, в Каспийском регионе сложилась непростая политическая обстановка, что затрудняет анализ и прогнозирование развития ситуации. Во-вторых, наибольшее влияние в регионе имеют игроки, перечисленные в названии конференции. В-третьих, высокая конфликтность региона затрудняет получение прибыли от добычи и транспортировки минеральных богатств. И, наконец, в-четвертых, сложность ситуации, высокая конфликтность и значение крупных игроков вынуждают последних к сотрудничеству, если они действительно хотят получать прибыль от эксплуатации Каспийского моря.

ПОЛЬША И ПОЛОНИЯ—ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Беседа с Артуром Козловским — зам. директора департамента репатриации и гражданства в Управлении по вопросам репатриации и иностранцев в Варшаве

— У Третьей Речи Посполитой по-прежнему нет стабильной политики в отношении Полонии и поляков, проживающих за пределами Польши. Почему?

— Действительно, Третья Речь Посполитая на протяжении почти 14 лет своего существования сталкивается с многочисленными проблемами экономического и социального характера. Собственно говоря, только сейчас появляются некоторые инициативы и намечаются направления нашей новой социальной политики. Таким же образом выглядит ситуация, касающаяся политики польского государства в отношении Полонии, то есть поляков, живущих за границами нашей родины.

10 декабря 2002 г. правительство утвердило предложенную министром иностранных дел «Правительственную программу сотрудничества с Полонией и поляками за границей». В этом документе определяется на ближайшие годы политика польского государства в отношении наших соотечественников, постоянно проживающих за пределами нашей страны. Он содержит общие направления деятельности; документ этот известен и зарубежной Полонии.

— Документ известен, но многие предположения наших соотечественников в нем по-прежнему не учитываются...

— Сегодня в проведении в жизнь основных положений политики государства в отношении Полонии и поляков, проживающих за пределами Польши, участвует несколько серьезных государственных учреждений. Несомненно, важную роль тут играет Сенат: недавно создан Консультативный совет при маршале Сената, в состав которого вошли представители Полонии.

Правительственные ведомства, такие, например, как министерство иностранных дел, тоже активно участвуют в формировании политики в отношении Полонии и поляков, проживающих за пределами нашей страны. Может быть, эта политика еще несовершенна, но она уже имеется и будет формироваться дальше.

Наконец, остальные органы власти, например, президент, который тоже активно участвует в жизни Полонии во всем мире, или мое ведомство — министерство внутренних дел и администрации, в частности, через Управление по вопросам репатриации и иностранцев, тоже занимается определенным участком этой политики.

— Политика в отношении Полонии до сих пор проводится на основании поныне действующих прежних правовых актов...

— ...подавляющее большинство которых, за исключением закона о гражданстве, были приняты на протяжении нескольких последних лет. Из этих принятых за последнее время законов я назову: закон об иностранцах от июня 2003 г., о репатриации от ноября 2000 г., о предоставлении иностранцам защиты на территории Польши от июня 2003 г., а также о принципах въезда в Польшу и пребывания в стране граждан государств-членов Евросоюза и членов их семей от июля 2002 года. Все эти законы были приняты ввиду необходимости, с одной стороны, привести польское законодательство в соответствие с меняющимися реалиями как в стране, так и за границей, а с другой — в результате приведения правовой системы в соответствие с правилами, действующими в Евросоюзе.

— Однако по-прежнему недостает четко определенных прав Полонии и поляков из-за рубежа, которые должны быть им обеспечены, исходя из факта принадлежности к польской нации...

— С формально-правовой точки зрения мы можем сегодня говорить о двух основных категориях лиц, определяемых как поляки, постоянно проживающие за границей. Мы говорим тут, во-первых, о лицах, имеющих двойное гражданство — в том числе и польское, то есть о лицах, являющихся гражданами Польши, но при этом и гражданами других государств.

С нашей точки зрения это состояние вполне согласуется с польским законодательством. Гражданин Польши может также быть облада-

телем другого гражданства, и в польском законодательстве это не влечет за собой никаких негативных последствий.

Вторая категория — это лица польского происхождения, граждане других государств, которые не имеют польского гражданства, а также лица, эмигрировавшие из Польши и отказавшиеся от польского гражданства по разным причинам. Были и те, кого к этому принудили или кто был лишен его вопреки своей воле. Были, наконец, и те, у кого это гражданство, тоже вопреки их воле, отняли. Наше ведомство в курсе всего этого.

— Совершенно разная ситуация сегодня у поляков, проживающих за границами Польши и имеющих польское гражданство, и у тех, кто его не имеет...

— Особенно у тех, кто его не имеет и в соответствии с польским законодательством остается иностранцем. К счастью, категория «польское происхождение» начинает все больше укореняться в польской правовой системе. Мы эту проблему и в самом деле понимаем и прекрасно отдаем себе отчет в том, что Польша в связи со своей исторической спецификой и тем фактом, что за границей живут примерно 12-16 млн. наших соотечественников, должна решить этот вопрос как можно скорее.

На протяжении нескольких лет обсуждается вопрос выработки определенных правовых решений, с помощью которых эта фактически уже существующая категория могла бы быть введена в польское законодательство. В качестве примера тут может служить хотя бы закон о репатриации, где эта категория имеется. Все эти попытки можно уже сегодня определить как некий символ, получивший название «Хартия поляка». Однако на самом деле основополагающим документом здесь остается конституция.

— «Хартия поляка», которой по-прежнему нет...

— ...и которую совершенно по-разному понимают наши соотечественники на Востоке и на Западе. Может быть, поэтому так нелегко формировать общую политику для всех наших соотечественников, проживающих сегодня за пределами Польши. Следовательно, нам нужно действовать крайне осторожно, чтобы чего-то не растерять по пути. Может быть, поэтому и не удастся решительно ускорить эту работу.

— Многие наши соотечественники, таким образом, могут не дожидаться этого закона...

— Все политические силы, а также правительство и парламент считают, что сегодня необходимо изменить закон о гражданстве, принятый в 1962 году. Задачи закона, принятого сорок лет тому назад, были совершенно иными и не отвечают сегодняшним потребностям, несмотря на внесение в него поправок и тот факт, что в настоящем виде он приведен в соответствие с конституцией.

Работа над новым законом ведется очень интенсивно, и мы предполагаем, что в середине 2004 г. первые его варианты увидят свет и станут предметом обсуждения на заседаниях польского парламента, а также наших соотечественников за границей. Мы считаем, что этот проект не может быть принят без консультаций с Полонией.

— С октября 2003 г. для наших соотечественников с Востока обязательны визы при въезде на родину. Все, вопреки действующему правилу, выступают против этого. И как же будет обстоять дело в ближайшем будущем?

— Пока все указывает на то, что проблем быть не должно, учитывая доступность виз или — как на Украине — возможность их бесплатно получения. Необходимость введения виз встретила понимание у наших соседей. Это прямое следствие действий, направленных на изменение законодательства Польши в процессе ее вступления в Евросоюз.

Однако на некоторые процессы эта ситуация повлиять не может. Я имею в виду репатриацию, то есть определенного рода привилегированную форму возвращения в Польшу, что связано с приобретением польского гражданства на основании закона, а также элемент введения обязанности получения визы и приезда на родину наших соотечественников с Востока, являющихся только гражданами тех государств.

Вопрос пребывания на территории Польши лиц польского происхождения регулируется, в частности, ст.52 п.5 конституции, где говорится, что лицо польского происхождения имеет право получить постоянный вид на жительство в Польше, если такое происхождение получило подтверждение. Это положение всегда вызывало много эмоций и толковалось очень по-разному. Вследствие этого Конституционный суд направил маршалу Сейма постановление с целью обязать Сейм принять закон, в соответствии с которым определяется польское происхождение.

Мы как аппарат правительства тоже готовы работать над этим законом. Мы прекрасно понимаем сложность всех проблем, которые ждут

в нем своего разрешения. Ибо новый закон, регулирующий порядок определения польского происхождения, будет касаться соотечественников, живущих по всему свету. Подготовить и принять частичный закон, касающийся, например, исключительно поляков с Востока, на сегодняшний день невозможно. Таких законов пришлось бы принимать гораздо больше. И таким как раз частичным элементом был ныне действующий закон о репатриации.

— Итак, что же практически будет следовать для наших соотечественников с Востока и Запада из факта принятия нового закона, в котором будет определяться польское происхождение?

— Первым результатом будет документ польского консула, подтверждающий их польское происхождение при имеющемся гражданстве страны их нынешнего проживания и еще не имеющемся гражданстве Польши. За таким подтверждением польского происхождения не смогут обращаться лица, которые уже имеют польский паспорт. «Хартия поляка» — это некий символ, содержание которого ныне понимают по-разному. Значит, этому содержанию надо дать такое определение, чтобы его понимание было одинаковым и понятным для всех и на Востоке, и на Западе.

Мы должны знать, каковы будут следствия приезда в Польшу человека с документом о польском происхождении: получит ли он бесплатную въездную визу, сможет ли он здесь работать, будет ли иметь право на социальное обеспечение и т.д.

Все связанные с этим вопросы не могут рассматриваться в отрыве от польской действительности. Мы должны помнить, что при безработице, которая составляет почти 3 млн. человек, и при весьма порой сложном экономическом и социальном положении в некоторых регионах факт предоставления работы соотечественникам из-за восточной границы уже создает некую социальную проблему.

Таким образом, наша работа над новым законом о подтверждении польского происхождения будет касаться также ответа на следующий вопрос: что из такого подтверждения будет следовать? Думаю, без компромисса с обеих сторон тут не обойтись.

— Но ведь подтверждение польского происхождения не затормозит идущего вот уже несколько лет процесса репатриации?

— Нынешняя репатриация касается азиатской части бывшего СССР. Мы не знаем, сколько в точности человек ожидают там возвращения на родину. Примерно полторы тысячи человек обратились с заявлениями в польские дипломатические представительства. Я имею в виду лиц польского происхождения, которые формально начали процедуру репатриации и получили обещание репатриационной визы.

В Польше сейчас 2486 гмин, к которым весной нынешнего (2003) года обратились по этому вопросу министр внутренних дел и администрации. В письме к главам местной администрации министр призвал их к сотрудничеству в процессе репатриации, который с финансовой стороны поддерживается государственным бюджетом. И из этих почти двух с половиной тысяч гмин на обращение министра дали положительный ответ всего лишь 93.

— Означает ли это, что гмины не желают участвовать в репатриационном процессе?

— В текущем году на цели репатриации из госбюджета было выделено 15 млн. злотых. Главы местной администрации утверждают, что готовы принять репатриантов. Даже квартирный вопрос тут можно решить. Но они задают вопрос: на какие средства эти люди будут жить потом? Ведь во многих районах для них нет никакой работы. А если принять во внимание еще и их квалификацию, трудности с признанием дипломов или с родным языком, то на польском рынке труда им, естественно, придется весьма нелегко.

Несмотря на это, польская система репатриации, в отличие, например, от немецкой, работает лучше. В ней, в частности, не предусматривался предварительный этап для прибывающих в страну — например, в виде лагерей временного пребывания, и осуществлялась она на основании приглашения конкретной гмины. Система будет далее совершенствоваться и модифицироваться, как, впрочем, все законы, имеющие целью благо наших соотечественников, живущих за рубежом нашей страны. Мы хотим, чтобы в этом процессе всегда принимали участие сами заинтересованные — наши соотечественники как с востока, так и с запада.

— Этого всем нам и нашим соотечественникам за рубежом мы и пожелаем. Благодарю за беседу.

Беседу вел
Лешек Вонтрубский

Януш Тазбир

КАРЬЕРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Из столиц трех государств, захвативших Польшу, пожалуй, самой дурной славой пользовался Берлин. Как отмечается практически во всех мемуарах и в художественной литературе, он вызывал в поляках отвращение и страх, смешанный с кислым восхищением «прусскими порядками». Юзеф Вейсенгоф писал в 1911 г., что символом таких столиц, как Афины, Париж, Гаага или Вена, считаются женщины. Однако невозможно представить себе женскую персонификацию Берлина. Символ этого города — существо «решиительно мужского рода, сильное, тучное, с мощного вида животом, обязательно в военной форме, опирается на крест без Христа, конец которого переходит в острие меча...»

В Вену, столицу оперетты и легких романов, ездили за нарядами, гулянуть и в надежде сделать большую политическую карьеру. Красочно описывает это, в частности, Казимеж Хлендовский. А ведь он не был единственным поляком, занимавшим министерские посты или даже пост премьер-министра в правительстве как-никак одной из стран, захвативших Польшу. И никто из соотечественников не имел к ним за это претензий.

С отношением к Петербургу дело представлялось не столь простым. С одной стороны, его отождествляли со всей деспотической империей, царским самодержавием и варварской муштрой солдат. Однако, с другой стороны, он ассоциировался с блеском двора, а также с возможностью занять высокие и выгодные должности. Оба эти стереотипа иногда встречаются у одного и того же автора. Превосходно представил это Мицкевич, написав о сановниках, которые временно попали в опалу:

*Но если был неласков царский взгляд...
...хоть скверное почует,
Не сляжет он, не всадит в горло нож.
А только в свой удел перекоцует,
В деревню...
.....
И смотришь, он уж снова фаворит.
(Пер. В.Левика)*

Как установил Людвик Базылёв, с конца XVIII столетия до начала I Мировой войны в Петербурге побывало почти четверть миллиона поляков; одни провели там всего несколько недель или месяцев, другие — всю жизнь. Судьба их была весьма различной. Следует сказать без обиняков: Петербург, описанный в III части «Дзядов», и Петербург в ностальгических воспоминаниях госпожи Телимены из «Пана Тадеуша» — это два разных города. Кто же не помнит ее рассказа о наказании, доставшемся виновным в гибели ее любимой болонки: борзых, которые ее загрызли, повесили, а их хозяина на четыре недели посадили в острог. Ведь он осмелился, к неслыханному возмущению полицмейстера, спорить с «придворным егермейстером», который назвал собачку «ланью стельной», затравленной «под носом у царя». В рассказе Телимены и «сам государь смеялся» над затруднением мелкого чиновника и наказанием, которое его постигло.

Среди польской колонии в Петербурге Телимена называет лишь одну фамилию — художника Александра Орловского (1777-1832), который хотя и «жил при дворе и славой мог гордиться... жил как в раю», тем не менее тосковал по отчизне:

*Считал, что нет земли на белом свете краше,
Он все в Литве хвалил: и лес и небо наше...)*

Действительно, в столице империи он вел райскую жизнь, был придворным живописцем великого князя Константина Павловича, получал огромное годовое жалование в четыре тысячи рублей, имел квартиру в Мраморном дворце. В период Отечественной войны 1812 года он писал портреты русских полководцев (в том числе Кутузова и Дениса Давыдова). На одной из его картин — впервые в русской батальной живописи — главным героем стал простой солдат. Но никогда он не писал польских пейзажей. Со смертью великого князя, который, как считается, умер от холеры (многое заставляет предполагать, что Константина отравили с ведома царя), эта идиллия закончилась. Орловскому пришлось покинуть Мраморный дворец, однако он выхлопотал себе у Николая I назначение в топографическую службу при Генеральном штабе, а также пенсию.

Мелкий чиновник, жестоко поплатившийся за спор с придворным егермейстером Козодусиным, стал неким прообразом многих героев произведений Гоголя, а потом Чехова. Чтобы до конца их понять, надо поехать в Петербург, где легко можно представить себе скромных Башмачкиных, робко пробирающихся вдоль стен великолепных зданий, в которых располагались Важные Учреждения (часть из них, кстати, была построена по проектам польских архитекторов). «Ни в одном другом городе не было такого количества чиновников, а поскольку они имели особую форму, которую носили охотно и в повседневной жизни, то на улицах буквально пестрело от самых различных мундиров», — вспоминает Люциан Бохвиц, который в 1885 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Наша литература, посвятившая больше всего внимания неудачникам, никогда не прославляла людей, сделавших карьеру. Те, кто сделал карьеру, предстают в литературе как бесстыжие каналы, в лучшем случае аферисты и сибариты. Достаточно вспомнить равнодушного поначалу к национальным вопросам «Австралийца» Элизы Ожешко, Доминика Корчинского из ее романа «Над Неманом» или Лаврентия Тыркевича из ее же «Четырнадцатой части», Казимежа Чертована из «Девайтиса» Марии Родзевич или Юлиана Остшенского из романа Марии Домбровской «Ночи и дни», о судьбе которого сожалеет пани Барбара, высказываясь весьма резко. Она напрасно связывала с ним большие надежды: изучив угнетателей родины «в их логове», ее брат мог бы повести народ на борьбу за свободу, а между тем, поощряемый этими угнетателями, он вел вольготную жизнь сибарита. «И, наконец, осудила она Россию и Петербург. — Проклятый город, — заявила она. — Ужасная страна, в которой все вырождается и становится хуже». Еще резче сформулирует свое мнение спустя два года после начала восстания 1863 г. Крашевский, упрекая «град Петров» в том, что он воспринял все отрицательные черты цивилизации, «не утратив ни одной варварской черты». Атмосфера лицемерия, царящая в Петербурге, «повсюду окружает и душит человека». «Невозможно пробиться сквозь оболочку этого гроба повапленного без глубочайшего отвращения». Все вершит коррупция, «от швейцара до министра, купить можно всех».

Как польские, так и русские авторы не желали замечать участия пришельцев с берегов Вислы в научной и политической жизни империи (особенно после 1905 г.), в адвокатуре, в развитии промышленности или, наконец, в армии: из 18 тысяч офицеров, переаттестация которых была проведена польскими военными властями до марта 1921 г., почти треть составляли офицеры бывшей русской армии, причем зачастую в высоких чинах. Польская колония в Санкт-Петербурге оказывала щедрую поддержку просветительским, научным и благотворительным учреждениям как в Польше, так и в самой столице империи.

Патриотический заговор молчания привел к тому, что вполне положительный поляк мог находиться в Петербурге исключительно в качестве политического узника (Тадеуш Костюшко, Юлиан Урсин Немцевич) или лишённого трона монарха: великая карьера Станислава Августа Понятовского, начавшаяся в этом городе, здесь же и закончилась. Кандидатом в узники бывал и заговорщик, принимавший участие в подготовке очередного покушения на царя. На рубеже XIX-XX вв. героями, представлявшими петербургскую Полонию на страницах произведений Гастона Даниловского, Густава Каменского (Гамастона) или Марии Родзевич («Страшный дедушка»), были почти исключительно студенты, ведущие жизнь трудовую, но в нищете. А если разгульную (см. роман Гамастона «Разгульная жизнь»), то всегда с печальным концом.

И только в уже свободной Польше начали выходить мемуары или романы, в которых описывались совсем иные стороны жизни в тогдашней столице России.

«Жизнь богатой петербургской буржуазии, как русской, так и польской, протекала в те годы спокойно и лениво. Приятно и уютно жилось в канун I Мировой войны. Заботы и трудности, разумеется, были, однако, как правило, не омрачали сытого благоденствия и сибаритства этой среды. Как перед бурей — перед ужасной бурей, которая буквально через несколько лет смела все это благополучие и беззаботность, — царило полное затишье. Каждый видел впереди ровную дорогу и шел по ней не торопясь (...) всматриваясь в единственную цель, стоящую усилий: нажить состояние», — описывает те годы Зофья Стульгинская в автобиографическом романе «Груши на вербе» [в русском переводе «Пустые обещания». — Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика]. Подобные наблюдения приводит и Вацлав Ледницкий, сын известного политика Александра Ледницкого. В своих мемуарах он вспоминает, что польская колония в Петербурге отличалась снобизмом, «совершенно не свойственным московской колонии». В столице России постоянно жили поляки — члены Государственного Совета и Думы, представители польской аристократии, имевшие придворные титулы, офицеры гвардейских полков и учащиеся Кадетского корпуса. Одним словом, люди, которые сделали или собирались делать карьеру. Поэтому в петербургской колонии можно было отметить больше «парадности, блеска, показной роскоши», чем в московской. Многие ее представители были членами аристократических клубов, где завязывали столь полезные политические связи. «В глубине России немало было и таких полячишек, которым был по вкусу и способствовал здоровью русский хлеб — всегда с маслом, а часто и с астраханской икрой (...) Жилось хорошо, в удобной квартире, к тому же копились рубли, эти по тем временам доллары европейского континента», — справедливо отмечает Павел Ясеница.

Из биографии Адама Мицкевича обычно вспоминают виленскую тюрьму, ссылку в глубь России и полные тягот годы, проведенные в эмиграции. Но ведь из петербургских салонов начался его путь в мир. В них он провел более трети времени своего пребывания в России, составившего в общей сложности три с половиной года. Тадеуш Бой-Желенский, как всегда строптивый, писал, что настоящим изгнанием для будущего автора «Пана Тадеуша» стало скорее Ковно. Зато в Петербурге и других городах империи он познакомился с интеллектуальными сливками России, «здесь он был принят как равный среди самых высокопоставленных, был в ореоле славы, был почитаем (...). Не думаю, что Мицкевича принимали бы так же, если бы из Ковно он переехал в Варшаву...» Варшавский литературный ареопаг стоял против него, а то и смеялся над ним, в то время как в России Мицкевича объявили «первым среди славянских поэтов».

По мнению Яцека Борковича, подобное положение существовало до конца XIX века. Варшава в тот период, «несмотря на то, что была весьма динамичным центром культуры, притягательным и соблазнительным для многих русских, тем не менее оставалась по сравнению с Петербургом культурной провинцией. Польский интеллигент, язвительно отзывавшийся о русских оккупантах, знакомился с новинками мировой литературы благодаря превосходным и недорогим русским переводам, печатавшимся в столице империи».

Карьеру в Петербурге делали даже во времена национальных поражений. Об этом свидетельствует судьба Станислава Моравского (1802-1853), известного мемуариста, получившего медицинское образование. Из-за сложных отношений с отцом он около 1829 г. переехал в Петербург и занялся врачебной практикой в высшем свете столицы. Петербургские медики, желая избавиться от опасного конкурента, в сентябре следующего года употребили все свои усилия на то, чтобы Моравский был включен в состав комиссии, созданной для борьбы с холерой. Таким образом, ему пришлось-таки покинуть Петербург, однако он приобрел себе могущественного покровителя в лице министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского. Через год Моравский вернулся живым и здоровым в Петербург и стал чиновником по особым поручениям при директоре медицинского департамента. С января 1833 г. он был врачом в статс-секретариате по делам Царства Польского, а затем стал чиновником законодательной комиссии. В Петербурге он находился до 1838 г., сумев наладить связи с интеллектуальной элитой и в великосветском обществе. Он описал их в своих интереснейших мемуарах («В Петербурге. 1827-1838»), где отразилось его восхищение столицей России и царившей там интеллектуальной атмосферой. Наверное, поэтому его мемуары были изданы лишь в 1927 году.

После начала восстания 1830 г. оказался в Петербурге министр финансов Царства Польского князь Ксаверий Любецкий; выезжая из Варшавы 10 декабря 1830 г. по поручению Юзефа Хлопицкого, он все еще надеялся на полюбовное разрешение конфликта. Но это оказалось невозможным, а самому Любецкому по приказу царя пришлось остаться в Петербурге. И по его же распоряжению в начале января 1831 г. Любецкий отправил письмо Хлопицкому, в котором пытался убедить того в необходимости прекратить восстание. Благодаря этому Любецкий не лишился милости Николая I; в феврале 1832 г. царь назначил его членом Государственного совета и включил в состав комитета по выработке «органического устава» для Царства Польского, который должен был заменить польскую конституцию. Любецкий также оказывал заметное влияние на финансовую политику империи. Он находился в постоянном конфликте с министром финансов Канкринным, причем настолько глубоко, что его даже подозревали в желании занять этот пост. Любецкий скончался в Петербурге (1861). Последние годы жизни Любецкого лишили его всяких шансов на то, что когда-нибудь в независимой Польше ему поставят памятник. В связи с этим трудно не удержаться от мысли, что если бы Станислав Сташиц пожил немного дольше, то и ему было бы отказано в памятнике, а особняк на улице Новый Свят, 72 [в Варшаве] в лучшем случае остался бы без покровителя. Сташиц, будучи решительным противником какого бы то ни было конфликта с Россией, сразу после начала восстания наверняка бы собрал сундуки и вслед за Любецким отправился в Петербург.

В 1834 г. Николай I проявил особую заботу о семьях генералов, погибших в «ноябрьскую ночь» (ночь на 29 ноября 1830 г, когда началось восстание; «Ноябрьская ночь» — название драмы Выспянского. — *Ред.*) от рук повстанцев за то, что не пожелали к ним присоединиться. Так в столице империи оказалась дочь Мауриция Хауке Юлия, которую произвели во фрейлины двора. В 1851 г. она вышла замуж за принца Александра Гессенского. Их потомки породнились с представителями многих европейских династий, так что и наследник британского трона принц Чарльз, и король Испании Хуан Карлос — потомки Юлии Хауке.

Если бы не восстание 1863 г., иначе могла бы сложиться судьба потомка обедневшей шляхты Иосафата Огрызко (1827-1890); окончив в 1844 г. минскую гимназию, он работал сначала в Петербурге смотрителем при транспортировке товаров. В 1849 г. ему, однако, удалось окончить юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1857 г. Огрызко был принят на службу в министерство финансов и быстро поднимался по ступеням карьеры. Когда началось восстание, он формально занимал должность вице-директора; а фактически был уже одним из руководителей этого ведомства. В то время он получал 3000 рублей годового жалования. Назначенный в феврале (или марте) 1863 г. петербургским агентом Национального [польского] правительства, он не вел активной деятельности, а летом того же года и вовсе ее прекратил. Несмотря на это, в ноябре 1864 г. он был арестован, подвергся тяжелому следствию и был приговорен к смертной казни, замененной, вероятно благодаря заступничеству министра финансов Рейтнера, 20 годами каторжных работ. Муравьев, имевший личные счеты с Огрызко, который обнаружил за тем финансовые злоупотребления, приказал отправить бывшего сановника в Сибирь, минуя Петербург, «дабы не смог он договориться со своими влиятельными покровителями в столице». Огрызко умер в Иркутске в 1890 году.

Однако ничто не воспрепятствовало карьере многих других поляков, начинавших делать ее в Петербурге. Среди живописцев, добившихся наибольшей после вышеупомянутого Орловского славы, был Генрих Семирадский (1845-1902), который в 1864 г. поступил в петербургскую Академию художеств. «Участвуя во всех конкурсах, он собрал все награды, какие только было можно», а в 1870 г. за огромное полотно «Александр Македонский и его врач Филипп» получил золотую медаль и заграничную стипендию на шесть лет. С 1871 г. Семирадский в основном жил за границей, но по-прежнему часто приезжал в Петербург, где пользовался покровительством царского двора. По сей день, впрочем, Семирадский фигурирует во многих российских учебниках как выдающийся художник польского происхождения.

На рубеже XIX-XX вв. завоевывали европейскую славу такие профессора-поляки, преподававшие в Санкт-Петербургском университете, как выдающийся языковед и славист Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртене (1845-1929), правовед Леон (Лев Иосифович) Петражицкий (1867-1931), превосходный знаток античности Тадеуш (Фаддей Францевич) Зелинский (1859-1949). После рево-

люции 1905 г. возникла возможность легальной политической деятельности; в I Государственной Думе блестяще проявил себя тогда один из лидеров партии кадетов (конституционных демократов) вышеупомянутый Александр Ледницкий (1866-1934) (членом Государственной Думы был также Петражицкий. — Ред.). Еще ранее в среде адвокатуры прославился Владимир Спасович (1829-1906), выпускник Санкт-Петербургского университета, а потом профессор этого же университета. На архитектурный облик Петербурга большое влияние оказали Мариан Лялевич (1876-1944) и Мариан Перетякович, по проектам которых в Петербурге были возведены многие по сей день сохранившиеся здания, построенные в неоклассическом стиле.

Имена и примеры карьер можно было бы, конечно, приводить без конца. В этой связи стоит приоткрыть к превратностям судьбы ученого, который тоже сделал карьеру в Петербурге, хотя не был столь же известен, как Зелинский, Спасович или Петражицкий. Я имею в виду Генрика Мерчинга (1860-1916), профессора электротехники и механики, а также заслуженного историка польской и литовской реформации. Выпускник института инженеров связи, Мерчинг начал работать в этом институте в 1887 г. сверхштатным преподавателем, а в конце жизни достиг чина действительного тайного советника. После смерти Мерчинга осталась не только богатая библиотека, но и огромное состояние: около 110 тыс. рублей в ценных бумагах; половину этого состояния Мерчинг отписал на общественные цели. Его работы по электротехнике и механике сегодня полностью устарели, зато труды о польском протестантстве по-прежнему входят в научный оборот: одна из его работ («Протестантские общины и сенаторы в старой Польше», 1904) недавно была выпущена репринтным изданием. Стоит при этом подчеркнуть, что научную (а раньше и чиновничью) карьеру можно было сделать в Петербурге, не переходя в православие, что в Царстве Польском после 1863 г., как правило, было невозможно.

Наряду с интеллектуальной элитой, поляки появлялись и в глубине России — как инженеры, врачи, адвокаты, управляющие имениями. «Эти пришлые превосходят туземцев своей сообразительностью, опытом и смекалкой, так что зачастую выбиваются на руководящие должности» (В.Дзвонковский. Россия и Польша). По семейным воспоминаниям моей жены я знаю, что среди ее многочисленных предков, осевших до 1914 г. в глубине империи, лишь один оказался там вынужденно, будучи ссыльным. Остальные совсем неплохо жили, трудясь в промышленности или торговле; так что состояние отца Цезария Барыки [роман «Канун весны»] — вовсе не писательская выдумка Стефана Жеромского. В литературной форме выразил это Станислав Эстрейхер, описывая (фиктивную? подлинную?) встречу Адама Шиманского, автора знаменитого «Сруля из Любартова», с человеком, только что прибывшим из Сибири. Шиманский спрашивает его: «Сбежал? Помилован?» — и в ответ узнаёт, что его собеседник отправился туда добровольно. В еще большей степени это касалось польских жителей Петербурга, хотя крупную карьеру сделали лишь немногие из них. Однако значительная их часть достигла благополучия, которое нарушила только октябрьская революция.

Поляки, сделавшие карьеру в столице империи, не могли рассчитывать на одобрение соотечественников. Об этом не раз писал Людвик Базылёв, признавая, что поляки, добившиеся успеха, почти всегда отличались лояльностью к правительству. Обязанности свои они выполняли честно и добросовестно, «работали производительно, заслуживая похвалу, получали ордена, поднимались по т.н. табели о рангах. Говорили, писали и действовали по-русски с утра до ночи».

Любецкому так никогда и не забыли его пребывания в пажеском корпусе, куда его отдали на шестом году жизни (!). За это и за участие в итальянской кампании Суворова (1799) ему приписывали «русскую душу», «солдатское воспитание» и «петербургскую муштру». О Спасовиче писали, что он был одновременно поляком и русским. Подобное же мнение высказывали и о Зелинском. Спасовича осуждали за те взгляды, которые он высказывал на страницах крайне лояльного еженедельника «Край», издававшегося в Петербурге в 1882-1914 гг. В выходившем в Галиции журнале «Тека» в 1898 г. писали, что, устраивая вечер памяти Мицкевича под лозунгом польско-русского примирения, «он хотел еще раз дать волю своей любимой идее о прочной связи будущности польского народа с судьбой его господина и палача».

В «Братьях Карамазовых» Спасович карикатурно представлен в образе адвоката Фетюковича, который берет верх над прокурором, человеком нервным и полным комплексов; сам же Фетюкович-Спасович «доволен своей жизнью и достаточно самоуверен» (С.Мацкевич. «Достоевский»). «Ваши управ-

ляющие-поляки, эти подлые шпионы, все эти Казимиры и Казтаны рыщут от утра до ночи (...) и в угоду вам стараются содрать с одного вола три шкуры», — говорит в порыве откровенности русский доктор владелице большого имения у Чехова («Княгиня»). Еще дальше пошел Николай Лесков в рассказе «Административная грация» (1893), изобразив чиновника-поляка Болеслава Конрадовича ничтожным проходимцем, который не колеблясь может пойти и на полицейскую провокацию.

Принято прославлять патриотизм поляков, которые после того, как страна получила независимость, немедленно ринулись служить отчизне, бросив свои высоко оплачиваемые должности. Это может касаться только тех, кто, как Габриэль Нарutowич или Игнаций Мостицкий, оставили богатую Швейцарию. Большинство же поляков вернулись из бывшей Австро-Венгрии или из бывшей царской России, так как безвозвратно утратили щедро оплачиваемые должности. Первой из этих бывших держав, урезанной до размеров маленького государства, больше не требовался ни столь огромный аппарат власти, ни армия, в которой многие крупные посты занимали поляки. Из советской России старалась выбраться даже отечественная интеллигенция, а старшие офицеры польского происхождения предпочитали по вполне очевидным причинам избегать Красной Армии. Зато мы находим их среди самых верных и исполнительных сотрудников Юзефа Пилсудского. В их мемуарах, которые издавались уже во II Речи Посполитой, явно ощутима ностальгия по тем годам (хотя бы в «Моих воспоминаниях» Юзефа Довбора-Мусницкого). Да и Виткаций без особого сожаления вспоминал свою службу офицером в петербургском гвардейском полку. По мнению Ивашкевича, было бы преувеличением утверждать, что в этом городе Виткаций «стал писателем, философом, художником», хотя атмосфера Петербурга несомненно оказала свое влияние на возникновение «того особенного, самобытного и неповторимого явления, каким был Станислав Игнаций Виткевич».

Многих из названных в этом очерке представителей петербургской Полонии мы встречаем впоследствии в политической жизни II Речи Посполитой, прежде всего в университетах, где кафедры возглавляли Бодуэн де Куртенэ, которого в 1922 г. выдвигали кандидатом на пост президента Речи Посполитой, Петражицкий и Зелинский. Последний, хотя и был весьма уважаем, не раз вызывал смех аудитории своей весьма своеобразной польской речью, полной русицизмов. Один из анекдотов гласил, что из его рассказа о страданиях Прометея получалось, что каждый день орел расклевывал ему «жаркое» (жаркое — по-польски «печень», а печень — «вонроба»). Видимо и сами изгнанники из прежней столицы России вспоминали ее с ностальгией — подобно многим представителям русской эмиграции.

Однако не все красоты этого города поляки воспринимают с полным пониманием. Когда много лет назад делегация наших историков восхищалась Петербургом (в то время еще Ленинградом), местный гид спросил: «А что вам в этом прекрасном городе не понравилось?» Услышав, что в нем слишком много достопримечательностей, напоминающих о царях, он выпалил: «Мы хорошо знаем, что вы не любите наших правителей». Как раз под их властью, а часто и по их милости в Петербурге делались столь блестящие и вместе с тем доходные карьеры. Много лет спустя весьма язвительно подвел их итоги журналист, издатель и комедиограф Стефан Кшивовешевский (1866-1950), на рубеже XIX-XX вв. корреспондент петербургского издания «Край». В его воспоминаниях мы читаем:

«Климат суровый, небо серое, частые сильные ветры, короткое и жаркое лето с болезненно бледными ночами... Чем объяснить, что столько людей, даже поляков, было привязано к жизни в этом городе? (...) Здесь, как в любом абсолютистском государстве, карьеристы, спекулянты, бродяги и мошенники находили себе прекрасную кормушку. Вокруг них увивался прекрасный пол авантюрного склада. Роскошные апартаменты, многочисленная челядь, элегантные выезды, дорогие наряды, изысканная кухня, лучшие вина».

Хиероним Граля

ЕЩЕ РАЗ О ПЕТЕРБУРГСКИХ КАРЬЕРАХ ПОЛЯКОВ

Недавний юбилей 300-летия Санкт-Петербурга, имевший широкий резонанс и в Польше, вывел на свет проблему участия и реальных заслуг представителей нашего народа в развитии Северной Пальмиры. В отличие от других народов, смело выставивших свои действительные, а иногда и выдуманные заслуги на этом поприще, поляки ввиду очевидного исторического контекста оказались в куда более трудном положении: все-таки наши предки были сынами народа, завоеванного Российской империей и несколько раз восстававшего в то самое время, когда все более многочисленные его представители активно и с немалым успехом действовали и творили в столице династии Романовых.

Некоторое время назад тему «Поляки на службе у москалей» уже поднял широко обсуждавшийся одноименный труд серьезного краковского историка Анджея Хвальбы (вышедший в 1999 г.). Впрочем, что касается Петербурга, эта весьма ценная монография приносит не слишком много нового в сравнении с классической монографией Людвика Базылёва «Поляки в Петербурге», которая посвящена истории петербургской Полонии до 1917 г. и пользуется заслуженной славой у историков, но, увы, вышла уже 20 лет назад*.

Начало XIX столетия видело немало замечательных карьер, сделанных поляками на берегах Невы, причем не в политике, где пример князя Адама Ежи Чарторыского [в русской традиции Чарторыйского. — Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика] остается скорее изолированным.

Говоря об этой эпохе, следует все-таки упомянуть хотя бы две незаурядных карьеры: живописца Александра Орловского и композитора

Юзефа Козловского. Орловский, ученик Норблина** и участник восстания Костюшко, пользуясь покровительством вел. кн. Константина Павловича, достиг в Петербурге (или, как говорит Телимена в оригинале «Пана Тадеуша», «в Петербурку») немалых высот, став, в частности, членом Академии Художеств. Свидетельство Адама Мицкевича о том, что художник «тосковал по родине, / Постоянно любил вспоминать времена своей молодости, / Восхвалял всё в Польше: землю, небо, леса»***, хоть и вложено в уста Телимены, имеет свое значение, тем более что его подтверждают произведения художника. Верно, что «никогда он не писал польских пейзажей», но он и не был пейзажистом, зато оставил серию картин, изображающих эпизоды восстания Костюшко, галерею аппетитнейших польских типов (недавно прошла выставка его рисунков в петербургском Мраморном Дворце, том самом, где по милости своего покровителя художник прожил без малого тридцать лет). О том, что наш соотечественник не ограничивался русскими темами, свидетельствует также отменный анекдот о портрете его кисти, для которого князь Константин, желая произвести впечатление на обожаемую Хелену Любомирскую, позировал в сермяге косиньера [крестьянина из тех, что участвовали в восстании Костюшко, вооружась косами], причем в профиль: по мнению страстно влюбленного цесаревича, курносый нос, унаследованный от императора Павла I, должен был несколько уподобить его изображению... образу Тадеуша Костюшко.

** Ян Петр Норблин (Жан-Пьер Норблен де ла Гурден, 1745-1830, в 1774-1804 — в Польше), живописец и график, придворный художник графов Чарторыхских. — *Пер.*

*** Перевод подстрочный, так как известные нам существующие переводы этого фрагмента, в том числе и приведенный в статье Я.Тазбира, слишком далеко отходят от оригинала. — *Пер.*

* С удовлетворением следует отметить факт недавнего русского издания этого полезного труда (СПб, «Блиц», 2003, пер. Юрия Беспярых). Книга вышла при серьезной финансовой поддержке Польского литературного фонда.

Не менее красочная карьера выпала на долю Козловского: этот домашний учитель музыки Михала Клеофаса Огинского — создателя знаменитого своим настроением полонеза «Прощание с родиной», наемник в русской армии, капельмейстер князя Потемкина занял высокий пост «директора музыки театров Петербурга» и приобрел огромную популярность. Козловский, композиторская карьера которого пришлось на петербургский период, оставил множество сочинений, всеми признан одним из виднейших представителей русского классицизма и в литературе предмета последовательно именуется Осипом Ивановичем. Вполне ли обрусел автор первого российского гимна «Гром победы, раздавайся» (нотабене полонеза)? Пожалуй, нет, раз он написал так много сочинений, лежащих в польской музыкальной традиции, сочинил «Реквием», исполненный на похоронах Станислава Августа Понятовского (возможно, по заказу самого монарха!) и вместе с Адамом Мицкевичем сложил музыку к «Думке гетмана Косинского» (на слова Богдана Залеского). Козловский также поддерживал отношения с другими представителями польской музыкальной культуры на берегах Невы: Марией Шимановской, братьями Михаилом и Матвеем Виельгорскими, наконец — со своим бывшим учеником Огинским, которому, кстати, помогал издавать его партитуры****.

Не похоже также, чтобы по мнению наших соотечественников перестала быть полькой или хотя бы стала чужда национальному делу первая «пианистка их Императорских Величеств» Мария Шимановская, несмотря на то что умерла она в Петербурге в блеске славы и почестей летом 1831 г.

**** См. Наталья Салнис. О портрете Юзефа Козловского // Петербургская музыкальная полонистика. Вып. 2. СПб, 2002, с. 32-34; Т. Огаркова. «Траурная музыка» О. А. Козловского для ритуала погребения короля Станислава-Августа Понятовского // Там же, с. 35-39. Добавим, что этот выдающийся композитор, в Польше совершенно забытый, в последние годы постепенно начинает занимать надлежащее ему место: первое после почти 200 лет исполнение «Реквиема», состоявшееся по инициативе польского генерального консульства в Санкт-Петербурге в том же костеле св. Екатерины, где он был исполнен впервые, положило начало ренессансу этого замечательного сочинения: в прошлом году «Реквием» был дважды исполнен в Польше — в Варшаве (хор Варшавской камерной оперы) и Гданьске (Балтийская филармония).

— в то самое время, когда фельдмаршал Иван Паскевич (кстати, в его венах текла немалая доля польской крови) рвался к Варшаве. Вероятно, тут не без влияния остается как то почтение, которое испытывал к ней сам Мицкевич, так и женитьба великого поэта на ее дочери Целине, однако решающее значение принадлежит заслуженной славе пианистки (ею восхищались, в частности, Бетховен, Паганини, Мейербер) и значительной популярности ее сочинений — например, не подлежит сомнению влияние ее творчества на молодого Шопена: Шимановская как-никак была предтечей фортепьянной мазурки.

Картина петербургских карьер польских музыкантов была бы неполна без упоминания о тех, кто был и остается гордостью нашей национальной культуры, — великих скрипачей Кароля Юзефа Липского и Генрика Венявского, придворных царских виртуозов (первый из них, достойный конкурент самого Паганини, использовал титул «первого скрипача императора всея Руси при королевско-польском дворе»); больших успехов добился и другой придворный скрипач — Аполинарий Контский, который, вернувшись в Варшаву, учредил там Музыкальный институт (1862).

Карьера Венявского в контексте наших рассуждений заслуживает тем большего внимания, что частично она совпала с восстанием 1863 г.: в то самое время, когда царские войска добивали последние партии повстанцев, а усмирению вторила под диктовку Михаила Каткова антипольски настроенная русская печать, наш виртуоз получил от восторженных московских меломанов скрипку Страдивари (14 апр. 1864); добавим, что несколько раньше, в марте 1863-го, в Москве впервые исполнялся его 2-й скрипичный концерт ре минор (соч. 22), а дирижировал уже тогда известный своей полонофобией Рихард Вагнер. При этом известно, что Венявский не мог быть равнодушен к восстанию хотя бы потому, что в нем принял участие его брат Юлиан (благодаря поддержке вел. кн. Николая Николаевича, бывшего наместника Царства Польского, композитор добился для него амнистии).

Поведение артиста во время восстания отнюдь не оказало отрицательного влияния на его популярность у поляков: когда после почти десятилетнего перерыва Венявский наконец приехал в Варшаву (апр.-май 1870), то и публика, и критика принимали его с восторгом. Парадоксально, но следующее варшавское турне (1872) привело

к его разрыву с царским двором: предложением стало бесцеремонное поведение наместника Берга, ответная резкость самого артиста и отданный ему приказ покинуть город. Симптоматично что, давая 26 июня 1872 г. в Петербурге прощальный концерт, скрипач выбрал самый что ни на есть польский репертуар: в программе были, в частности, сочинения Монюшко, кончину которого незадолго до этого оплакала вся Польша. Восемь лет спустя похороны самого Венявского стали в Варшаве большой национальной манифестацией: число участников погребального шествия оценивали в сорок тысяч.

Надежды на придворную карьеру питал и Монюшко, желавший получить должность придворного капельмейстера; правда, своей цели он не достиг, но заслужил признание петербургских музыкальных кругов и с большим успехом представил там свои патриотические сочинения. Не менее энергично добивался милостей царя и учитель Шопена композитор Юзеф Эльснер: в 1838 г., всего несколько лет спустя после восстания, он даже совершил паломничество в Петербург, чтобы вручить Николаю I посвященную ему ораторию «*Passio Domini Jesu Christi*».

Примеры блестящих музыкальных карьер поляков в Петербурге можно умножать: на сцене Мариинского театра много лет блистала Аделаида Скопская-Большая, среди танцовщиков вызывали восторг Матильда Кшесинская и Вацлав Нижинский (о его забытой принадлежности к полякам прямо заставляет вспомнить его «Дневник»). Напомним, что Феликс Кшесинский, отец примабалерины и сам замечательный танцовщик и хореограф, несмотря на царские милости сохранил глубокую связь с родиной: когда этот петербургский почетный гражданин скончался (1905), тело покойного в согласии с его последней волей перевезли в родную Варшаву и похоронили на кладбище Повонзки.

Обобщая, мы видим, что карьера в Петербурге не только не подвергала художника остракизму его соотечественников, но еще и добавляла ему славы и популярности.

Чтобы не быть односторонними, напомним все-таки хотя бы один из тех примеров, когда видные польские артисты, имевшие в Петербурге серьезный успех, из патриотических побуждений отвергали выгодные предложения императорского двора. А такие примеры бывали. Знаменитая

певица Янина Королевич-Вайда во время своих триумфальных петербургских гастролей в 1906 г. — между прочим, она тогда пела в столице империи «Гальку» по-польски! — получила предложение постоянного ангажемента в императорской опере, со сказочным по тем временам жалованьем в 60 тыс. рублей, и отвергла предложение через час после того, как оно было сделано. Примадонне хватило времени на размышление, пока она ехала по зимней Большой Морской... в кибитке:

«Мороз хлестал меня по лицу, а в мыслях пролетали тысячи картин всех бедствий нашего народа: восстание, на рассказах о котором я воспитывалась, пятеро двоюродных братьев моей матери, Терашкевичей, расстрелянных казаками, три года, отсиженные отцом в варшавской Цитадели (...) А я сегодня могла бы начать выступления в царском театре, где мне предписали бы петь «Жизнь за царя»! (...) Я подумала, что отец перевернулся бы в гробу!» — пишет певица в воспоминаниях «Искусство и жизнь».

Иногда бывает нелегко с точностью взвесить соображения, руководившие нашими патриотически настроенными артистами: постоянный ангажемент в императорской опере — нет, а участие в сезонах итальянской труппы в Одессе, выступления в Киеве и Харькове — да, несмотря на отвращение, которое возбудили у певицы эксцессы «черной сотни». Добавим еще удовлетворение от присутствия на спектакле вел. кн. Николая Николаевича, лестных рецензий в «Новом времени» и выступлений с Шаляпиным, восторги по поводу русской публики и одновременно весьма критическое отношение к петербургским полякам: к некоей панне Юркевич, варшавянке, вышедшей замуж за пристава (пристав, правда, вполне заслужил неприязнь, объявляя своим польским гостям: «Польского языка терпеть не могу...» [порусски в тексте]), к редакции «Края» и Эразму Плицу, хотя тот принял ее крайне радушно. И все-таки картина была бы неполной, если не упомянуть воспоминания певицы о теплой встрече с прогрессивным студенчеством, устроенной польскими студентами, которые подружились с примадонной и ее мужем.

Нехватка места не позволяет столь же широко рассмотреть другие круги, например, ученых, правоведов, писателей, журналистов, хозяйственных деятелей, — целесообразным кажется все-таки посвятить внимание полякам-военнослужащим.

Помня о нештучном числе карьер, иногда завершившихся генеральским чином (об этом документально свидетельствует число «польских» портретов в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце, где мы видим, например, Адама Чаплица, мелкого шляхтича с Могилевщины, который прославился, в частности, захватом в плен под Слонимом целого полка улан литовской гвардии Наполеона, и Адама Ожаровского, сына казненного в 1794 г. тарговицкого коронного гетмана), мы не можем абстрагироваться от весьма сложного контекста службы наших соотечественников в армиях держав-захватчиц, особенно в первые годы после крушения I Речи Посполитой. Прежде чем поспешно выносить приговоры, следует помнить, например, о достойном поведении Владислава Браницкого (сына тарговичанина**** Ксаверия Браницкого), который в 1828 г. защищал обвиняемых перед Сеймовым судом.

Тема военной службы поляков в русской армии заслуживает внимания еще и по другой причине: участие многих подававших надежды офицеров в польском восстании 1863 г. — доказательство действительного существования идеи валленродизма*****. Заметим, что особое место в ее осуществлении досталось воспитанникам петербургских военных школ, участникам конспиративного Кружка польских офицеров. Основатель этой организации Зигмунт (Сигизмунд) Сераковский, офицер Академии Генерального штаба, имевший ряд наград, протекже военного министра Николая Сухожанета, поднял восстание в Литве. Зигмунт Падлевский, выпускник Артиллерийской академии — в окрестностях Плоцка. Другой член той же подпольной организации, Ярослав Домбровский, выпускник Академии Генерального штаба, был арестован в 1862 г., еще до начала восстания. Наряду с этими общеизве-

стными именами надо упомянуть не только их товарищей по петербургской организации — Михала Крука-Гейденрейха Людвика Топора-Звездовского, Яна Савицкого, — но и тех, чья дорога к восстанию была совсем иной.

Ромуальд Траугутт, последний диктатор восстания, прошел венгерскую кампанию 1848-1849 гг. под командованием Паскевича, участвовал в обороне Севастополя, за что получил орден и продвижение по службе. Он преподавал в петербургском Военном гальвано-техническом институте, а выходя в отставку в 1861 г. (по семейным обстоятельствам) уже был подполковником. К восстанию он присоединился только в апреле 1863 г., под нажимом соседей.

Еще более поразительный пример — Юзеф Хауке-Боссак, потомок генерала Мауриция Боссака, убитого подхорунжими в «ноябрьскую ночь», — кстати офицера с огромными заслугами в Отечественной войне. Трудно найти больший парадокс, чем история «Босака»: воспитанник Пажеского корпуса, представитель рода, пользовавшегося милостями царского двора и через гессенский княжеский дом породнившегося чуть ли не со всеми династиями Европы, офицер, делавший блистательную карьеру на Кавказе, где, будучи полковником, он самостоятельно командовал тактическими соединениями, друг великих князей, — Хауке-Боссак присоединился к обреченному на поражение восстанию и даже некоторое время с успехом отражал атаки русских войск, чтобы в конце концов, уйдя после поражения за границу, стать живым воплощением польского борца «за вашу и нашу свободу». Когда Юзеф Хауке-Боссак в 1871 г. пал от прусской пули под Дижоном, командуя французскими частями, он, говорят, был одет в красную рубаху гарибальдийца и кавказскую бурку, а на боку у него была сабля, подаренная в знак уважения одним из великих князей.

У всех вышеупомянутых офицеров-повстанцев был в жизни свой петербургский период, и все они своим решением засвидетельствовали, что благо отечества для них — высший закон. Героическая гибель Траугутта, Сераковского и Падлевского стала важной частью национального мифа — это широко отражено не только в иконографии, но и в популярной литературе. Их службу в русской армии трудно было замалчивать, учитывая общественные эмоции, которые возбуждал выне-

**** Тарговичане — магнаты, участники т.н. Тарговицкой конфедерации (1792), заговора с целью добиться отмены реформ Четырехлетнего сейма (1788-1792) и конституции, принятой 3 мая 1791 года. Обратились за помощью к Екатерине, что привело ко второму раздлу Речи Посполитой. — *Пер.*

***** Чисто польский термин от имени героя одноименной исторической повести в стихах Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» — литовца, который проник в Тевтонский орден, своими подвигами заслужил избрания великим магистром и затем привел орден к полному краху. — *Пер.*

сенный бывшим русским офицерам (здесь речь идет о двух первых) приговор к позорной смертной казни через повешение.

Не подлежит сомнению, что службу в армии держав-захватчиц немалая часть патриотов рассматривала как обучение военному ремеслу, которое когда-нибудь пойдет на пользу национальному делу (в частях Польши под прусским и австрийским владычеством так смотрели даже на службу в пожарной охране и т.п.); опыт 1918 года доказал, что это отнюдь не иллюзия!

Таким образом, отношение польского общества к «полякам на службе у москалей» в ряде случаев трудно назвать отрицательным: кому пришлось бы в голову назвать ренегатами, например, бывших офицеров российского флота, особенно во II Речи Посполитой?

Благодаря чарующим мемуарным очеркам Кароля Ольгерда Борхардта в памяти многих поколений его читателей бытуют образы создателей польского торгового флота, воспитателей его замечательных кадров, в особенности капитанов Мамерта Станкевича («Значит, капитан») и Константы Мацевича («Мацая»). При чтении этих воспоминаний невольно и совершенно ясно осознаешь: хотя и случалось, что некоторые языковые трудности бывших царских офицеров порождали расхожие анекдоты, их компетентность и образование пользовалась уважением (как, например, импонировали молодым офицерам навыки Станкевича, вынесенные из корпуса гардемарин!), а вдобавок никто и не думал сомневаться в их принадлежности к польской нации и искреннем патриотизме. Аналогичные мнения о «православных» офицерах сухопутных войск тоже не были редкостью во II Речи Посполитой — несмотря на растущий культ легионерских кадров: достаточно вспомнить хотя бы проникнутые теплой иронией, но и нескрываемой симпатией воспоминания Мельхиора Ваньковича о встречах с генералом Люцианом Зелиговским.

Наконец, попытаемся ответить на вопрос, был ли образ Петербурга, в особенности у поляков на родине, таким односторонне негативным, подчиненным господству видений Мицкевича из III части «Дзядов» и упрочившимся благодаря декларациям вроде приводимых в статье Януша Тазбира мнений Юзефа Игнация Крашевского и Марии Домбровской (во втором случае мнение выражено устами Барбары Нехтиц)?

Серьезные сомнения в такой категорической позиции возникают во время чтения воспоминаний Ярослава Ивашкевича о его петербургской экспедиции: писатель прибыл на берега Невы в возрасте 77 лет и отправился искать образы, почерпнутые из чтения времен своей юности, т.е. времен русской гимназии, русского университета и русской консерватории. Он искал их, в частности, среди голубых драпировок в ложе Марининского театра, видевших братьев Решке и Вацлава Нижинского — великих артистов, родом поляков. Волнение, которое он испытал во время этих ностальгических странствий, Ивашкевич был способен сравнить лишь с одним эпизодом своей жизни: впечатлением от первого пребывания в Кракове, где «все, что знал из рассказов с самого раннего детства, столь же внезапно ложилось на свое место». Это не фразы, годящиеся для стереотипа зловещего города-молоха, «воздвигнутого бесами», — нет, это скорее встреча с чем-то так хорошо знакомым, что почти уже родным.

Благодаря своему очевидному европейскому характеру и многочисленности польской колонии, наконец, благодаря роли католической Церкви, Петербург предстал перед нашими предками как город почти что польский. Симптоматично, что совершенно иначе они видели Москву — историческую колыбель русской государственности, традиционно воспринимаемую как символ «восточно-го варварства» и столица прирожденного врага.

Оценивая немалое участие поляков в строительстве и развитии Петербурга с перспективы столетий, мы не можем забывать, что и во времена разделенной Польши достижения таких людей, как Кербедзь и Пшеницкий, Перетякович, Кричинский, Сальмонович и десятки других замечательных архитекторов, воздвигнувших в Петербурге сони прекрасных зданий, должны были пользоваться признанием современников. Не забудем, что накопленные там состояния нередко служили не только делу упрочения польского духа в самом Петербурге (вспомним хотя бы деятельность Товарищества благотворительности, которое, в частности, субсидировало воспитательное заведение ксендза Антония Малецкого, вместе с польскими школами, щедрыми дарами по завещанию Кербедзей и Вавельбергов), но и на территории русской части Польши: достаточно вспомнить заслуги Евгении Кербедзь перед Варшавой.

Высказываемое иногда расхожее мнение, согласно которому карьера или даже просто служба в столице Российской империи часто приводила к русификации (особенно после восстания 1863 г.) требует серьезных поправок: польский дух и язык сохранялись во многих кругах, не имеющих ничего общего с гетто; случались, и нередко, отступничества, но существовал постоянный и массовый приток поляков, общение с которыми помогало корениться в национальной культуре. Достаточно заглянуть в недавно изданные воспоминания Анджея Вежбицкого «Живой Левиафан», чтобы оценить размах и интенсивность жизни Полонии, особенно среди студенчества. Добавим, что можно найти много оговорок по поводу самого главного и влиятельного периодического издания Полонии в Санкт-Петербурге — еженедельника «Край», можно критиковать его за угодничество, за политическую программу, основанную на лояльности к империи, однако нельзя обойти его огромные заслуги в культивировании национальной культуры, распространении науки, наконец, в том, что польские подданные Российской империи поддерживали постоянную связь с поляками в других державах-захватчицах, так как «Край» постоянно печатал корреспонденции из Галиции, Силезии и Великопольши. С этой точки зрения деятельность Эразма Плица и Владимира Спасовича заслуживает признания: журнал фактически играл роль культурной платформы для граждан бывшей Речи Посполитой, а в моменты большей свободы неукоснительно писал о памятных датах и великих юбилеях польской истории. Его действительное значение в деле сохранения польского национального самосознания, причем и в периоды усиленной русификации, трудно переоценить.

Это видели современники, в том числе и те жители русской части Польши, кто недолго любил «карьеристов с берегов Невы», и раздавалось немало голосов, восхвалявших достижения петер-

бургской Полонии. Когда всего лишь за год до начала I Мировой войны публицист варшавского еженедельника «Свят» Войцех Барановский писал, что «существование польской колонии на берегах Невы — это одна из страниц большой книги нашего скитальчества», хвалебная окраска этих слов не оставляла и тени сомнения.

Тем труднее согласиться с приведенным у Януша Тазбира мнением крупнейшего знатока проблематики Людвика Базылёва о том, что петербургские поляки «почти всегда отличались лояльностью к правительству. Обязанности свои они выполняли честно и добросовестно, «работали производительно, заслуживая похвалу, получали ордена, поднимались по т.н. табели о рангах. Говорили, писали и действовали по-русски с утра до ночи»». Однако оказывается, что достаточно продолжить цитату, и эта картина — как и взгляды Базылёва, последовательно развитые им в своей монументальной монографии, — приобретает совершенно противоположное значение: «Навещавшим их приезжим из Польши иногда могло казаться, что путь к полной русификации расстилается как самый изысканный ковер. Обычно дело обстоит как раз наоборот. Никто не забыл язык, никто не забыл свою национальную принадлежность, польским учреждениям помогали деньгами (иногда это были буквально огромные суммы), дарами по завещанию, влиянием, сотрудничеством. Умирать желали в Польше — не всем было дано это счастье. Почти все вернулись, когда кончилось невозвратимое прошлое, и вновь по мере возможностей служили своим трудом и знаниями возрожденной Речи Посполитой».

Я глубоко убежден, что именно это, очень эмоциональное, но точно и многожды документированное высказывание замечательного ученого лучше всего передает характер того обширного и увлекательного явления, которое мы условно называем «петербургскими карьерами поляков».

Петр Мицнер

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ СОЮЗНИКИ

В статье «Братец кролик в европейском и мировом зверинце» («Наш современник» №10, 2003) Станислав Куняев пишет о польских солдатах, оказавшихся после II Мировой войны в советском плену. Куняев приводит цифры: 60 тысяч, в т.ч. пять генералов. При этом он инсинуирует, что эти люди сражались на стороне фашистской Германии. Между тем в действительности это были бойцы польского подполья, в основном Армии Крайовой, которые в 1943-1944 гг. вместе с Красной Армией и пытались освободить Волынь, Литву, Люблинское воеводство и другие восточные земли от немецкой оккупации. После выполнения этой задачи они были арестованы и сосланы в лагеря. Нижеследующий текст посвящен их судьбе.

В течение последнего года II Мировой войны советские лагеря заполнились бойцами польской подпольной организации Сопротивления — Армии Крайовой.

С января по август 1944 г., по мере продвижения Красной Армии, один за другим округа АК приступали к проведению операции «Гроза». Теперь польские солдаты сражались с немцами уже в открытом бою. Но сразу же после того, как линия фронта перемещалась дальше на запад, бойцов АК разоружали и арестовывали.

22 августа 1944 г. из Виленского округа АК была отправлена депеша в Главное командование: «Уже месяц, как мы не получаем от ГК указаний, как следует относиться к советской стороне, которая ведет враждебную политику, направленную на наше уничтожение. Подразделения АК разоружены и вывезены в Калугу. (...) Срочно требуется скорейшее дипломатическое вмешательство и принципиальные указания».

Запад молчал, подпольное командование сделать ничего не могло. Семнадцать тысяч бойцов АК были отправлены в лагеря. Для них это стало потрясением.

Они были обречены на бездействие, хотя война еще продолжалась. В этой абсурдной ситуации они пытались что-то делать. В лагерях они встречали своих командиров, которых до этого знали только по конспиративным кличкам. В Дягилевском лагере близ Рязани находились генералы Казимеж Тумидайский («Мартин»), командующий Люблинским округом АК), Владислав Филипповский («Янка», командующий Львовским округом), Людвик Биттнер («Галька», командир 9-й пехотной дивизии АК) и Адам Свитальский («Домброва», командир 3-й пехотной дивизии). Позже всех, в октябре 1946 г., в лагерь попал генерал Александр Кшижановский («Волк», командующий Виленским

округом). Они сумели воссоздать подпольные структуры в мире ГУЛАГа.

В первый и последний раз такое количество бойцов АК оказалось сосредоточенным в одном месте.

Сломить удалось немногих. Большинство сумело выдержать мрачную атмосферу лагеря, слежку, попытки «привлечь к сотрудничеству».

Из Майданека, Осташкова и других лагерей поляков вывозили в глубь России. Самым крупным был «спецлагерь» близ станции Дягилево. Все арестованные после операции «Гроза» находились там с августа 1944 по июль 1947 года.

В 1943 г. в деревне Сельцы на берегу Оки, в Рязанской области, формировалась 1-я польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко, а в самой Рязани до января 1945 г. размещалось польское военное училище. Оно занимало здание, в котором во время I Мировой войны сидели заключенные поляки.

Почему советские «органы» выбрали то же самое место для арестованных бойцов АК? Быть может, это предусматривалось какими-то военно-политическими планами, которые так и не были осуществлены, а может, и просто так, из чистого цинизма.

На самом деле поляков в Дягилеве держали в двух лагерях (вернее, лагпунктах). С 27 августа 1944 г. до середины апреля 1945 г. они находились в «нижнем» лагере, расположенном километрах в десяти от Рязани. До момента прибытия первого эшелона с бойцами АК он играл роль так называемого фильтрационного лагеря для добровольцев, записавшихся в дивизию им. Костюшко. С того времени в нем постоянно находилось в среднем 450-500 человек. После голодовки в марте 1945 г. узников перевели в «верхний» лагерь, откуда до Рязани было 14-15 километров. В нем размещалось от полутора до двух (а некоторые утверждают, что до трех) тысяч человек.

До сегодняшнего дня неизвестно, сколько всего лагерей было в Рязанской области. Все еще недоступны многие документы, молчат свидетели. Например, немногое известно о лагере, расположенном на другом берегу Оки, совсем рядом с тем местом, где формировалась 1-я польская дивизия. Зимой 1944-1945 гг. в нем содержались истощенные голодом и каторжным трудом гражданские лица, вывезенные из Виленского края еще в 1940 году.

В лагерях в Дягилеве содержались в основном бойцы АК, в том числе женщины. Среди заключенных было

также небольшое количество гражданских лиц, солдат Польской Армии Людовой (организованной коммунистами в январе 1944 г.) из центральной Польши и офицеров из дивизии им. Костюшко. Из Люблинского воеводства привезли небольшую группу поляков, сотрудничавших с немцами во время оккупации. На «госпроверку» в Дягилево попадали и русские «репатрианты» с Запада, в том числе и вернувшиеся добровольно.

Поляки сидели в Дягилевских лагерях без всякого приговора, формально они считались интернированными (бывшие заключенные утверждают, что так их начали именовать только после окончания войны в мае 1945 г.). Поэтому они вплоть до сегодняшнего дня не подпадают под действие закона о реабилитации.

Они свободно перемещались по территории лагеря, офицеров не заставляли работать, можно было устраивать концерты, шахматные турниры, действовал даже лагерный театр «Наша будка» (разумеется, с жестокой цензурой). Среди заключенных было несколько священников, которым разрешили совершать богослужения.

Переписка была строгойше запрещена. Во время обысков особенно тщательно искали бумагу и забирали даже самые мелкие клочки. Большинство семей в течение трех лет не получало известий о своих близких. Никто в мире не должен был знать о существовании «спецлагеря» в Дягилеве.

Многие поляки из лагеря попадали в Рязанскую тюрьму, после чего бесследно исчезали. Больных отвозили в «спецгоспиталь №191», располагавшийся в городе Скопин.

В Дягилевском лагере заключенные, ослабевшие от голода, умирали. Их хоронили на соседнем кладбище.

Под угрозой приговоров, ссылки и смерти, сломленные допросами и следствием, несколько десятков заключенных демонстративно «полевели». Они хотели доказать начальству из комендатуры и НКВД, что «встали на путь исправления»: создали «клуб демократов», собственный небольшой театр «Искра», выпускали многотиражку «Рабочий». Советское начальство сумело оценить эти усилия и, когда заключенных понемногу начали выпускать... продолжало держать «сознательных» в лагере. Кроме того, как и всюду, были и среди польских заключенных предатели и доносчики.

В конце июня 1947 г. в Дягилевском лагере заключенные начали голодовку протеста. Через несколько дней бунт был подавлен. Заключенных разослали в другие места. Перевезенные в Скопин генералы продолжали голодовку. Казимежа Тумидайского (схваченного под фамилией «Грабовский») сочли организатором протеста. Во время принудительного кормления он скончался. Улики свидетельствуют, что фельдшер из НКВД «помог» ему по приказу сверху.

В официальном «учетном деле» генерала находится лишь сфабрикованная история болезни, в кото-

рой описаны ее начальные симптомы (такие, как кашель и общая слабость), а через несколько дней зарегистрирована смерть «от паралича сердца». Подобным же образом выглядят и официальные документы, содержащие историю «внезапной болезни» и смерти генерала Леополяда Окулицкого в декабре 1946 г. и опубликованные Степаном Родзевичем в журнала «Карта» (№10, 1993).

Однако через многие годы нашлись и заговорили свидетели, бывшие в то время в Скопине. Из их рассказов следует, что генерал был убит. Этих свидетелей разыскивали в начале 90-х годов активисты рязанского «Мемориала». Благодаря их упорному труду удалось обнаружить место захоронения генерала Тумидайского (ранее скрывавшееся от семьи и польских властей), а также найти кладбище интернированных в Дягилеве поляков и уберечь его от разорения.

Трудно сказать, что послужило причиной окончательной ликвидации лагеря в Дягилеве. Можно полагать, что это была голодовка в июне-июле 1947 г., но известно, что уже в марте этого года председатель совета министров РП Юзеф Циранкевич и генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский обменялись письмами по поводу «освобождения польских граждан, интернированных при очистке тыла» во время войны.

Однако дорога из Дягилева в Польшу вела еще через множество советских лагерей, в которых в течение нескольких месяцев держали бойцов АК. После окончания голодовки их отправили, в частности, в Боровичи, Череповец, Усть-Ижору, Мочилище... По пути на родину был еще временный лагерь в Бресте, но даже оттуда некоторых увозили обратно, в глубь России.

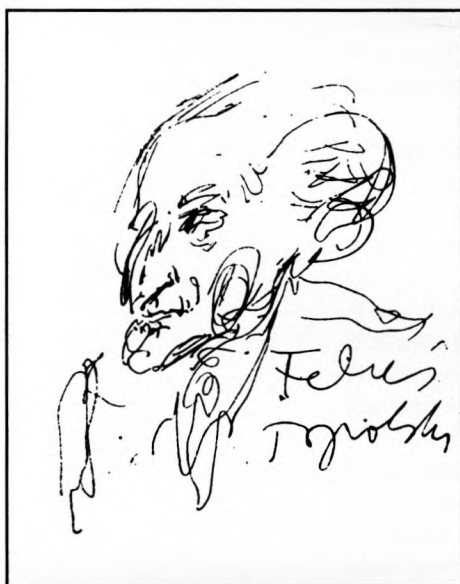
Когда я беседовал с бывшими узниками дягилевских лагерей, меня не оставляло впечатление, что ни тогда, в лагере, ни позднее они не ощущали горечи поражения. А ведь, рассуждая объективно, они были побеждены, преданы своими союзниками.

Период заключения в СССР был их последним сражением — за свое человеческое достоинство.

Юлиан Тувим

СТИХИ

Юлиан Тувим
рис. Феликс Топольский

ЦЫГАНСКАЯ БИБЛИЯ

Что цыганскою библией стало —
Колдовскою, изустной, бездомной?...
Только бабам напев ее темный
Шепчет ночь на Ивана Купала.

В этой книге — дыханье нарда,
Шелест леса, гаданье по звездам,
Тень могил, пятьдесят две карты,
Белый призрак, что век не опознан.

Кто открыл ее? Мы, книгознаи,
Роясь в памяти — в древнем хламе,
Лишь догадкой, владеющей нами,
В сердцевицу страстей проникая...

А легенда путями кривыми
В темном знанье, как речка, петляет,
Не по жизни и смерти — меж ними,
Но и жизнью и смертью пленяет.

Лишь догадкою, как сновиденья,
Перелистываются страницы,
И над книгой, в полуночном бденье,
Льют слезу восковую громницы.

А стихи — только чудятся где-то
В огневом и мгновенном звучанье —
Это нечто о муках поэта,
Что несет избавленье...

Но меркнут страницы в тумане.

Перевод Анны Ахматовой

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Человек, согбенный ношей,
Сядь со мною.
Помолчим в ночи, объятый
Тишиною.

Скинь с плеча
 сундук дубовый,
Сядем рядом,
Глянем в ночь по-человечьи —
Долгим взглядом.

Груз тяжел. И хлеб что камень.
Дышим трудно.

Помолчим давай. Два камня
В тьме безлюдной.

Перевод Анны Ахматовой

Рисунки Paulina Zielona

ОЛЕНЬ

В чаще стук, и не дятел стучит,
Не топор; словно призрак, в чаще
Так проносит олень свой щит
Над челом — из ветвей стучащих.

Задевают о каждый ствол,
Схожи с арфой и манят светом.
Прихожане лесные, в костел
За оленем ступайте следом!

Гулкий стук все слышней, все звучней,
Пробуждается нечисть лесная —
Толпы леших, тени ветвей,
Привиденья, сквозь лес приплывая.

Виден блеск алтаря сквозь лес
И молитвы туманных чудес.
Гром и трепет вскипают в пене
На цветущей арфе оленя.

Перевод Анны Ахматовой

ПРОСЬБА О ПУСТЫНЕ

Уже мне звезд не видно снизу,
Небесная поблекла синь.
О Вседержитель! Дай мне визу
В пустынной из пустынь.

Чтоб, не грустя, не презирая,
С любовью очи я возвел
В те дали без конца и края,
В сиявший истиной костел.

Чтоб приближение шакала,
Мне братом ставшего теперь,
Ворчаньем теплым обдавало,
Когда дохнет на стужу зверь.

А я — кто вечно в путь стремится —
В сиянье бледного венца
Найду забытую страницу,
Где Сын погибнет от Отца.

Средь ночи зверь людей разбудит —
Завыл, заплакал, зарыдал...
Он понял все и не забудет,
Мой брат теперешний — шакал.

Он новые, иные очи
В меня уставит, не боясь.
И из пустынной чистой ночи
Падет звезда, не раздробясь.

Париж 1939

Перевод Анны Ахматовой

ЗЕЛЕНЬ

Словотворческая фантазия

Отцу

Разговор про зелень беспределен...
Звуком возвеличивая зелень,
Силой вдохновенья умножая,
Буйного добьемся урожая.
Мало видеть слово. Надо точно
Знать, какая есть у слова почва,
Как росло оно и как крепчало,
Как его звучало зазвучало,
Чем должно набухнуть и налиться,
Прежде чем в название превратиться,
В званье, в имя или в кличку просто...
Прелесть слова — в летописи роста.

Так не лепо ль нам, про зель земную
Словесами предков повествуя,
Эту повесть зачинать издревле!
В недра, в ядра мы заглянем, в дебри.
По нутру пойдем, по корневищам,
В целине ту завязь мы отыщем, —
Чтобы голос подал из расщелин
Первый шевелистик, нежно зелен.

Лыко в строку ты не ставь мне с бранью,
Что ломлюсь в подсловья мироздания.
К семенам, ключам, истокам чистым
В исступление Слововера истом
И в поля родного Словополя
С палочкой волшебною пришел я,
Чтобы зелени вернуть приволье
В польской речи, в нашем Словополе.
Тот грустит о соловьином свисте,
А другому панна в мае снится,
Мне ж звучат, как женственные птицы,
Словарей пленительные листья.
С каждым маем к юности и воле
Древо-древность ширится все шире.
Вот мой дом — стиха стены четыре
На полях родного Словополя.

Так сойдем же вместе в детство речи,
Как шахтеры в штрек, чтоб издалече
Мог подземной лампой осветить я
Древние дремучие события.
Мы — в Эрцинском царстве. А над нами,
Над неполомицкими слоями,

Встало Беловежье пластовое
Древнею, дремучею Литвою,
Иновладские мои дубравы,
Где кентавр топтал свои пра-травы,
И славянской Атлантиды хвоя —
Все языческое, вековое,
Мховое... И где-то там, за нею
Геркуланумы дубрав, Помпея!
Где ж найдем мы этих дебрей гуще?
Вот они — овраги, яры, пущи!
Ярогневны неба их спалили,
Их секиры молний повалили,
Все в ступе тысячелетий сбито,
Чтобы стать пластами антрацита
И опять с огнем соединиться,
И опять в застывшую гробницу.
В эту пропасть пасть, чтоб веял снова
Стужею удушья гробового
Лед алмазный, глетчер онеменя...

Но разбудим древние камня
Чарозельством. Ведь кладоискатель,
Мертвых дел будитель, воскрешатель,
Видя смерть и жизнь предвечной речи,
Ведает, что дело человежье,
Так же как и дѣянье лесное,
Все течет одною глубиною,
Где-то исчезает и таится,
Чтоб наружу все-таки пробиться,
Чтоб сверкнул для разума людского
Ключ живого, луч родного слова!
И, разбужен, забушует уголь
Лесом, полем, медоборьем, лугом,
Солнце поглощенное изринет,
Мох потопом бородатым хлынет,
Чтоб глаголу твари внять могли бы!
Древний ящер выскользнет из глыбы,
Ветер под крылами птиц воскреснет,
Еж и елка заиглятся вместе,
И свои покинет узилища
Крупный зверь: стволы и корневища,
Вдруг очнувшись, все пойдут толпою,
Зеленью сверкнут и — к словопою!
Хлынет ключ из-под корней растений
К жаждущим устам ветвей-олений.
И тогда очнется от молчанья
Самка-Речь, вдова с времен венчанья
Первородного. И — снова в зелень!
Словизна тут засочится хмелем,

И словесность хлынет коренная,
Кровь — руда, зелица медвяная.
И заблещет лес лучистой речью:
Жмудью, и санскритчиной, и гречью.
Эха тут пойдут по многостволю,
По стране родной — по Словополюю.

В полный голос брат окликнул брата —
Все ведь были родичи когда-то,
Кровные сумели столкнуться.
Смехом-эхом стали окликаться,
Ведь выросли-то от единых зерен —
То же слóвище и тот же корень,
Род их зелен, буен, непокорен!
Спорят: кто измерит бездну Зели;
Кто найдет, придя к продельной цели,
Корень Зели меж других зелинок —
Всяческих зелишек-небылинок,
Кто из них сквозь златоцвель болотца
До истоков зелья доберется,
Зельчиков натеребит зеленых
На межах подсловья отдаленных,
Кто на шумном зельбище природы
Праотца найдет — Зеленорода?!

Ящерицы подали тут голос:
— Мы не падчерицы! В нас — зеленость!
Той же зелени мы плоть от плоти.
Празелень вы в нас-то и найдете! —
Но решило православных вече
Листьев большинством, что вздорны речи
Ящериц, что — не давать права им:
Прочь беззельниц! Так позелеваем! —
Отбежали ящери и плачут:
— Что же, не зеленые мы, значит? —
Как на тризне, стонут о недоле
На своей отчизне — в Зелеполье.
Перерыли зеленостей тыщу —
Все-то Зельеносца не отыщут,
Ибо то зеленое начало
Не в листве, не в травах зазвучало,
Не в сыром побеге-малоростке,
А в зелёнке — йскристой стрекозке,
Что порхать в стихах вот этих стала
Между строк от самого начала.
Не она ли на слова садится,
Чтоб им всем насквозь прозелениться,
Сращивает звуки, разделяет,
Упорхнувши, снова прилетает...

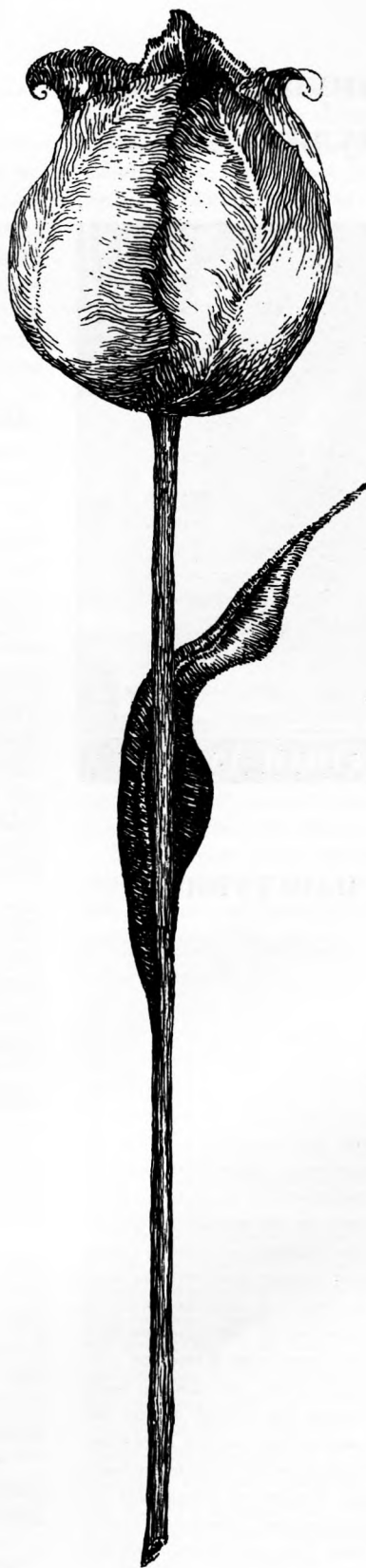

Труд Зеленоведа опекает
Стрекоза-зелёнка в блестках света...

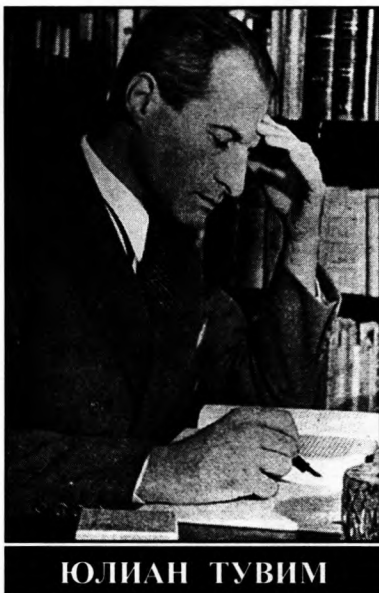
Не отныне — с давних лет все это.
Еще зелень тела не имела,
Ни зела в земле еще не зрело,
Желчь и злато *гелтасом* единым
Не плескались в неманских глубинах
(И теперь — иди за Вильно в поле —
В этом поле не трава, а *жоле*,
Не зеленят здесь — *жельтятся* травы,
Тут *жолинас* — золото отавы).
Еще в Рейне *гулт* не булькнул, взболтан,
Было все ни золотым, ни желтым,
И ни в капищах латвийских — *зельтсем*
(Значит — златом, а слышится зельцем!),
И лоза, пружинясь, не добилась,
Чтобы прусс сказал о ней: «*Жалияс*»,
И жмудин, осознавая ржавость
Рыжей белки, не воскликнул «*Жаляс*»,
И былинка-золка не цвела там,
Всеславянским наливаясь златом,
Как праматерь всех полезных злаков;
Еще мягким не смирился знаком
Грубый *ЗЕЛ* и нерасцветший жолтик,
Не прося о золоте, был желтым,
Еще жолна (дятлик тот, отзёлок,
Chlorophicus, от ствола отстволок)
По-над Влтавой *жлутой жлуной* сталась,
Еще Хлоя не зазеленялась,
Не успела травяная поросль
Подсказать элинам слово: *хлорос*, —
А уже в «зеленое» играла
Стрекоза со словом! И мерцало
Через мысли — домыслы природы
Робкое сиянье Зелерода.

Вот как было, вот чем завершилось,
Вот как эта песнь озеленилась!
Зеленится зелень от предвечья
В Славополье нашем, в польской Речи!

Перевод Леонида Мартынова

Юлиуш Виктор Гомулицкий

НАШ ТУВИМ

27 декабря 2003 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Юлиана Тувима (1894-1953) — поэта, который, собственно говоря, никогда не терял причитающейся ему популярности: его читали и читают, а его эмоциональность воздействует независимо от смены литературной моды. Он был изощренным мастером поэтики, словопоклонником и врагом слов, охотником на их метафорические связи, умел ласкать и мучить слова, и все это нашло многочисленных продолжателей в польской поэзии, хотя немногие из них признаются, кто был их учителем. А учились у него они с детства, так как его гениальные стихи для детей, такие, например, как «Локомотив», воспитывали поэтическое чувство нескольких поколений. Никто не превзошел Тувима и в переводах Пушкина, Гоголя, Грибоедова, русских поэтов начала XX века.

МОЙ ТУВИМ

*Воспоминания, переданные по 2-й программе
Польского радио в рамках Фестиваля творчества
Юлиана Тувима (январь 2004 года)*

Было начало 20-х, когда я столкнулся с именем Юлиана Тувима. Мне попал в руки один номер раннего «Скамандера»*, который показал мне, какой это мастер слова. Тувим попросту входил в слово, а слово входило в него, так что в какой-то момент было трудно отличить, где кончается Тувим, а где начинается польское слово.

Свой первый текст я напечатал в 1935 году. Он появился — вот удивительно! — хотя я послал его в несколько журналов, в правом издании, где Тувима резко критиковали. Я подумал: наверное он этот журнал почитывает, а раз почитывает, то найдет и мою статью. Статья была интересная, потому что речь шла об учителе Норвида, который, как я обнаружил, прославился (точнее дурно прославился) тем, что выкопал из могилы голову женщины, в которую влюбился, забальзамировал ее при помощи разбирающихся в этом коллег из Варшавского университета, а потом ездил с этой головой по гроб жизни и, кажется, с нею и был похоронен. Я тогда позвонил Тувиму, а он сразу и говорит: «Читал вашу сенсационную статью. Приходите ко мне обязательно и расскажите мне еще какие-нибудь такие истории». Я отправился к нему; принял он меня крайне радушно, угостил тем-сем, а потом мы разговорились обо всяких курьезах: это его безумно интересовало.

Так и началось в 35-м году это знакомство, которое кончилось в 39-м, перед его отъездом, и началось заново, как только он приехал в Варшаву из-за границы. Я послал ему книгу XVII века, латинскую, о редких предметах культа, а он мне в ответ — благодарность и сердечное приглашение: «Я уже стосковался по нашим довоенным разговорам о поэзии и курьезах».

Тувим был библиофилом с детства. Еще ребенком он из-за огромного пятна на лице много лет попросту боялся выходить на улицу, играть с товарищами, с ровесниками. Это пятно нельзя было убрать никакими средствами, хотя его родители и пробовали. Тогда-то он и начал интересоваться книгами, причем из самых разных областей. Только напечатав свои первые стихи и увидев, что они произвели на всех окружающих сильнейшее впечатление, он понял, что это пятно стало для него знаком избранности.

Он собирал редкости — поначалу, например, плохо написанное, графоманию. У него была огромная полка графомании. Когда я был у него в первый раз, он показывал мне свои книги — и говорит: «А тут,

* «Скамандер» — литературный журнал одноименной группы поэтов, выходивший в 1920-1928 и 1935-1939 гг.

видите, моя графомания. То есть не моя — чужая, но я эти книжки скупаю, и мне их доставляют».

Он собирал курьезные вещи. Да и то, о чем он писал, — чудачества, причудливости всякие. Но он был трудным «менялой», если говорить о книгах. О, обменяться с ним книгами... Мы с ним различались. Я говорю: «Немножко слишком мало вы мне дали за эту книгу. Эти две брошюры не стоят того, что вы получаете». Тогда он подкинул еще одну брошюру. А показать Тувиму купленную и очень ценную для него книгу значило распрощаться с ней, так как потом он решительно домогался, чтоб я ему ее подарил, обещал за нее другие книги. После двух таких случаев я уже стал прятать от него такие редкие книги, которые он заведомо хотел бы у меня отобрать, а я бы не устоял перед этим бурным натиском друга и замечательного поэта. Ну не устоял бы, поэтому не приносил, не показывал и не говорил.

Я всегда жаловался: «Вы для других библиофилов вредитель». Сколько раз — получу каталог, иду, бегу немедленно, чтобы купить какую-то книгу, а тут говорят: «Уже продано». — «Как это? Я только что получил каталог, несколько часов назад пришла почта...» — «Да, но пан Тувим получает этот каталог еще до ухода в печать». И что поделаешь?

Но вот что мне еще пришло в голову из воспоминаний про книги. Кто-то указал Тувиму частное собрание, оставшееся от человека, умершего за несколько десятков лет до этого. Он отправился туда и накопил немало книг, а потом принес их, расставил и говорит: «Много истратил. Посмотрите теперь, пожалуйста, пан Юлиуш, стоило такие деньги тратить? Как бы вы, например, оценили эту книгу?» Я говорю: «О, это большая редкость... 50 злотых...» По тем-то временам... — «А посмотрите, сколько я заплатил! Двенадцать! — и сразу кричит жене: — Иди, иди сюда, пусть пан Юлюсь тебе скажет, что мы на этих книгах заработали». Это вот последнее из воспоминаний про Тувима и книги.

Он хорошо знал французский, знал итальянский, старался читать по-испански, хотя испанского не знал, но стремился чувствовать в содержание, в самую глубь этого языка. Существует такая толстая книжища со всяческими диковинками, диковинными описаниями — одно из них, кстати, посвящено мне и написано на итальянском диалекте «романеско». Он действительно сумел это сделать. Каждый, кто знает какой-нибудь из этих языков, поймет этот небольшой текстик строк примерно в двадцать.

Тувим так соединялся с тем, что писал, что трудно было понять, кто есть кто: стихотворение — это Тувим или Тувим — стихотворение. Если он писал о ветке жасмина, которая, скажем, весной вошла к нему в дом, в его окно, — то писал так, словно сам был этой веткой жасмина. Человек в какой-то момент видел это уравнение: Тувим равняется этой траве, этому цветку, этому дереву. Особенно деревья были для него своего рода тайной и с самого начала до самого конца дерева были для него символом. В его ранних стихах, очень ранних — в тех, что только после войны напечатали по его юношеским рукописям, — уже встречается этот элемент дерева, и этот элемент повторяется до такого очень горестного стихотворения, которое могут понять только друзья Тувима и те, кто знает его личную жизнь. В этом стихотворении он пишет о дереве, таком чудесном дереве, которому он хотел бы помолиться, которое хотел бы снова увидеть. Когда-то он видел его, но как жаль, что он на нем не повесился.

В России Тувима знают хорошо. Напомним только, что он родился в еврейской семье в Лодзи и с этим городом всегда чувствовал глубокую связь. С 1918 г. Тувим входил в группу «Скамандер». Он быстро стал одним из самых известных польских поэтов. В межвоенный период, кроме стихов, писал песенки и скетчи для кабаре. В 30-е годы на него крайне резко напала правонационалистическая печать. В сентябре 1939 г. поэт выехал из Польши, за границей дольше всего пробыл в Америке, где написал поэму «Польские цветы», переписанные фрагменты которой ходили по рукам в оккупированной Польше.

Еще до войны Тувим проявлял левую настроенность, соединяющуюся с политической наивностью. После войны он решил вернуться в Польшу, где принял почести и привилегии. За это он дорого заплатил — разрывом с теми, кто остался в эмиграции, а главное, почти полным молчанием. За это время написана лишь горстка стихотворений, причем о некоторых из них лучше было бы забыть.

Тем не менее в это же время он сделал очень многое. Занимался тем, что увлекало его почти так же, как поэзия: переводами, а также сбором и описанием чудачеств человеческого духа, о чем говорит в публикуемых воспоминаниях Юлиуш Виктор Гомулицкий. Разыскивал забытых поэтов XIX века. Старался также по мере возможного помогать людям, обращаясь к властям даже по делам людей, приговоренных к смертной казни за участие в антикоммунистическом подполье.

В последние годы вышло несколько книг, составленных из ранее не печатавшихся или рассеянных по периодике стихов Тувима, в том числе многих юношеских стихотворений. Таким образом, все написанное Тувимом ныне открыто нам. Русские читатели располагают обширным, неоднократно переиздававшимся сборником «Стихи», который составил М.Живов. В 1989 г. вышла книга Андрея Базилевского «Юлиан Тувим. Библиографический указатель».

П.М.

«Польские цветы» — это так, как... — может покажется странным это сравнение, но это что-то вроде уцененного тогда мною «Пана Тадеуша». Но тут я затрагиваю национальные святыни, так что прошу прощения. В «Пане Тадеуше» кто, собственно говоря, важен? Сам герой — фигура третьеразрядная, совершенно неинтересная. Его отец — тоже. Гости его — временами совершенно жуткие представители наихудшей шляхты того времени. И все-таки все вместе, благодаря чудесным поэтическим связкам, где слово берет поэт — не автор романа в стихах, а поэт, — так великолепны эти связки отдельных книг «Пана Тадеуша», что оно, конечно, заслоняет нам все недостатки. То же и с «Польскими цветами». Читать их целиком скучно — что и говорить! — но там есть фрагменты невероятной красоты. Можно было бы напечатать одни эти фрагменты, сделать отдельный том — одни эти цветы, прекрасные, чудесные.

О стихах мы с Тувимом разговаривали, но если говорить о показе текста, то он мне показывал, скажем, фрагмент какого-нибудь перевода или еще что-нибудь, но не так, чтобы вместе проработать и получить от меня какие-нибудь дополнительные сведения, или поправки, или идею, а скорее чтоб продемонстрировать, как много у него работы. Он говорил: «Я должен написать, но мне не хочется». Ну, конечно, был такой случай, когда он показал мне одно стихотворение. Однажды он вынул из кармана бумажник, из бумажника — листок и прочитал стихотворение, которое жена, вероятно, уничтожила после его смерти, так как в бумагах Тувима мы его не нашли. Стихотворение было против тогдашнего правительства, против тогдашней политики. Это был большой риск. Он такое стихотворение напечатать не мог. Это скомпрометировало бы его в глазах правительства, в глазах издателей. Запретили бы печатать Тувима, а ведь он на это жил, получал большие деньги за свои публикации. Даже когда он расхваливал Варшаву, все-таки чувствовалось, что это написано таким образом, чтобы — скажу это — стихотворение прошло цензуру и было хорошо оценено теми, кто правил, как бы правил бытом Тувима. А этот быт он хотел иметь не столько для себя, сколько для жены, которую любил несмотря на все, что их разделяло, до последнего дня любил.

Было несколько стихотворений, которые мне не нравились и которые он напечатал. Попросту говоря, напечатал под надзором жены, которая не хотела потерять прекрасную дачу, которую они получили в Анине под Варшавой. Я в последнем томе напечатал несколько таких стихов, которых не люблю, — для того чтобы не лгать, чтобы быть правдивым: вот были такие и такие пятна на этой стали. Я не прячу человеческих слабостей. Человек, который так, как я, влюблен в изучение чужих биографий, чужих жизнеописаний, невероятно чувствителен к этим мелким уклонам, колебаниям — скажем так. Я это, разумеется, ощущал, и Тувим с этими стихами никогда ко мне не обращался. Зато показал это прекрасное, чудесное стихотворение... Оно произвело на меня огромное впечатление. Вглядываясь в прошлое, думаю, что это было осенью 53-го, за несколько месяцев до его смерти...

Вы, пани, говорите: «Уже единственный друг Тувима». Самый старший, а в последние годы — самый близкий. Потому самый близкий, что больше трех лет мы вместе работали над «Книгой польских стихотворений XIX века». Эта книга дала начало нашей единственной размолвке — возникшей, кстати, еще раньше, чем началась работа. Дело было так: когда он приехал в Варшаву из-за границы, мы разговаривали о том, что каждый из нас хочет сделать, что подготовлено, и он сказал, что хочет издать антологию самых популярных польских стихотворений. А я говорю: «Пан Юлиан, а мы с вашим зятем Наперским** запланировали и даже начали готовить, да только он умер, другую антологию, куда любопытнее, — антологию забытых польских поэтов». Прошло несколько недель, и в одном краковском журнале я читаю интервью с Тувимом, где он говорит, что подписал договор с «Читальником» на издание «Антологии неизвестных польских поэтов». Ну я и обиделся, потому что он не упомянул ни меня, ни того, что это моя идея. Наверное год к нему не ходил. Он присылал ко мне нашего общего знакомого: «Вы хорошо знакомы с Гомулицким, скажите ему обязательно, чтобы пришел ко мне, у меня к нему нет никаких претензий, и он не должен иметь ко мне претензий. Я ему объясню, в чем дело. Все объясню. Он будет одним из соавторов этой книги». Так я в конце концов дал себя упросить.

Конечно, он втянул меня в работу, но договор уже был подписан, так что я стал дополнением к договору с «Читальником». Сначала с «Читальником», потом с «Ксёнжкой и ведзой», в конечном счете — с Госиздатом, где эта книга и вышла — уже после его смерти.

Это дело большого труда, нуждающегося именно в таком, как называл меня Тувим, «всеведущем» человеке, то есть отлично разбирающемся во всей этой второ-, третье- и четвертостепенной польской литературе XIX века. Например, он увлекся поэтом Влодзимежем Стебельским. Сегодня об этом поэте никто не знает, но если кому-нибудь захочется иметь малую антологию — антологию в антологии, — пусть заглянет в третий

** Стефан Наперский (1899-1940), поэт, критик и переводчик. Некоторое время был женат на Ирине Тувим, сестре поэта.

том наших «Стихотворений XIX века» на фамилию Стебельский. Тувим влюбился в стихи Стебельского, но знал о нем мало, ну и пишет мне: «Что это, откуда такое?» Я сразу отправил ему письмо, где сообщал: здесь такие сведения, там такие... родился там-то... делал то-то... очень интересно писали о нем такой-то и такой-то... «Откуда вы это знаете? Откуда вы столько знаете о Стебельском? Я обязан издать Стебельского отдельной книгой, ну и, конечно, вы будете мне в этом помогать». Я говорю: «С превеликим удовольствием, так как Стебельского знал мой отец и очень высоко его ценил; в таких случаях я всегда готов к подобной работе». К сожалению, издать Стебельского отдельной книгой так и не получилось, но я неустанно служил Тувиму своей помощью и поправками. Предлагал ему авторов, предлагал стихи, иногда критиковал его выбор, так что он исправлял. Тувим всегда, надо признать, считался с моим вкусом. Кроме того я писал комментарии к стихам и сведения о каждом поэте перед подборкой его стихов. А поэтов было 151, причем 80 из них никогда не попадали ни в какие антологии.

Он брал из Эстрейхера***, на которого я его навел. «Как это, — сказал я, — вы не пользуетесь Эстрейхером?!» Он давал все имена поэтов, какие только можно было найти, а его замечательная секретарша Халина Коскова ходила в Национальную библиотеку, в Публичную библиотеку и в библиотеку Варшавского университета и приносила даже самые редкие издания XIX века. Ему давали их очень быстро.

Конечно, он очень многое опускал, более критически подходил к отбору, чем это делал позднее, по прошествии многих лет, Павел Герц****, который хотел каждый сборник стихов показать каким-то одним стихотворением, каким-то одним интересным упоминанием. Нет, Тувим отбирал: отбрасывал очень многое, но оставил 151 поэта. Я должен был не только комментировать их стихи, но и писать их биографии, характеристику их творчества, сведения о том, что еще они делали. Это было крайне интересно и важно, но в то же время требовало усердного труда, потому что тогда не было ни «Нового Корбута»*****, никакой новой энциклопедии, и наше собрание стало для многих литературоведов чем-то вроде путеводителя по тайнам литературы XIX века, главным образом поэзии.

Работа продолжалась действительно долго и требовала длительных обсуждений. Можно сказать, что в последние три года жизни Тувима я был самым частым его гостем, а главное, дольше всего с ним разговаривавшим. Секретарша Тувима даже рассказала мне как анекдот, что в ближнем тувимовском кругу говорят: «С Иксом Тувим разговаривал два часа, с Игреком — целых четыре, а с Гомулицким и двенадцать мог бы говорить, не уставая».

Иногда это продолжалось так долго, что я стеснялся и однажды попросил: «Пожалуйста, я у вас уже так долго, как-нибудь засвидетельствуйте жене, что я не изменил добрым нравам». И он действительно написал от руки свидетельство, адресованное пани Марии Гомулицкой: «Нижеподписавшийся заверяет, что гражданин Гомулицкий провел в его предприятии несколько часов — с половины пятого до половины десятого, — причем занятия его не имеют ничего общего с нарушением добрых нравов». Все мои тувимовские автографы уже находятся в Музее литературы, но этот я сохранил, так как Тувим обращался к жене, и поместил в бумаги жены как презабавный сувенир.

Я вводил его в Норвида, так как был специалистом по Норвиду уже много лет, а он Норвида не знал и боялся. Для него главной фигурой в польской поэзии был «Старый», а «Старый» значило Мицкевич. Кстати, наши последние встречи были связаны как раз с его несчастной идеей, что одно стихотворение, найденное во второ- или даже третьеразрядном варшавском еженедельнике и подписанное «М», принадлежит Мицкевичу, так как в нем обнаруживаются совершенно явные элементы поэтики Мицкевича. Я объяснял ему, что это ни в коем случае не так, что это лишь случайность, что я знаю сотни таких случаев. Попросту Мицкевича как самого великого и самого знаменитого все читали, все графоманы, и, разумеется, эти графоманы старались украсть у него тот или иной образ, то или иное выражение или мысль. Я, кстати, уже после смерти Тувима обнаружил и опубликовал, кто был этим подражателем Мицкевича.

Когда я говорю о Тувиме, то по-прежнему думаю, что я на улице Новый Свят, 25: сижу себе в нише библиотеки между двумя стеллажами, лицом к окнам, а он — спиной к окнам, напротив меня. Спиной, потому что у него был страх пространства. Это была большая комната, но она не выходила на Новый Свят: шум проезжавших автобусов — да и дрожек, которые тогда еще часто ездили по Варшаве, — не позволил бы ему сосредоточиться. Поэтому он выбрал заднюю комнату, окнами во двор; под стеной с окнами поставил свой

*** «Польская библиография», составлявшаяся Каролем Юзефом и Станиславом Эстрейхерами и регулярно выходившая в первой половине XX века.

**** Павел Герц (1918-2001), поэт эссеист и издатель, составитель семитомной антологии «Собрание польских поэтов XIX века» (1959-1975).

***** Выходящий в настоящее время библиографический указатель по польской литературе.

письменный стол, рядом маленький столик, на котором лежала разная текучка, и еще помню, что в глубине комнаты стоял другой, маленький письменный столик, а может, обычный столик, на котором громоздились книги для прочтения, книги для выписок и груды разных бумаг.

Был ли Тувим добрым человеком, таким, что легко помогает друзьям? Конечно, был, и доказательством этому пусть будет история моего телефона. Когда я жил в Мокотуве, у нас был общий телефон на площадке. Я мог звонить, но мне звонить было нельзя, а у Тувима всегда были ко мне тысячи разнообразных вопросов. Он часто присылал мне их на листочках, а иногда, если я не отвечал, присылал розу. «Я не знал, как Вам позвонить, вот роза». И я ему говорю: «Пан Юлиан, если вы хотите мне действительно помочь и я должен вам помогать, устройте мне телефон. Вы в этих делах всеильны». Он позвонил министру Шимановскому, и через две недели мне поставили телефон. Это доказательство и доброты, и дружбы, и готовности помочь коллегам.

Когда я думаю о Тувиме, то думаю о последнем дне, который я с ним провел. Это было 16 декабря 1953 года. Мы должны были из одного толстенного тома, который я просмотрел, а он потом взял на внимательное рассмотрение, выбрать одно стихотворение. Он это стихотворение выбрал — а оно было длинное — и попросил меня читать ему эти стихи вслух, а он будет делать заметки. Я читал, а он время от времени подавал рифмы, потому что Тувим был мастером ритма и рифмы и заранее знал, какую рифму использует автор в том или ином случае. Искренне признаюсь, что теперь — ну, на 95-м году жизни — я уже забыл, что это было за стихотворение и кто его автор. Но, кажется, я где-то об этом написал, так что это передано потомкам.

Когда я пришел к нему, то просидел, наверное, часа четыре, потому что на следующий день он ехал с женой в Закопане. Поездка была плохая, несчастливая. Летом он получил угрозы: «Не приезжай в Закопане, а то можешь живым не уехать». Однако, когда они с женой были в Кракове, она потребовала, чтобы они поехали на святки в Закопане. Что ж поделать, он ей всегда подчинялся. Это было его предназначение и его проклятье — супруга. На этот раз — проклятье, потому что он поехал, неся в себе отраву. Отраву, можно сказать, самоубийственную. И не несколько рюмок, которые он выпил, убили его, а мысль о том, что где-то его, может быть, поджидает человек, который задумал смести его с лица земли как плохого поляка. А Тувим не был плохим поляком. На самом деле он был самым выдающимся поэтом польского «двадцатилетия» и, более того, очень добрым человеком в большом и малом и умным поляком. Да, умным поляком — что крайне редко.

Записала на пленку и подготовила к печати
Богумила Пиондка

Юлиуш Виктор Гомулицкий (род. 17 октября 1909 г. в Варшаве), сын поэта Виктора Гомулицкого. Эссеист, публикатор, переводчик. Изучал право, дипломатию, историю, психологию и социологию — однако занимается литературой. Прежде всего он известен как автор работ о Варшаве и редактор-составитель сочинений Циприана Норвида: он в одиночку подготовил полное собрание сочинений поэта в 11 томах. Публиковал также тексты писателей польского Просвещения. Автор ряда эссе и работ по истории литературы, часть которых вошла в сборник «Зигзагом» (1981). В нем Гомулицкий напечатал и некоторые свои переводы, т.к. он переводит французскую, английскую и русскую поэзию. Один из его излюбленных литературных жанров — «детективное» эссе, в котором автор идет по следу писателей, рукописей и экземпляров книг. Знаменитый библиофил и самый видный эксперт в этой области. В одном из ближайших номеров «Новой Польши» будут напечатаны отрывки из его воспоминаний о людях и книгах.

Чеслав Милош

Перевод
Натали Горбаневской

О «БАЛЕ В ОПЕРЕ» (Обрывки)

■ Он обладал языковой гениальностью. Эти слова — не преувеличение, хотя известно, что ценность каждого поэта зависит от дара языка. У Тувима это проявлялось в том, что он вверялся слышимой внутренним ухом мелодекламации, даже лишенной смысла. Так относится к языку ребенок.

■ Влюбленный в слово, собиравший груды словарей, Тувим дарил любовью славянское наречие как в его польском, так и в русском варианте. Видимо, на него наложила свою печать еще русская гимназия. В его рифмотворческом чувстве проявлялась склонность к ямбической ударности и односложным рифмам, с чем, кстати, у него соединялся культ Пушкина.

■ «Бал в опере» предстает как острая политическая сатира, написанная отчаявшимся человеком. Гневный тон и употребление слов, считавшихся тогда нецензурными, не позволили издать поэму целиком.

Полный текст из номера в номер, начиная с июля 1946 г., печатали «Шпильки». Иллюстрации к «Балу в опере» по желанию автора сделал Бронислав Линке.

■ Я постараюсь показать, что «Бал в опере» — нечто большее, чем просто политическая сатира, несмотря на тесную связь поэмы с местом и временем ее возникновения.

Конец света, происходящий в Варшаве. И, в конце-то концов, это единственный город в Европе, который был полностью уничтожен.

■ Что происходит в поэме? Архикратор — или, как указывают греческие корни слова, всемогущий владыка — дает бал. Это совершенно явный диктатор, может быть такой, как Муссолини, во всяком случае стоящий во главе тоталитарного режима. В Польше такого не было, и правительства в ней можно назвать лишь фашиствующими. Архикратор наделяется не обязательно польскими, но присущими всей тогдашней больной Европе признаками.

Гости на балу принадлежат к сильным мира сего. Они веселятся, не обращая внимания на действительность, которая готовит их поражение. Таким образом, здесь возвращается образец библейской притчи из Книги Даниила о царе Валтасаре, который веселился и пировал, пока не появилась рука, начертавшая на стене приговор: мене, текел, перес. Не мог не думать Тувим и о «Бале у сенатора» в «Дзядях», который длится при полном ощущении безнаказанности, хотя черти только и ждут своего часа. Знал он и «Отрывок», завершающий «Дзядь», а в нем — описание Петербурга царей как Вавилона, не сознающего, какое ему предстоит будущее.

■ Образ героической Варшавы заслонил Варшаву межвоенного двадцатилетия, поэтому обращение к ней как к великой блуднице, подобной Риму, может резать слух как преувеличение. Однако во многих писаниях, упроченных литературой, Варшава, ознаменованная клеймом долгого русского господства, предстает городом контрастов и почти азиатской нищеты.

Описание Польши здесь сатирическое. Однако этот временный аспект не должен заслонять иной пласт произведения, в котором дают себя знать некоторые устойчивые черты личности Тувима. Его отвращение вызывает не только данный строй, но и человеческое общество как таковое. На этот след нас выводит тот факт, что он снабдил поэму эпитафией из Апокалипсиса.

■ Языковое мастерство поэмы, вся ее словесная и ритмическая изобретательность могут быть, были и будут проанализированы, я же хотел ограничиться принципиальными вопросами о характере этой ни на что не похожей сатиры. Поэт ставит себя перед лицом неразумия XX века, и ужас, который он, видя это, испытывает, достаточен, чтобы убедить его, что мера зла исполнилась. Я готов рискнуть и сказать, что «Бал в опере» — это молитва о небытии мира, который слишком порочен, чтобы иметь право продолжаться.

Юлиан Тувим

Перевод Асара Эппеля

Рисунки Бронислава Линке

БАЛ В ОПЕРЕ

Предисловие

(Из Откровения Иоанна Богослова)

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. (12, 9);

...подойди, я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих... С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле. И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными... И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом и драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотой блудодействия ее... Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим. (17, 1—4, 6);

После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуия! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему. Ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он осудил ту великую блудницу, которая растлила землю блудодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее. (19, 1, 2);

I

Нынче бал нам устроят,
Патронирует который
Сам Вельможный Архикратор;
Шлюхи трусики стирают,
В долг чулочки выбирают,
Всюду толпы и заторы,
Чернь солдаты оттирают,
Кирасиров блещут каски,
Офицеров блещут краски,
Кони взмыленные ржут,
Толпы прут, авто режут,
В караулке войска тучи
На чеку (на всякий случай!),
Парикмахерские — ад!
Людам в очереди дурно,
Закипают вина бурно,
Сладко ляжки шлюх дрожат.

На афише — Архикратор,
Лестниц мраморные плиты
Мягким пурпуром покрыты,
В редкостных цветах перила,
Хрипнет шеф-организатор —
Фрачник с рожей гамадрила.

Бляшек, пряжек глянец блик,
В блеске лес уланских пик,
Полицмейстер грандиозен:
Грудь вперед и взгляд искрит,
Шаг пружинист... Как он грозен!
Самовластен! Грациозен!
Что за помпа! Езус Хри...!
Подъезжают шубы, фраки,
Блещут лаки, шапокляки,
Рыщут сыщики во мраке
В полпальтишках Барберри.

Всех шоферы матюгают,
Сыщик сыщику моргает...
— Сдай назад! Нашел, где встать!
Сгинь, р-р-раззэтак твою мать!
Подъезжают горностаи
С шеншелями,
Барбароссы, оксеншерны
С вензелями,
Подъезжают Кадиллаки,
Шевролеты,
Ордена, седые баки,
Эполеты,
Полномочные бульдоги
И терьеры,
Соболя, бурбоны в звездах,
Камергеры,
Геринги, меха, лампасы
Фон-бароны,
Шлейфы, шпаги, эполеты,
Фанфароны,
Адмиралов, генералов
Поголовье,
Толстяков тела воловьи,
Всех!
По!
Слов!
Со!
Словье!
Раз!
Два!
Ура, панове!

Ура, панове!

Ура, панове!

К зеркалам
Не протолкнуться —
Поглядеться
Дамы рвутся:
Той — поправить, той — полвзгляда,
И боты! Жетончик? Нет, не надо!

И снова пудрой,
И снова губки,
И в зеркало — зырк,
И вздернуть юбки,
И в ложу — Эта? — Нет, другая...
Сыщик сыщику моргает,
Налево, направо, нале, напра,
А вот он и оркестр! Ура!
Оркестр тра-ра! Оркестр тра-ра!

Грянул гром оркестра-кестра,
С четырех эстрад маэстро
Брызжут экстра брызги струны,
Медью плещут и латунию.
И в треск, в блеск, в ладоши, bravo,
В судороги медной лавой.
И джаз! Раз! Враз — фуриозо!
И запах душной туберозы
Ноздрей поймал плац-адъютант,
(Темп — сатана, шампань, шантан).
И вот взял в страстной астме!
И вот — даст мне! даст мне! даст мне!
Похоть — вверх и взгляд — кастетом,
И чуть не к люстре пируэтом —
соло! соло! дура! не по...!
бах! и магний вспыхнул слепо
даст мне даст мне бедра бедра
орденами звякнув бодро
и пасть ослабивши к маэстро:
играй, оркестры! дуй, оркестры!..

II

В телескопы астрономы,
Звездным крошечком влекомы,
С башен чудо усмотрели:
Обезьяны в небосводе!
В зодиачной карусели —
Светопредставленья вроде.
На места фигур привычных
Дюжина макак залезла
Ради штучек неприличных
И паскудств в небесных безднах.
Древний обруч мироздания
Вертит свора обезьянья,
Скачет, ищется над нами,
Словно в собственном вольере,
Дразнит красными задами,
Безобразно пасти шерит.

Вышло время вещей знаков —
Твари вместо зодиаков
Сели жутким провозвестьем
Между звезд ночных и мутных
И велят плясать созвездьям...
Черти, видно, дали сесть им,
Черти носят и возьмут их.

III

А на сцене Сатанелла
Ловит звезды тамбурином,
Тарантелла, тарантелла
Метеоров серпантином,
Сатанелла — гейзер ртути,
Сатанеллой небо крутит.
Центрифуга бедер быстрых
Блеска блески исторгает,
В пенных брызгах, в мглистых искрах
Сатанелла в зал сбегает!
...С похотливостью сатира
Сыщик сыщику моргает.
Сатанеллу месяц выкрал,
В небе скрыл аквамарином
И над плацем театральным
Вновь повиснул тамбурином.
А на сцене в брызгах блеска,
Закипая в играх взлетом,
Взорвались павлины с треском
Зорь бенгальских огнеметом,
Ворвался из коридоров
С поросычей сворой боров
И матчишем и качучей
С воплями, точь-в-точь в падучей,
Черти носят всех танцоров,
всех танцоров,
всех танцоров!

А потом луна в Гаити
И гитары на Таити,
А потом поет Тоскнотти
Про влюбленных тотти-фротти,
И дуэтом Питт энд Китти —
Пара клоунов-партнеров
Распевают:

Ай эм Питти
Ай эм Питт
Ай лав ю Китти.

Черти носят всех танцоров,
всех танцоров,
всех танцоров!

«Вот ведь как ногой лягает!» —
 Сыщик сыщику моргает.
 В омерзительнейшей пляске
 С жирных бедер рвет повязку,
 Животом вращая, сваха,
 Чтоб взбодрился черный хахаль.
 Влез Кентавр на Кентаврессу,
 Жеребец в полтонны весу,
 Арией зашелся конской,
 Ладясь к свахе вавилонской,
 А в бассейне вокруг Силена
 Резво плещутся сирены.
 Браво! браво! браво! браво!
 Слева — джаз, пылища — справа,
 Весь театр тысячетелым
 Оголтелым сросся телом!
 Алчно, шало, зло, кроваво
 Браво! браво! браво! браво!
 Похотливо, жирно, шало
 Мало! мало! мало! мало!
 И по входам, по проходам
 Полоумным хороводом,
 Чадом, адом, сном, дурманом,
 Червяком — Левиафаном,
 Мерзозаврами елозят,
 Крокодаврами стервозят
 Шампанканом, Панканканом,
 Птеровихрем чистоганным
 Всех танцоров черти носят,
 черти носят,
 черти носят!

IV

У бифета жрут, лакают,
Пьют, икают и рыгают,
Третьеримский с Растаковским
Лапы в варево макают,
На тарелке мисс Дианы
Вопиют воловьи раны,
Джавахадзе — князь грузинский
Вгрызся в окорок по-свински,
Выпив рома полбутылки
Купно к спиритусу вини,
Шах Кавказа тыпнул вилкой
Бюст графини Макабрини,
Пожираемые утки
Вереща летят в желудки,
Но ужасней у кавьяра:
Там — убийство, драка, свара,

Кто дорвался, шерит зубы,
Мажет алчущие губы
Черной мазью осетровой,
Рвет белужину сугубо
От кусища от сырого —
Так полезно и здорово!
(«Покупать — цена пугает!» —
Сыщик сыщику моргает.)
Трамтадрацкий из Пшескверны
Водит в танце ляжку серны,
Эстерхази в стельку пьяный,
(Затолкали иностранца!),
Хреном сдобривши бананы,
Бац их в блюдо мисс Дианы,
В острый соус. Гогот пьяный,
Хохот боссов и бурбонов...
А над залой полк гарсонов
Кружит мотонепрестанный.

В близлежащих мебелирашках
Ночью двери нараспашку.
Сексуальный контрдансик:
На моментик — это ж шансик...
Сыщики портье моргают:
Что портье! Он помогает!
Та в вуали, эта в шали
На минутку забежали.
Прямо с бала, как приятно!
Быстро — и на бал обратно!
Ротмистр Ржевский с леди Норой,
Оксеншерна с мисс Фиорой,
Зильбер с баронессой Корой,
Эй, шофер, поехал! Н-но!
Черти носят всех танцоров
 всех танцоров
 всех танцоров,
В вихре ночи всех танцоров
Черти в ритме танца но...!
Быют копытом Кадиллаки,
Лаки, фраки, шапокляки,
И бульдоги и терьеры,
И меха и камергеры,
Викинги и генералы,
Геринги и адмиралы,
Бамбиралов поголовье,
Обжиралы —
Всех!
По!
Слов!
Со!
Словье!

Раз!
Два!
Ура, панове!
Браво, панове!
Мало, панове!
...Раз... Два... Два уж, панове...

V

Два на башне отбивает,
Сыщик сыщику моргает.
За колоннами и в нише,
На галерке и под крышей,
И на сцене, и в буфете,
И в котельной, и в клозете,
В канцелярии и в ложах,
В гардеробах и прихожих
Сообразно прецеденту
Подмигнул агент агенту.

В раздевалках необъятных
Три легавых, два частных
То свистят, то напевают,
То слоняются, то зевают,
То зевают, то слоняются,
И штиблетами похваляются.
Словиковский — сыщик тайный
Ходит в желтых не случайно;
В черных потно, как в обновках,
Хуже — только в лакированных.
Мацукевич, в кресле сидя,
На мысочке зайчик видя,
Хвалит ваксу — блеск отличный,
Аж ну прямо электричный!
Шулец с восьмерки, тот в шевровых:
«Правда, Генек, вид, как в новых?
Год ношу и не снимаю,
Вот товар, я понимаю!»
Ванчак по прозванию Блиндия
Тот — про ваксу марки «Индия»,
Поглядивши, посвистевши:
Удибидибиндия, удибиндия.
Круман (уголовный) в ладных,
Прострочённых, шоколадных:
«Угости цыгаркой, Блиндия?...»
Удибидибиндия, удибиндия...

VI

Три ударило на башне,
Зябко вздрагивают пашни,
День родится.
От росы трава измокла,
Кровь вбирает солнце-свекла,
Дышат шепотом березки,
Завозились в роще птицы...
Едут с овощем повозки
До столицы.
Колесо скрипит, качает,
На возах доспать не чают.
Блещут белые березки,
Шелестит овсами ветер,
В город тянутся повозки
На рассвете.

Грузовик возам сигналит
Сипловато,
Долгий прах за ним клубится
Розовато.

Продавать на рынке масло,
Худы, босы,
Не спеша идут крестьянки
По откосу,

Петухи вдвоем пропели,
Вслед им третий.
Скот на выгон по проселку
Гонят дети.

Просигналила другая
Грузовая,
Дед вола ведет комолого
Зевая.

Воз скрипучий покачнулся
С боку на бок,
В хатах люд перевернулся
С боку на бок.

Кто-то пьяный спит в канаве
В землю носом,
На лужайке лошадь в путах
Скачет косо.

С колокольни звон раздастся
Раньше-позже.
Под крестом трава сухая
В огороже.

К воротам в исподнем вышел
Рослый кто-то,
Теребит бородку, шурясь
На ворота.

Дальше каменная школа,
В школе — парты,
В школе разные
Раскрашенные карты.

Строим топают солдаты
В поле упражняться...
«...ой война-войнишка, ой война-войнишка,
что же ты за цаца?..».

Тянутся возы скрипуче
Прах летает...
«...А ревень-то, рифмовень-то
Похватают».

Неподоенные козы
Траву щиплют.
День на город золотые
Искры сыплет.

Свекла, лопнув, красным тоном
Залила окрест всю землю,
И — подвешен под плафоном —
Прямо в люстре сыщик дремлет.

VII

По улице Неправой,
По Липовым проездам,
По Сивой, по Лукавой
И по пророка Ездры.

По Крымской, по Булыжной,
По Гнойной, по Портянской,
По Мышьей, по Облыжной,
По Сцилло-Харибдянской,

Минуя тракт Сарматский,
Проехав плац Пистонный,
Обоз к заставам едет
Ассенизационный.

Глянула толстая панна
Из мансарды дощатой:
— Эй, соплегон, час который?
— Пятый, курва, пятый...

И по пустым проулкам
Катит процессия эта.
Панна глядит куда-то
И дымит сигаретой.

Новый дом кирпичный
Видит эта панна,
Все кто поселились
Скоро верно встанут.

В окнах стоят бутылки
В них наливки, вишневки;
Играет с ветром шарик,
Мотаясь на бечевке.

На железном балконе
Заяц висит вверх ногами —
Мир перевернутый видит,
Видит рассвет над лугами.

А на другом балконе
Наспех одетый дядя
В небо глядит, зевая,
Виснут подтяжки сзади.

Возле кинотеатра
Чаплин стоит фанерный.
Полицейский проехал,
Крутит педали мерно.

На разбитой витрине
Лавки с конфекцией «Лоло»
Виден обрывок газеты
С буквами ИДЕОЛО...

Видно также табличку:
Побриться 10 гр.
Постричься 20 гр.
С попрыском 40 гр.

Прыгая на ухабах,
Таксомотор промчался;
Едет толстяк со снастью —
Рыбу ловить собрался.

Из подвалов колбасной
Пар валит разогретый,
Панна глядит куда-то
И дымит сигаретой.

VIII

Ночью разве что в вокзальных кассах
Флегматичный,
Сочащийся,
Спящий,
А в притонах азарта фонтаном,
А в борделях бесстыже кипящий,
А в танцзалах шампанским шипящий
С утренней рассветной позолотой
Заметался замызганный злотый.
Из кубышек, сейфов, карманов
В карманы, сейфы, кубышки
За хлеб, за очаг, за мыслишки,
За лапшу, за овес, за сазанов,
В кассы из касс,
За вывоз и ввоз,
Из местечек в местечки,
В воеводства из воеводств.
За масло, за газ,
За компресс, за матрас
Из банков, ларьков, магазинов и касс
В ларьки, магазины, кассы и в банки
От врача, офицера, ткача, содержанки
И вновь к содержанкам, врачам, офицерам,
От прачек, монтеров к столярам, инженерам
За суп, за труды, за пальто, за мозоль,
За пряник, за бич, за обувь, за соль.
От монтера к ксендзу, от ксендза до шофера,
От шофера к портному и снова к монтеру
И вновь,
И вновь
В который раз
За нож, за билет, за воду, за газ,
За пушку, горчицу, подкову, протекцию,
За дом, за дым, за гроб, за лекцию,
За клей, за клише, за биштекс, за стихи,
За ручку, которой пишу стихи я,
За перья, чернила, бумагу и шрифт,
За бомбу, селедку, печенку и лифт,
И поэту — за дар, за известность, за час,
И всем и за всё, из карманов и касс,
Из касс и карманов, повсюду вселённый,
Разбитый в гроши и разбухший в миллионы,
Лабиринтом запутан, круговертью явлений,
Хаосом прямых и кривых направлений,

Миллиардный, единственный, тысячный, сотый
Завертелся, как дьявол, замызганный злотый.

Всех времен адъютант, авантюру затеяв,
Атакует Верден, осаждаёт Почеев,
К Яве дорогой плывёт океанской,
Плывёт по канаве судьбой окаянской.

Булка — грош,

Война — мильон;

Трах!

Бах!

Згеж —

Вавилон.

«Сильный единством,

Сильный волей,

Чуй

Дух»:

ИДЕ

ОЛО.

Левиафан извивается злой,

Множит серебряных крыс неустанно,

В мелочь дробится вшой и блохой,

Блохи срastaются крысой большой,

Вши и гроши мельтешат всекарманно.

И, снова сбиваясь крысиною стаей,

За нами шныряют, над нами витают,

Шуршат шелестяще, сходясь и сплываясь,

Опять в золотого урода сливаясь;

А тот расплодился по градам и весям,

Разлазится в беге и полнится в весе,

Кружит, миллиардась, от беса до черта,

От черта до дьявола выводком вшивых

И тянет с собой прокаженным эскортом

Скачущих, жаждущих, алчных, паршивых.

IX

Едут в город дроги

С пищею зеленой,

А за город — дроги

С жижею зловонной.

У заставы миновались

Сторонами,

Словно свадебный кортеж с похоронами.

На базары еда прикатила,

Приехал навоз на поле,

И отчизна в новый день вступила,

Свою миссию в веках исполняя,

И в истории играя

Роли.

Даст мне! даст мне! Лола с Толо
Похмелились без рассола,
А машины выдавали:
ИДЕОЛО, ИДЕОЛО
Мало мало соло соло
браво соло соло мало!
Рому б в кофе не мешало!
Душка Дусик и Виола
Ублажают зовы пола,
А газетчики в ударе
Раскричались на бульваре:
— Бал как символ ореола!
— Тррриумфальный идеоло!
— Курр столичный! Курр народный!
— Курр лиловый! Чтоугодный!
— Идеоло за десять гроо!..
— Бал в театре! Катастроооо!..
— Ранний куррр, читай в пижаме!
Куррдеш взмыл над курдешами!

XI

Мажет по шрифту черная лента:
ИДЕ
ОЛО
«Почем
ревень-то?»
Крепки
Кадры
Духа
Дела
«Мне бы на гривенничек мела»
Меч
Крыж
Предки
Порядок
«Мне бы на гривенник мармеладок...»
Духом
Предков
Кадры
Крепки
«Мне бы на гривенник... пусть некрепкий...»
Череп геройский
Краса народов
«Мне бы на гривенничек... из отходов...»
Раз лишь
Только
Чудо.
Вот:

«Обер! Еще бутылку на лед!»

И бац! бац!

Залпом поротно,

И волокут мертвяка в подворотню.

И бац, бац! из двери, из окон,

И цок с ног, копытом зацокан —

Надо ж этак — чтоб в надбровье

Кон

Ски

Ми

Ногами!

Раз!

Два!

Уррра, панове!

Мало, панове!

Браво, панове!

И бац, бац!

Солнце на камень!

Люди на камень!

И кровь на камень!

И раз — джаз!

И раз — оркестры

С четырех эстрад

Маэстро

На эстрадах

ИДЕ

ОЛО

Все как черти пляшут коло!

Глядите! Глядите, какая сенсация!

Браво, дирекция! Визг и овация!

Тысяченожкой бегемотической,

Аскаридой доисторической

В залу вползает дородный Ящер,

Гад златотельный, наличных прашур.

Крысась, блошья и вшась по дороге,

Князь Карнавал раздался на пороге!

Сыщики с переду, сыщики с тыла,

Чавкает мерзкое алчное рыло,

Влазит урод, а верхом на уроде

Голая, в туфлях, цилиндрик по моде,

С лакированными ногтями,

С размалеванными грудями,

Поводя изумрудным моноклем

Перед глазом блудливо-намоклым,

Квакая шлягер:

«Кому бы дать?

Кому бы дать?

Кому бы дать?»

Дрыгаясь в денежной вязкой заразе,

Ее сиятельство Курва Мать!

И сразу же кипящим валом
Зашлась и завопила зала!
Пеной зеленой с визгом обрызгав,
Рвет и пинает, зажав и затискав,
Топчет, грызется, хватает клыками,
Тычет тростями, сверкает клинками,
Скользкий паркет в иступление кровавит,
Валится, катится, душит и давит,
Место расчистив средь смерти и смрада,
Рыча вырывает из тулова гада
Текущие желтым тягучим бульоном,
Кишащие крысами, вшами миллионы,
И жрет, и лакает добытые куши...
От хохота стонет Роскошная Туша,
Кипящая морем металла,
И ползает, жиром опять обрастая,
Бесцеремонно хвостами хлестая,
Роскошнейший номер Бала!
И напевает: «Кому бы дать?

Кому бы дать?

Кому бы дать?»

Ее сиятельство Курва — Мать

Курва — Сметь

Курва — Брать!

«Вот бал так бал! Маэстро дал!

Теперь, папашка, соло!

О ИДЕОЛ! О ИДЕАЛ!

Какое славненькое было ИДЕОЛО!»

А когда под свод взлетели
Ванных туш и душей трели,
Даже ахнуть не успели,
Не смогли поймать момента,
Чтобы подмигнуть, агенты —
Что-то вспыхнуло с чего-то,
И молниеносным фото
Мигом черти всех побрали

всех побрали

всех побрали,

Так что со смеху макаки

Сверзлись вниз и прочь удрали.

XII

**СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СИЕ ГОВОРИТ:
ЕЙ, ГРЯДУ СКОРО! АМИНЬ.**

И вразправду ЕЙ, ГРЯДИ, ГОСПОДИ ИИСУСЕ!

(22; 20)

Бронислав Войцех Тинке (1906-1962), график, художник и скульптор. Был одним из самых выдающихся и в то же время наименее известных художников первой половины XX века. Тувим уговорил его проиллюстрировать «Бал в опере», однако книга была издана далеко не сразу. Циклы Тинке «Сказание» (1932), «Силезия» (1936-1938), «Возвращение» (1946), «Камни вопиют» (1948-1956), «Море крови» (1952) и «Дерево» (1962) можно назвать настоящей летописью извращений и жестокостей эпохи войн и диктатур. Цензура была к нему безжалостна, зато Станислав Пяницкий Вишкевич написал о нем статью, озаглавленную «Шанки долой, господа, — перед вами гений». Эту статью и подборку рисунков Тинке мы постараемся напечатать в одном из ближайших номеров «Новой Польши».

1936

Антоний Кучинский

ПОЛЬСКАЯ ПРЕМИЯ — ВЛАДИСЛАВУ ЛАТЫШЕВУ

Редакция журнала «Пшеглэнд восточный» присудила свои премии за 2002 год. Членами жюри были: профессор Анджей Айненкель (Институт истории ПАН) и Юлиуш Бардах (Варшавский университет), Анджей Ходкевич (общество «Вспульнота польска»), Адольф Юзвенко (Национальный институт им. Оссолинских), Ян Малицкий (главный редактор журнала «Пшеглэнд восточный»), проф. Станислав Моссаковский (Институт искусства ПАН), Анджей Пшевозник (секретарь Совета по охране памяти борьбы и мученичества), проф. Эльжбета Смулкава (Варшавский университет), Эва Гейштор и лауреат премии им. Александра Гейштора за 2000 год Марек Карп. Польская премия была присуждена «ex aequo» двум варшавянам: Михалу Янохе за книгу «Украинские и белорусские праздничные иконы в бывшей Речи Посполитой» и Павлу Петру Вечоркевичу за книгу «Цепочка смерти. Чистка в Красной Армии в 1937-1939 гг.». В категории заграничной книги премии удостоились Леонид Зашкільняк и Микола Крикун из Львова за книгу «История Польши», опубликованную издательством Львовского университета. Специальную премию жюри присудило Владиславу Латышеву из далекого Южно-Сахалинска за исследовательскую и организационную деятельность, связанную с сохранением научного наследия Бронислава Пилсудского.

Вручение премий состоялось 15 марта 2003 г. в Бальном зале варшавского дворца Потоцких. Премии учредили: Совет по охране памяти борьбы и мученичества, Программа заграничного вещания радио «Полония», Польское радио и общество «Вспульнота польска».

Служебные обязанности не позволили Владиславу Латышеву прибыть на церемонию вручения. 2 июля 2003 г. в здании польского посольства в Москве премию вручил ему посол Польской Республики в России проф. Меллер. По этому случаю в посольстве собрались многочисленные гости из российских научных кругов, журналисты и представители московской Полонии. «Литературная газета» (№28, 9-15 июля) написала об этом событии в статье «Почетный поляк Сахалина».

Владислав Латышев родился на Украине в 1939 году. Закончил исторический факультет Одесского университета. Работал в школе, а затем в Одесском краеведческом музее. В 1971 г. приехал на Сахалин, где за-

нял должность заместителя директора Сахалинского краеведческого музея по научным вопросам. В 1975 г. стал директором музея. В 1997 г. основал в Южно-Сахалинске Институт наследия Бронислава Пилсудского, которым руководит по сей день.

Латышев — необыкновенная личность. Его научную и организационную работу иллюстрирует богатая библиография, охватывающая около 200 публикаций (книжки, научные и публицистические статьи). Многие из этих публикаций касаются изучения и популяризации этнографических исследований поляков на Дальнем Востоке. Особое внимание Латышев обращает на научную деятельность Бронислава Пилсудского, чью биографию он прекрасно знает. По его инициативе в 1991 г. в Южно-Сахалинске был установлен памятник Брониславу Пилсудскому — непреходящий знак памяти и благодарности российской науке, по достоинству оценившей его достижения, связанные с изучением культуры народов Сахалина и Приамурья: айнов, нивхов и ороков. Возглавляемый Латышевым институт издает журнал «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского» (до сих пор вышло в свет семь номеров), получивший высокую оценку российских ученых.

Стоит обратить внимание, что создание института, занимающегося изучением научного наследия только одного ученого, — большая редкость. Следует также подчеркнуть, что коллектив, возглавляемый В. Латышевым, обладает огромной компетентностью в подготовке к публикации полного собрания научных трудов Бронислава Пилсудского. Сам же Латышев делится своими знаниями и сведениями об исторических источниках со многими российскими, японскими, немецкими, американскими, а также польскими учеными, использующими в своих работах различные мотивы научного и жизненного пути Бронислава Пилсудского. Добавим в конце, что научный мир считает работы Бронислава Пилсудского одним из самых существенных достижений польских гуманитарных наук XX столетия, подтверждением чего стало монументальное издание его трудов — «The Collected Works of Bronislaw Pilsudski». В работе над подготовкой издания, осуществляемого известным научным издательством «Walter de Gruyter & Co.», активно участвует и Владислав Латышев.

Агнешка Клох

ВОЛКИ ИЗ ПОГРАНИЧЬЯ

Уже несколько лет в туристическом маркетинге Польши видное место начинают занимать не только зубры и антсы, но и волки. Находящиеся с недавних пор под охраной, волки переживают ныне пик популярности. Все больше мест, предназначенных для отдыха, используют их в своей рекламе, не говоря уже о специализированном экотуризме, рассчитанном на западноевропейских любителей природы, или о специальных заповедниках «сафари», где волки — главное развлечение. В Западной Европе эти хищники вымерли уже сто с лишним лет назад, а истребление и разреживание лесов исключили возможность воспроизводства вида. Поэтому западноевропейские природоохранительные организации охотно финансируют связанную с волками научно-просветительскую деятельность. Наблюдения за волками ведутся в нескольких областях Польши, причем наряду с такими учреждениями, как Польская Академия наук или Ягеллонский университет, важную роль играют негосударственные начинания, такие, как западнобескидское общество содействия науке «Волк». Такого рода организации привлекают множество добровольцев, оказывающих серьезную помощь в работе на местах. Они не только собирают информацию об этих хищниках, но и делятся ею с другими. Это весьма существенно, так как бытующие знания о волках по-прежнему изобилуют неправдоподобными с точки зрения биологии фактами. В том, насколько популярен вид волка, я смогла убедиться, когда в рамках своей магистерской работы вела наблюдение за этими хищниками на Мазурских озерах, где число желающих нередко превышало транспортные возможности, а также на всепольской конференции в Люблине, когда группа ученых, занимающихся волками, уговорила организаторов изменить программу и все доклады о крупных хищниках поставить один за другим.

«Волк — это вид дикой собаки, зверь наизлобнейший, навреднейший, коварный, который не только диких и домашних зверей истребляет, но и на человека в морозную пору бросается», — писал в 1865 г. Валериан Куровский. С тех пор прошло почти 150 лет, а волки как вид по-прежнему возбуждают многочисленные противоречия и горячие дискуссии. Многие по-прежнему считают волков вредителями и смертельными врагами рода человеческого, ибо расхожие знания о них опираются не только на результаты научных исследований, но и на народные предания. Даже среди людей, профессионально связанных с лесом, все еще имеют хождение присущие XIX веку взгляды на роль волка в природе.

История волка была с самого начала связана с человеком. Причиной истребления этого вида парадоксальным образом стала его способность приспосабливаться к разному роду среде и источникам корма. Этот необычайно искусный хищник соперничал с людьми в охоте, а порой и угрожал их жизни — поэтому люди с давних пор стали уничтожать его. Сохранились ледяные описания стай, состоявших из нескольких сотен (!) волков, которые сеяли ужас в раннесредневековой Франции. Известно также, что Карл Великий обязывал своих подданных истреблять волков любыми способами. Несмотря на это, еще в XIX веке во всей Европе было великое множество волков, а в Польше они вообще считались явлением заурядным. У нас в стране к ним относились довольно терпимо, о чем свидетельствует хотя бы такая цитата из руководства по охотничьему промыслу XIX века:

«У нас (...) укоренилось и стало привычным равнодушие, с каким мызираем на столь многий ущерб от этого зверя».

В эпоху шляхетской Речи Посполитой волки не только не считались вредителями, но ими восхищались, их уважали и ставили наравне с медведем и зубром. Охота на волков была привилегией избранных, а волчья шуба ценилась весьма высоко.

В разделенной Польше законы государств-захватчиков предписывали истреблять волков; самым действенным методом оказалась выплата денежных вознаграждений за убитых зверей, а также за извлеченных из нор волчат. Почти уничтоженные в то время волки возродились только во время двух мировых войн, когда люди все свое внимание сосредоточили на истреблении собственного вида.

Следствием невероятного роста популяции волков после II Мировой войны стала объявленная в 1956 г. «волчья операция», на нужды которой назначили специальных «волчьих комиссаров». Операция оказалась чрезвычайно успешной — низкая численность волков удерживалась два следующих десятилетия. Раздались голоса, призывавшие охранять этот вид, и в конце 1980 г. волков снова включили в список промысло-

Рисунок Ignacy Czwartos

вых зверей с соблюдением четырехмесячного запрета охоты на них. В 1995 г. волк был признан охраняемым видом — исключение составили Кросненское, Перемышльское и Сувалякское воеводства. Полностью этот хищник взят у нас под охрану с 1998 года.

Волки — вид удивительный. Особенно поражает воображение состав их пищи. Больше всего представлений об этом связано со сказкой о Красной Шапочке, а миф о волке-людоеде по-прежнему глубоко укоренен в культуре. И, хотя сегодня мало кто верит, что излюбленная пища волков — маленькие девочки, бытующие мнения о том, что они едят, зачастую совершенно неверны. Волки питаются в основном копытными животными, разнообразными их видами в зависимости от места обитания хищников. Это могут быть лоси, серны, сайгаки, козероги, лани, кабаны, а также олени — северные, марал, благородный олень и т.д. Но в среде, преобразованной человеком, волки способны есть все что угодно: любые отбросы, домашнюю птицу и даже фрукты. Разумеется, там, где отсутствуют дикие копытные, волки охотно пожирают их одомашненных родственников: крупный и мелкий рогатый скот и даже лошадей и ослов.

Изучение пищи волков позволяет ответить на очень важный вопрос: как влияют волки на популяцию своих жертв? Важный, потому что с ним по сути связаны все споры, касающиеся волков. Охотники не дарят этих хищников симпатией, усматривая в них конкурентов, тогда как лесникам волки скорее союзники — они уничтожают копытных млекопитающих, наносящих вред лесному хозяйству. Анализ жертв волков в Беловежской пуще показал, что съеденные ими взрослые олени были в хорошей физической форме, тогда как оленята, убитые в конце зимы, были очень слабы. Впрочем, волки явно предпочитают детенышей. Порой выбор жертвы определяют такие факторы, как, например, глубокий снег: проваливаясь в него, крупные животные не могут уйти от погони. Вообще в природе доминирует принцип оптимальных затрат, так что волки, как и прочие хищники, выбирают такой способ добычи пищи, который обеспечивает им максимум энергии при минимуме затрат.

Проводился также анализ влияния численности волков на популяцию жертв. Вопреки бытующему мнению оказалось, что волки не регулируют численность вида-жертвы, а выполняют лишь ограничительную роль. Это значит, что в лесах, где есть волки, копытных меньше, чем там, где их нет. Но хищники немногого могут достичь, когда численность копытных резко возрастает, к примеру в результате интенсивной их подкормки зимой. К тому же следует помнить, что первенство в таких случаях принадлежит охотникам: они составляют одну из главных причин смертности этих животных.

Первоначально волки водились на всем северном полушарии от пустынь до самых гор; теперь территория их обитания значительно сократилась. В Северной Америке они встречаются только на севере (в Канаде и на Аляске), в Европе сохранились лишь немногочисленные, изолированные друг от друга популяции. Лишь на востоке Европы и в Азии волки распространены довольно широко, а восточная граница Польши представляет собой западный рубеж их широкого обитания. Самые серьезные многолетние наблюдения за волками проводятся в Северной Америке, откуда поступает большинство сведений о жизни и поведении этих хищников, однако из-за различий в природных условиях североамериканские волки имеют мало общего с европейскими. В Европе своих исследователей дождалась почти все локальные популяции. Надо сказать, что волки — весьма благодарный объект изучения: они, как правило, не боятся людей, и наблюдать за ними сравнительно легко. Главные методы исследования — выслеживание по снегу и телеметрия. Волки в основном перемещаются по лесным тропам, в чащу углубляются только на дневной отдых или в погоне за жертвой. Поэтому выслеживать их не представляет особых трудностей, а при некотором навыке четкие крупные следы волка, порой более 15 см в длину, несложно отличить от собачьих следов. Телеметрия — дело куда более дорогостоящее, она заменяет широко используемое на безлесных равнинах Америки наблюдение за волками с самолета или вертолета. На зверя надевают ошейник с радиопередатчиком, что позволяет выслеживать его с помощью антенны и специального приемника. При некоторой сноровке можно таким образом много дней непрерывно следить за волком. Самые новые телеметрические передатчики освобождают научных работников от необходимости проводить целые дни в лесу. Информация о местопребывании зверя записывается в передатчик и передается либо к тому моменту, когда исследователь готов приступить к выслеживанию, либо прямо на его компьютер через спутниковую связь. Разумеется, за такое удобство платить приходится втридорога. Сигнал с ошейника не только позволяет определить местонахождение волка, но и передает данные об активности и скорости его передвижения, а при установке специальных датчиков может к тому же записывать пульс, температуру тела и другие физиологические параметры. Телеметрические исследования позволяют довольно точно определить места обитания волков, а также — если координаты хищника отмечались достаточно часто — узнать почти все подробности их жизни. Таким образом, становится известно, когда волки охотились, сколько времени это заняло, когда и где они отдыхали, играли, обследовали свою территорию.

В Польше изыскания такого рода проводились в Беловежской пуще коллективом научных работников из Института изучения млекопитающих ПАН под руководством доктора наук Влодзимежа Енджеевского. Это была первая в Европе комплексная работа такого рода. Непрерывные наблюдения за волками продолжались порой более десяти

дней, местонахождение волка определялось каждые 15 минут! В результате было получено большое количество необычайно ценной информации. Установлено, что территория обитания волчьей стаи в среднем равняется 230 кв. км, а в течение суток стая может пройти до 40 километров. Такие данные трудно было бы получить, прибегая к традиционным методам выслеживания по снегу. В Карпатах наблюдения за волками ведут научные работники Ягеллонского университета, а также краковского Института охраны природы ПАН. Их внимание сосредоточено главным образом на Бещадах. В горах телеметрию применять сложно: сигнал отражается от горных склонов. В Западных Бескидах действует общество содействия науке «Волк» во главе с кандидатом наук Сабиной Перужек-Новак.

Часть польских ученых, занимающихся волками, предпочитает оставаться в узком кругу специалистов, другие охотно прибегают к помощи добровольцев, порой даже почти не имеющих опыта работы на местности. Так, Институт изучения млекопитающих предоставляет студентам из Польши и со всей Европы возможность проходить практику. Молодежь обучается не только сбору данных на местности, но и обработке результатов. Полученный таким образом опыт они могут потом использовать в собственных исследованиях. Общество содействия науке «Волк» тоже часто приглашает иностранных студентов. Оно объединяет людей со всей Польши, увлеченных этими хищниками, но не всегда имеющих биологическое образование. Свои знания о волках эти люди могут пополнять в организованных по всей стране «волчьих лабораториях». В ходе занятий им, разумеется, не всегда удастся встретить волка, но услышанный в лесу протяжный волчий вой или даже внушительный волчий след навсегда остаются в памяти. Общество издает бюллетень, в котором публикуются все новые сведения о волках. Занимается оно и просветительской деятельностью: проводит лекции о волках, распространяет среди бескидских пастухов программы охраны овечьих стад от нападений этих хищников.

По-прежнему мало данных поступает из равнинных лесных хозяйств, где в основном и обитают польские волки. Поэтому научные работники Института изучения млекопитающих ПАН в Беловеже решили скрупулезно подсчитать и определить местонахождение волков на территории всей страны. В течение многих лет единственным источником информации были так называемые охотничьи инвентаризации, проводимые в объединениях лесничеств. Однако волки заселяют обширные территории, не учитывая при их выборе размещение единиц лесной администрации. Поэтому данные лесничеств о наличии волков завышались порой на 40%! Отсюда возникла идея «инвентаризации волков и рысей», т.е. подсчет этих хищников независимо от административной принадлежности места их обитания. В течение года из государственных лесов и национальных заповедников поступали данные о наблюдениях за волками, установленных местах их размножения, услышанном вое, найденных следах, жертвах и т.д. На основании этих данных специалисты создавали ГИС (Географическую информационную систему), т.е. переносили компьютерную базу данных на карту, что позволяло производить пространственный анализ. Сперва, исходя прежде всего из локализации нор, а также из наблюдений за молодняком, были зафиксированы стаи. Затем определено с наибольшей степенью вероятности число особей в каждой стае. Таким образом установлено, что в Польше живет около 500 волков — вдвое меньше, чем по данным охотничьих инвентаризаций.

Наибольшее скопление волков — в Карпатах и северо-восточной Польше. Кроме того, волки водятся в лесах вдоль всей восточной границы. К западу от Вислы спорадически встречаются лишь отдельные стаи, а одно волчье семейство обосновалось на военном полигоне в Дравске-Поморском. Эта весьма странная ситуация (если учесть, что леса на западе Польши — отличная среда обитания для волков) объясняется отсутствием соответствующих экологических коридоров, которые позволили бы волкам мигрировать и обживать эти пространства. В то же время популяции на востоке могут относительно легко восстанавливаться благодаря наплыву хищников с территорий наших восточных соседей. Разреживание лесов — сегодня главная опасность для волков в Польше. Когда заселенный волками лесной массив отсекают от остального леса, то, исходя из «теории островов» Макартира, возрастает вероятность вымирания местной популяции по причинам стихийного характера, к примеру, вследствие болезней, а отсутствие связей с другими популяциями делает невозможным воссоздание «острова», и в результате волки навсегда исчезают с этой территории. В свою очередь у наших восточных соседей возникает проблема в связи с охотой. Генетические исследования, проведенные во всей Беловежской пуше, показали, что в белорусской ее части стая может продержаться в среднем один-два года, после чего большинство ее особей оказываются убитыми. А ведь одна пара волков может оставаться вместе и размножаться в течение 10 лет!

Истребляемые охотниками волки соединяются в стаи случайно, между ними нет родственных связей. Ситуация совершенно неестественная, нормальная стая — это семейство, состоящее из размножающейся пары волков и их потомства за несколько лет.

Итак, волки нуждаются в дальнейших исследованиях по обе стороны границы. Необычайно важно сейчас сотрудничество между учеными соседних государств, обмен информацией и опытом, а также попытка создания комплексной международной программы охраны волков.

ФАБРИКА ИСКУССТВА

*Беседа с одним из ее основателей,
художником Кишиштофом Костешей*

Кишиштоф
Костеша

— *О вас все больше говорят в прессе, в Интернете. Так что же это за «Фабрика искусства»? Может быть, это какое-то предприятие или группа художников, которая приняла столь экстравагантное название?*

— Нет, это не группа художников в традиционном смысле слова, имеющая какой-то общий стиль или еди-

ную программу, провозглашающая единственно верную теорию.

— *Тогда что же?*

— «Фабрика искусства» — это средство существования, выдумка на тяжелые времена. Если хочешь, можешь назвать это обществом, объединяющим представителей многих видов искусства. Среди нас есть живописцы, поэты, скульптор, мастера керамики, архитектор по интерьеру, компьютерные графики, специалист по информатике, есть оформители витрин, создатели мебели, бижутерии, витражей, освещения, есть люди, занимающиеся проектированием и устройством садов, есть художники по шелку и фарфору, есть умельцы, которые шьют сумочки, мастера по изготовлению глиняных музыкальных инструментов, а еще есть ансамбль, исполняющий народную музыку. Недоста-

ет только мастера кулинарного искусства. В большинстве это выпускники Академии художеств.

— *Что можно заказать вашей фабрике? Какое-нибудь произведение?*

— Не только. Да и не в этом суть. Главное — это разнообразная совместная деятельность. «Фабрика» ведет воспитательную работу, организует так называемые культурные мероприятия (что обычно было сферой деятельности халтурщиков, а ведь это можно делать хорошо), детские игры, пикники, аукционы, занимается оснащением художественных галерей, организацией выставок.

— *Как долго вы существуете?*

— Начиналось все весьма безобидно. В 2001 г. группе из двадцати творческих работников удалось зарегистрировать общество художников и поэтов «Фабрика искусства». Это что касается формальной стороны дела. Но самое главное — содруже-

ство и сотрудничество, обмен опытом, помощь при выполнении больших заказов. Вместе мы осуществляем большие проекты. Принято считать, что интересные идеи рождаются в огне бурных дискуссий и творческих споров. Нам нетрудно спроектировать страницу в Интернете, устроить сад со скульптурными композициями и построить в нем сказочный домик для детей или неповторимую каменную печь, куда будет вести заколдованная тропинка. Нетрудно нам и выложить мозаикой или оформить огромную дискотеку, изготовить красиво украшенный стол или сундук, оформить

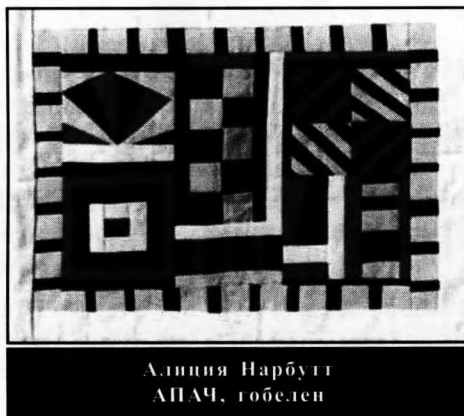
Кишиштоф Костеша
ПОРТРЕТ С СИГАРЕТОЙ

магазинные витрины или организовать большую выставку, совмещенную с гигантским театрализованным действием. В большой группе работать легче, у нее мощный потенциал. Члены «Фабрики» дорожат своими традиционными занятиями, занимаются прикладным искусством, однакo принимаются и за весьма эксцентричные дела, пытаюсь дойти до слишком уж измученного потребителя, которого не интересуют традиционные выставки, который все время ищет чего-то нового и новейшего, которому все надоело и которого нужно удивить чем-то таким, что накрепко врезалось бы ему в память.

— *А что такое фаст-арты?*

— Так как все мы живем в эпоху фаст-фуда, художники занялись изготовлением фаст-артов, и члены нашей «Фабрики» — не исключение. «Фаст-арт» — это название действия, которое состоялось в самом центре Варшавы, во Дворце культуры и науки, в джазовом клубе «Джазгот» при Драматическом театре, и превзошло все ожидания. Под сценой установили машину для конвейерной раскраски, а на стенах были развешены ранее выполненные работы. Машину запустили, и началось большое общее рисование, затем все это сушилось на гранитной террасе клуба, нагретой солнцем уходящего дня. После просушки произведение возвращалось на сцену и продавалось с аукциона. Публика выбирала наиболее интересные ее кадры этого огромного случайного «полотна». Через два часа зрители, которые веселились вовсю, сами решили попробовать силы в изобразительном искусстве. Среди них были и такие, кто пожелал купить собственные тво-

Алиция Нарбутт
АНАЧ, гобелен

Дорота Банасик
ДИВАН, сталь, перья

но относящимися друг к другу живописцами и инсталляторами. Планируется также большая художественная акция в пустующем цехе тракторного завода «Урсус».

На языке профессионалов это называется «ревитализация пространства». И надо помнить, что это место особое, символическое: здесь в июне 1976 г. проходили большие забастовки.

— *Расширяет ли «Фабрика» поле своей деятельности?*

— Нас принимают в художественных салонах, по приглашению президента [мэра] города вскоре состоится наша выставка в варшавской ратуше. Название выставки — «Четвертая смена». Мы с удовольствием устроили бы что-нибудь совместно с нашими коллегами с Востока.

Беседовал
Петр Мицнер

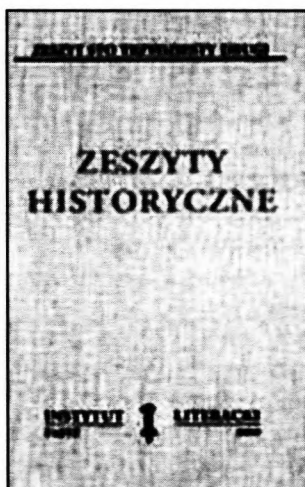
Stowarzyszenie «Fabryka Sztuki»
05-805 Kanie, ulica Nadarzyńska 1,
тел.: +48 (022) 798 34 68,
интернет-сайт: www.fabrykaszteki.com

Кшиштоф Бурнетко

«ЗЕШИТЫ ХИСТОРИЧНЕ»

Исторические не только по названию

Более трех лет тому назад умер Ежи Гедройц, один из самых выдающихся польских эмигрантов XX века. В прошлом году мир покинула его ближайшая сотрудница Зофья Герц. Уже не выходит журнал «Культура», который они больше полувека редактировали в Париже. Издательство «Институт литеацкий» («Литературный институт») тоже перестало выпускать книги. К счастью, продолжает издаваться их третье детище — журнал «Зешиты хисторичне» («Исторические тетради»).

Гедройц всегда интересовался историей. Еще в межвоенное двадцатилетие, будучи редактором «Бунта молодых», а затем «Политики» — влиятельных журналов консервативных государственников, — он часто публиковал исторические тексты, обычно рассматривая их как помощь в размышлениях о текущей ситуации в стране, расположенной между гитлеровской Германией и советской Россией, вдобавок полной национальных меньшинств, но не имеющей образованной политической элиты, навыков уважения к закону и т.д.

Неудивительно, что когда после II Мировой войны Гедройц вместе с группкой друзей начал создавать в эмиграции «Институт литеацкий», он с самого начала видел в нем не только издательство и редакцию общественно-культурного журнала, но и центр, собирающий документацию по новейшей истории Польши. Коллектив «Культуры» начал собирать всяческие публикации, касающиеся Польши: книги, газеты, листовки, воспоминания, личные бумаги. В 1954 г., когда редакции «Культуры» пришлось переехать с парижской авеню Корнель в пригород Парижа Мезон-Лаффит, Гедройц писал одному из своих сотрудников: «Только сейчас я могу оценить, какая это ужасная вещь — газеты и вообще архивы: у нас их около 12 тонн, не считая библиотеки. Все это было как-то распахано по коробкам, подвалам и чердакам, но теперь я наконец могу их разложить и рассортировать». Редактор «Культуры» планировал создать библиотеку лучшей современной польской и западной художественной, политической и общественной литературы в надежде на то, что «когда-нибудь она понадобится стране». «Все это так разрослось, что у нас, пожалуй, самое полное собрание во всей эмиграции», — оценивал он впоследствии.

Одновременно тексты, касающиеся истории, поступали и в саму «Культуру». В своей «Автобиографии» Гедройц вспоминал: «Проблематика истории, а особенно новейшей истории, всегда меня интересовала. Мы часто затрагивали ее в «Культуре». Но связанных с ней материалов накопилось так много (нам не хватало места на другие вещи), что я решил отделить их от всего остального».

В результате появился новый журнал «Института литеацкого» — «Зешиты хисторичне». Первый номер вышел в свет в январе 1962 года. Вначале журнал должен был издаваться каждые полгода, но дальнейшие честолюбивые планы предусматривали ежеквартальное издание. Редакция обещала печатать в журнале «материалы, касающиеся новейшей истории Польши», а также «репортажи, дневники, специально написанные статьи, рецензии и т.п.». Кроме того, редакция заявляла:

«Наша задача — искать объективную правду, а не подгонять факты под какую бы то ни было политическую или историософскую концепцию. Мы будем публиковать материалы под ответственность авторов, не изображая из себя цензуру и заботясь лишь о том, чтобы тексты были свежими и интересными».

Следующие номера показали, что Гедройц отнесся к этому заявлению всерьез — «Зешиты», колеблясь, затрагивали трудные и спорные вопросы: польско-украинских и польско-литовских отношений, польско-советской войны, битвы под Варшавой и Рижского договора, депортации немцев из Польши после II Мировой войны, операции «Висла» (направленной против украинского населения) или же польского антисемитизма. (Впрочем, эта традиция продолжается и по сей день: недавно целую бурю вызвал текст, намекающий на то, что во время II Мировой войны группа польских правых эмигрантских деятелей националистического толка рассматривала возможность соглашения с гитлеровской Германией с целью создать коллаборационистское правительство.) Оговорка: «Данную статью редакция считает дискуссионной», — впервые появилась в... 1992 году.

История не была для Гедройца всего лишь «записью фактов в соответствующем хронологическом порядке». Ему было гораздо интереснее анализировать всевозможные альтернативные сценарии развития событий — ведь только с этой перспективы можно объективно оценить истинный ход истории. Сам он многократно применял этот метод для рассмотрения самых драматических событий новейшей истории Польши (в т.ч. таких спорных, как поведение гражданских и военных властей после сентябрьского поражения 1939 г. или обоснованность Варшавского восстания). «Зешиты» всегда руководствовались основополагающим принципом: представлять события с разных точек зрения (достаточно сказать, что уже после перелома 1989 года журнал опубликовал текст генерала Войцеха Ярузельского).

«Необычайно интересная работа, но приходится продираться сквозь горы архивных материалов», — так вспоминал редактор «Культуры» свою работу над «Зешитами». Далее он пояснял: «В первую очередь мы сделали упор на то, чтобы печатать материалы (...) которые могли бы заинтересовать каждого (...) избегая псевдонаучного жаргона и ненужных данных».

В январе 1973 г., как и было обещано в первом номере, «Зешиты» стали ежеквартальным журналом. В связи с этим редакция писала: «Этот эксперимент кажется нам необходимым, особенно если учесть, что степень знакомства с новейшей историей Польши угрожающе мала», а «фальсификация новейшей истории в самой Польше не только продолжается, но и углубляется».

«Как общественные финансы, так и новейшая история не могут быть ничьей частной собственностью или монополией и нуждаются в контроле общественного мнения», — говорил Гедройц. Он придавал огромное значение воспитательной роли истории, ответственному формированию историографии исторического сознания поляков и ее роли в «государственном воспитании».

С присущей ему трезвостью Гедройц писал: «С самого начала [«Зешиты хисторичне»] пользовались большим уважением, но, увы, это никак не отражалось на подписке. Она всегда была убыточной, хотя каждый, кто подписывался и на «Культуру», и на «Зешиты», получал значительную скидку. Журнал имел огромный резонанс среди историков, но с издательской точки зрения он не имел успеха». Вдобавок «Зешиты», так же, как и «Культура» и книги «Института литерацкого», одновременно издавались в миниатюрном формате, чтобы их было легче перебрасывать в Польшу. Это дополнительно повышало стоимость издания.

В «Зешитах» печатались самые видные эмигрантские историки: в частности, автор монументальной политической истории Польши Владислав Побуг-Малиновский, специалист по «восточным вопросам» Виктор Сукенницкий, летописец польского подпольного государства Стефан Корбонский, специалист по истории Центральной Европы Петр Вандыч, биограф Юзефа Пилсудского Вацлав Енджеевич, исследователь катынского преступления Казимеж Заводный. Журнал публиковал также воспоминания и аналитические статьи политиков, военных, общественных деятелей (в том числе Юзефа Пилсудского, Винценты Витоса, маршала Эдварда Рыдза-Смиглого, министра иностранных дел Второй Речи Посполитой Юзефа Бека, генерала Владислава Андерса, легендарного курьера Армии Крайовой Яна Новака-Езёранского). В 70-80-е годы возникло новое явление: среди авторов «Зешитов» начали появляться (поначалу под псевдонимами) историки, жившие в Польше. Постоянными авторами журнала стали самые уважаемые ныне исследователи новейшей истории Польши: Анджей Фришке, Гжегож Мазур, Анджей Пачковский, Кристина Керстен. На статьи, опубликованные в «Зешитах», начали ссылаться (разумеется, не называя источника) даже некоторые историки, верные режиму.

Гедройц комментировал это скромно: «У меня складывается впечатление, что «Зешиты» оказали некоторое влияние на польскую историографию. Когда я просматриваю исторические публикации, меня радует количество ссылок на «Зешиты» — их очень много. Это приносит огромное удовлетворение. Но бывает, что наши публикации вызывают бурю в стакане воды».

В 1986 г. Александр Ушаков, социолог и историк из кельнского Института восточно-европейского права, специализирующийся на проблематике Восточной Европы, написал: «Сейчас «Зешиты» необходимы для работы каждому историку, занимающемуся историей Европы, особенно Восточной. В них печатаются остатки правды, утаиваемой в советском блоке. Тот, кто ведет исследования в этой области, знает, насколько бесполезны и опасны бывают фальсифицированные публикации, сознательно искажаемые или калечимые цензурой. Как дом становится пригодным для жизни только после покрытия крыши, так и эти «остатки правды» являются точкой над «i» — над историческими событиями».

То, как Гедройц редактировал «Зешиты», проливает свет на то, как он видел историографию. В год 40-летия «Зешитов» это рискнул описать проф. Ян Поморский из люблинского Университета им. Марии Кюри-Склодовской (один из основателей Европейской коллегии польских и украинских университетов). Опираясь на различные высказывания Ежи Гедройца, он формулирует основные черты его подхода.

Во-первых: «Речь идет о том, чтобы просто публиковать истинную версию исторических событий»; необходимо «от абстрактных, составленных на вырост проектов перейти к спешному определению минимума того, что нужно сделать сейчас. Одним словом, мы должны печатать учебники и материалы по новейшей истории Польши и гражданскому мышлению», — писал редактор «Культуры» одному из деятелей подпольной «Солидарности» во время военного положения.

Во-вторых: «История Польши — одна из самых фальсифицированных в мире». Фальсификация означает некритическое отношение к национальным стереотипам и мифам, сознательное умалчивание в историографии о неприятных для поляков темах и полоноцентризм, т.е. мышление по принципу «слон и польский вопрос».

В-третьих: «Упущение наших историков, особенно если речь идет об университетских курсах, состоит в том, что они уделяют недостаточно внимания всемирной истории. Мы слишком сосредотачиваемся на польских делах, как будто это отдельный остров. Их не представляют на фоне всемирной истории и идущих в мире процессов».

В-четвертых: с истории Польши следует «стряхнуть бронзовую чешую», отказавшись от национальной агиографии и торжеств, связанных с историческими годовщинами. «Молодежи надоели всевозможные показательные обряды».

В-пятых: историки, как и руководители, должны обладать «гражданским мужеством, чтобы говорить полякам то, чего они не хотят слушать, — вопреки им». Гедройц верил в созидательную силу слова, в силу его воздействия на читающую публику. Поэтому и «Культура», и «Зешиты хисторичне» были изначально задуманы как орудие общественно-исторического воспитания «в национально-государственном духе».

В-шестых: историки «должны изменить унаследованное настроение народа». «История Польши отличается постоянной тенденцией к ослаблению исполнительной власти, к анархической золотой вольнице».

В-седьмых: «Нынешняя политика ориентирована исключительно на Запад. Однако для того, чтобы убедить мир и самих себя в том, что мы принадлежим Европе, нам необходимо иметь ясную восточную политику и понимать, что мы должны быть связующим звеном этих двух миров, ибо наша позиция на Западе будет измеряться нашей ролью на Востоке». Историография должна показать наше культурное наследие и ту роль, которую играла Польша в этой части Европы.

В-восьмых: историография — это коллективная память народа. Она не может сводиться только к воспоминаниям о прошлом и выяснению корней нашей современности. Она должна указывать цели, к которым нам надо стремиться.

Как видно, Гедройц высоко установил перекладину. Но могло ли быть иначе? — риторически вопрошает проф. Поморский. Ведь редактор «Культуры» и «Зешитов» «был не только любителем истории и историком-любителем — он был государственным мужем, хотя у него никогда не было традиционных атрибутов власти, связанных с должностями. Он действовал словом». И таким образом вошел в Историю.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Последний за прошлый год номер варшавского журнала «**Нове ксёнжки**» («Новые книги», 2003, №12) — еще одно окошко на русскую литературу. В нем помещены презабавное интервью с Виктором Ерофеевым, которого польские читатели любят все больше, рецензия Дануты Улицкой на его «Энциклопедию русской души» (переведенную Анджеем де Лазари), а также его мини-эссе «Был ли Пушкин?» (в переводе Яна Гондовича). Есть здесь и рецензии Пшемислава Петшака на «Перебивая Будду» Виктора Пелевина и Яцека Войцеховского на «Клетку» Анатолия Азольского (обе книги в переводе Генрики Бронятовской). Все дополняет фельетон Гондовича, посвященный «выдающейся книге авторства писательницы того же поколения 40-50-летних, Татьяны Толстой». Речь идет о романе «Кысь».

«Гоголь во всей красе! — пишет Гондович. — Русь, провалившись после катастрофы в извечное безвременье, полностью сохранила стиль присущей ей колченогой цивилизации. Здесь ничего не начнется заново, пока останется хоть одна книга. Вот как возникла удивительная в наши дни книга против книг. Впрочем, на той почве — небезосновательная. Ибо Татьяна Толстая, изучая историческую роль русских читак и писак, приходит к весьма невеселой формулировке: «Кыш!» Чтение, по ее мнению, ведет к подлостям, на фоне которых бледнеют слова из «Урока» Ионеско: «Арифметика ведет к филологии, а филология — к преступлению». Мысль, можно сказать, логичная в обществе, которое власть предержащие с незапамятных времен стараются уберечь от подрывного влияния мышления».

Какова же эта Россия? Из Москвы ее описывает Виталий Портников в варшавской «**Политике**» (2004, №2). Русский автор растолковывает положение, сложившееся после выборов, довольно широкому кругу читателей, и его мнение несомненно не останется без влияния на представления польской интеллигенции о нашем восточном соседе. Почитаем:

«После подведения итогов парламентских выборов в России с какими только эмоциональными оценками не пришлось сталкиваться! И про начало новой политической эпохи в жизни страны. И про то, что в российском обществе усилились шовинистические, имперские настроения. И про то, что такой России следует опасаться и соседним странам, и ее собственным жителям.

Я другого мнения. Избиратели сменили не взгляды, а только названия партий. (...)

Проблема российской демократии — не в том, как завершились выборы 2003 года, а в том, что за последнее десятилетие немного изменилось. Десять лет назад, после расстрела мятежников в российском Верховном совете, была принята новая конституция страны и прошли первые выборы в Государственную Думу. Партии власти всегда добивались на выборах неплохого результата. В 1993 г. «Выбор России» и еще одна небольшая партия чиновников вместе имели более 23 процентов голосов. Триумфатором тогда, правда, оказался Владимир Жириновский, популист, шовинист и актер. Но оказалось, что он готов к любым компромиссам с властью. Дума не создавала Кремлю особых проблем до 1995 года, когда «Наш дом — Россия» Виктора Черномырдина получил около 11 процентов голосов, а успеха добились коммунисты. (...)

Когда Владимир Путин четыре года назад поддержал «Единство», он был очень популярным политиком, но еще не был президентом. А сейчас в первый раз удалось объединить усилия главы государства и региональных баронов — губернаторов и президентов республик в составе России. И что же? За четыре года процент людей, которые готовы голосовать за власть, не изменился.

Зато — на первый взгляд — изменилось количество людей, которые проголосовали за коммунистов. Уменьшилось почти в два раза. (...)

Может быть, победителем этих выборов выглядит Владимир Жириновский, называющий свою партию «либерально-демократической»? (...) Жириновский не опасен для власти. Опасно то, что количество люмпенизированного населения не уменьшается.

Впрочем, не уменьшается и количество людей, придерживающихся реформаторских взглядов. Демократы оказались за бортом парламента. Но вместе они получили более 8 процентов голосов. Для России это неплохо — это миллионы людей, население средней европейской страны».

Я читаю это так: правда, Жириновский выиграл, но все не настолько плохо, так как проигравшие демократы все-таки набрали немало — «для России» — голосов. А набрали они всего ничего, по крайней мере если говорить об участии в парламентской жизни. И Портников прекрасно знает, что некоторых поляков, которых волнует судьба России, ибо они знают, что с ней связана судьба Польши, эти 8% не утешат. И спешит с настоящим утешением:

«Да, на прошлых выборах все было куда лучше. Но «Союз правых сил» в 1999 году выступал не столько как либеральная партия, сколько как еще одна партия поддержки премьера Владимира Путина»

Слабое утешение, на мой взгляд: из него следует всего лишь, что демократы как самостоятельная и независимая от власти сила не обладают достаточной общественной поддержкой, чтобы провести в парламент хоть одного представителя. И мало радует меня сознание, что это «миллионы людей», «население средней европейской страны», если в собственной стране они не в состоянии «населить» одно место в Думе. Тем более если я, как Гондович, уверен, что речь идет об обществе, которое «власть» предержащие с незапамятных времен стараются уберечь от подрывного влияния мышления». В этом контексте готовность голосовать за партию власти и вычеркивать демократов возбуждает чувства, далекие от оптимизма.

Портников подчеркивает, что ни избиратели, ни деятели победоносных группировок не в состоянии провести в жизнь свои предвыборные лозунги:

«Все это — мифы, демагогические сотрясания предвыборного воздуха. У демократов же есть простой пример — пример цивилизованного мира за границами России, пример куда более развитой экономики и куда более достойной жизни. И этот пример никуда не денется, как никуда не исчез он в эпоху существования Советского Союза. А будут сегодня демократы в парламенте или нет — не так уж важно. (...) Ни для кого не было секретом, что настоящим главой парламента является не спикер Геннадий Селезнев, а заместитель главы администрации президента Владислав Сурков. Именно по его звонкам голосуют — или не голосуют — депутаты от большинства. Именно к нему приходят посоветоваться лидеры фракций. (...) И когда после поражения демократов президент пообещал их трудоустроить, он вряд ли шутил. Как чиновник, он хотел помочь другим чиновникам, временно оставшимся без работы».

Гоголь? Наверное, Гоголь, если в конце статьи мы читаем:

«Где же в таком случае живет российская политика? В укромных местах. На дачах чиновников из президентской администрации, правительства, тех же «олигархов» из большого бизнеса. Эти люди привыкли решать эти вопросы в своем тесном кругу. Когда вопросы не решаются, они обращаются не в Государственную Думу, а в Генеральную прокуратуру — как это и произошло с арестом бывшего главы компании ЮКОС Михаила Ходорковского. Публичная политическая дискуссия в Думе по действительно принципиальному вопросу — это фантастика. Ведь в российских реалиях парламент — всего лишь театр, в котором главную роль играет массовка».

Очень смешно. Только не слишком утешительно, ибо всегда можно спросить, где и какую — если говорить без шуток — работу найдет президент для демократов, когда не сможет с ними договориться. И насколько окажется помощью этим демократам обнаруживаемый за пределами России «пример цивилизованного мира». Ходорковскому пока, кажется, не очень-то много хорошего досталось за то, что он поглядывал в сторону этой куда более развитой экономики. Что же до статьи в «Политике», то я не удивляюсь, что редакция вместо своего анализа положения в России после выборов предпочла напечатать эту статью русского журналиста.

Между тем Россия в глазах читателя польских — разумеется, серьезных — изданий, создающих общественное мнение, выглядит краем, где властвуют чудные стихии. Под конец прошлого года я читал в одном из еженедельников большой репортаж о популярности всяческих колдунов, шарлатанов и целителей. В следующем за этот год номере «Политики» (2004, №32) Игорь Мечик в статье «Гладиатор» с удовольствием описывает растущую популярность кровавых игр, дающих хорошо тренированной молодежи возможность сделать карьеру:

«Это будет уже седьмой бой без правил, но первый в большом турнире. Весь Петербург оклеен афишами «Ледовый шторм» — красиво назвали, профессионально, запоминается. Это будет настоящее шоу в новеньком зрелищно-спортивном зале «Ледовый дворец», двенадцать боев, заграничные борцы, полураздетые манекенщицы на двадцатисантиметровых шпильках, звезда телевидения в роли конферансье, лазеры, камеры, журналисты, пять тысяч зрителей на трибунах, сотня ВИПов за столиками вокруг ринга — людей, имеющие вес в городе и не только, а на столиках икра и шампанское».

Видно, что репортер заботится о деталях, о «вкусных» подробностях. За всем этим, конечно, можно обнаружить печальную правду о российском бизнесе:

«Прежде чем Зенцов попал в «Ред Девил», он изыскивал средства, как говорится, для «одной организации». Это было нелегко, но Финкельштейн, президент и владелец «Ред Девила», договорился по этому вопросу с организацией. (...) Прошлое самого президента Финкельштейна окутано тайной, но у российских богачей это нормально. Дурной тон — возвращаться к временам, когда женщине говорили «товарищ» вместо «леди», к первопроходческим временам приватизации и зарождения капитализма. Сегодня почти все богачи в России делают вид, будто всегда были богатыми. Наверное, у Финкельштейна обширные связи, первосортная, как говорят в России, «крыша»: без нее он не вытащил бы Зенцова из «одной организации» никогда и ни за какие деньги. (...) Вероятно, «крыша» Финкельштейна бережет и его правую руку по боям без правил — Игоря Черенцова. В его квартире милиция нашла несколько гранат Ф-1 и 9-мм патроны, но Черенцова не посадили. Сошло на нет и предъявлявшееся ему раньше обвинение в торговле наркотиками».

И так далее. Российская жизнь — это, как оказывается, своего рода «игра без правил», вдобавок жестокая. Но еще и рафинированная, о чем узнаёт читатель еженедельника «Ньюсуик-Польша» (2004, №3) из статьи Анджея Заухи «Езда без держалки»:

«Днем они трудятся в кабинетах шикарных конторских зданий в центре Москвы и заседают в надзорных советах мощных корпораций, а домой едут в бронированных лимузинах с до зубов вооруженной охраной; живут они под Москвой, в окрестностях знаменитой Жуковки, самой элитарной местности в России, где вилла стоит несколько миллионов долларов. А для развлечения играют в «нищих». (...) Игру в «нищих» организовал для своих богатых клиентов продюсерский центр «Князев», занимающийся организацией PR-акций и массовых развлекательных мероприятий. Однако в его программе — неофициально — есть и частные развлечения для самых богатых, нуждающихся в особо сильных ощущениях. (...) Нищенство — идеальная игра. В ней принимает участие группа богатых друзей, а выигрывает тот, кто за день наберет больше мелочи. (...) превращение из банкира в оборванца — дело нелегкое, иногда оно занимает несколько часов. (...) развлечения, предлагаемые Сергеем Князевым, относительно доступны: участие в них стоит 3-5 тыс. долларов. Кроме игры в «нищих» фирма предлагает богачам, например, игру в «шлюх». Главные роли играют жены бизнесменов: вызываясь одетые (предварительно они должны сами отыскать костюмы на базарах), они собираются в переулке в центре Москвы. Там они изображают проституток, а мужья — альфонсов. Клиенты, ничего не зная, подъезжают, а когда выберут, происходит разыгранный наезд милиции (фирма Князева на этот случай берет напрокат машину с сиреной и радиоантенной), и транзакция прерывается, не завершившись. Выигрывает та дама, которую за несколько часов «покупают» чаще всех».

И еще кое-что об эволюции этих игр и развлечений:

«Еще в начале 90-х русские шокировали западных людей: малиновые пиджаки, золотые цепочки, пачки денег, — рассказывает Антонова. — И развлекались так, как научились в советские времена: при обильно уставленном столе. Русский праздник одинаково выглядел в Воронеже, Майями и на Карибах. Только в середине 90-х богачи стали нанимать специалистов, которые должны были придумать такой сценарий, чтобы приемом можно было похвалиться».

Я цитирую не желтую, сенсационную прессу, а порядочные, солидные еженедельники, как я уже упоминал, формирующие общественное мнение. Из помещенных в них репортажей видно, как функционирует пресловутый западный пример, который должен составлять надежду российских демократов. Только жаль мне отличных, добросовестных и широко охватывавших российскую жизнь статей скончавшегося несколько лет назад репортера «Газеты выборчей» Леона Буйко, который попросту умел уловить ритм повседневного существования, так что он становился гармоническим фоном политики и экономики.

Хорошо, что хоть литература остается. Только что вышла прекрасная книга Эдварда Бальцежана «Пугало и подсолнухи», а в ней отличный репортаж о Геннадии Айги и прекрасные переводы русской и украинской поэзии.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• 13 декабря исполнилось 22 года со дня введения в Польше военного положения. С того дня прошла не одна, а по меньшей мере две эпохи, изменились люди, изменились песни. Одному из бардов «Солидарности», Яцеку Качмарскому, и был посвящен торжественный концерт в декабрьскую годовщину. Для исполнения его самых известных песен приглашены были артисты разных поколений и разных музыкальных направлений. Однако, «устраивая этот концерт, — говорили организаторы, — мы хотели, в частности, воссоздать культуру периода военного положения, показать творческую реакцию на эти события актеров, исполнителей, поэтов, а также людей, напрямую не связанных с культурой, которые (...) в лагерях для интернированных или за работой на множительных аппаратах песнями давали комментарий и оценку времени, в которое им пришлось жить». Той первой «Солидарности», до введения военного положения, посвящена книга радиорепортера Янины Янковской «Незавершенные портреты», которая содержит беседы с профсоюзными активистами, проведенные в подпольный период их деятельности. В интервью, представляющих собой бесценный документальный материал, «восхищает, — как пишет Анна Биконт, — в первую очередь гражданское чувство ответственности за страну. Ибо то были времена, когда мы предстали перед миром и перед самими собой в лучшем, чем обычно, виде».

• Еженедельник «Впрост» вручил ежегодные премии Киселя (им. Стефана Киселевского), которыми награждаются те, кто, как написано в редакционной статье, «в течение многих лет ведет борьбу за государство права и здравого смысла». В этом году в категории предпринимательства премию получил Роман Клюска (интервью с ним опубликовано в «Новой Польше», 2002, №6), бывший владелец и глава компьютерной фирмы «Оптимус», — «за борьбу с незаконием»; среди политиков — Ян Мария Рокита, председатель парламентской фракции партии «Гражданская платформа», член комиссии Сейма, расследующей дело Рывина, — «за борьбу за правовое государство»; наконец, в категории публицистики премию получил журналист газеты «Жечпосполита» и «Тыгодника повшехного» Януш Майхрек — «за борьбу с демагогией».

• Свои ежегодные премии присудила также редакция еженедельника «Политика». В одиннадцатый раз вручены «паспорта» самым многообещающим авторам в разных областях искусства. Лауреатами нынешнего года стали: по литературе Войцех Кучок за роман «Навоз» — о «детских страданиях в доме, где безраздельно властвует отец, предпочитающий во всем и всегда проявлять силу»; по кинематографии — режиссер Анджей Якимовский за картину «Зажмурь глаза», поэтический рассказ о преодолении страха и попытках быть самим собой в польской провинции; в театре — актриса Данута Стенка за роль вдовы Брэдшоу в спектакле «Победа» Ховарда Баркера во вrocławском театре «Вспулчесном»; самым многообещающим музыкантом признан 22-летний скрипач Куба Якович; самой интересной личностью в области изобразительного искусства — Моника Сосновская, «художница, которая творит из элементов повседневности, взрывая при этом наши привычки»; в категории, получившей определение рок-поп-эстрада, «паспорт» присужден композитору и продюсеру Анджею Смолику; и, наконец, «Золотой лавр» за деятельность в области культуры вручен Мареку Жидовичу, создателю лодзинского фестиваля «Camerimage», «который ежегодно собирает ведущих артистов польского и мирового кинематографа».

• На фестиваль «Camerimage» «ежегодно съезжаются в Лодзь кинознаменитости и кинематографическая молодежь со всего мира, — пишет Барбара Холлендер. — Это необычайное событие. (...) В других местах молодые люди смотрят на гигантов кино, теснясь за барьером. А тут они учатся у них в мастер-классах, а по вечерам вместе с ними пьют пиво. И в наше время, когда дискуссии о кино сводятся главным образом к финансовым вопросам, здесь говорят о киноискусстве и его будущем». Несмотря на это фестиваль, которым руководит Марек Жидович, сталкивается с огромными трудностями, и его руководитель говорит: «Мы никогда не знаем, удастся ли организовать фестиваль в следующем году». Из-за отсутствия денег, инфраструктуры, из-за организационных сложностей может оказаться, что «Camerimage» придется перенести... за рубеж.

• Студент Варшавского университета Томаш Чайка выиграл международные соревнования для компьютерных программистов «TopCoder 2003». До

этого Токек вместе с состоящей из трех человек командой Варшавского университета победил на организованном в США Всемирном студенческом чемпионате по программированию.

• В 2004 г. Институт Адама Мицкевича проведет два больших мероприятия, организованных с целью популяризации польской культуры. Уже в апреле начнется Год Польши на Украине под лозунгом «Польша и Украина вместе в Европе». А в первых числах мая, одновременно с торжествами, связанными с вступлением Польши в ЕС, откроется «польский сезон во Франции».

• Прошел финал кампании «Вся Польша читает детям». Началось издание основного канона книг для детей, а при подведении итогов отмечалось, что кампания имела успех. «Слышали о ней почти две трети поляков, — написано в подведении итогов опроса, — и каждый третий изменил под ее влиянием свое поведение. Кое-кто начал читать вслух впервые. Все шире распространяется убеждение в том, что читать стоит даже слушателям-младенцам». Ирена Козминская, возглавляющая фонд, по инициативе которого проводилась эта кампания, утверждает: «Двадцать минут — это довольно большой отрезок времени. Можно возродить семейные связи. Возникает ощущение близости, безопасности. Это особенно важно сейчас, когда массовая культура вторгается в наши дома, а отсутствие контактов с ребенком часто ведет к эмоциональным расстройствам». Хотя кампания закончилась, привычка читать детям имеет шансы сохраниться.

• Между тем похоже, что скоро потребуются начать кампанию за чтение взрослым. Старшее поколение все чаще обращается к литературе в рисунках — к популярным комиксам, тем более что из сферы политики они переселились в область эротики. Один из них создал художник Гжегож Росинский. Автор, второй десяток лет живущий в Швейцарии, начинал карьеру в Польше и завоевал славу сначала на родине своими историческими рассказами и серией о доблестном милиционере капитане Жбике, а потом и мировую славу — рисованными приключениями отважного викинга Торгала по сценарию Жана ван Хамма. Теперь он, как говорят, изменил рыцарским традициям и в своем швейцарском уединении работает над «Местью графа Скарбека», где «рассказывается о женщинах, художниках и пиратах, а это довольно взрывчатая смесь», как говорит автор. За секс-комиксы берутся и другие польские авторы, в том числе сценарист Петр Кабуляк и художник Томаш Перуновский (издающая «Паула») и сценарист Ежи Шилак с художником Яцеком Михальским (агрессивные «Граждане»). А в журналах с комиксами появляется все больше рисованного секса.

• Издателей прессы и книг возмущает идея (возвращающаяся как бумеранг) о повышении НДС на печатание всего, что годится для чтения. Такие «шаги, — читаем мы в одном из протестов заинтересованных кругов, — мы оцениваем как опасные, вредные и наносящие ощутимый урон сфере культуры. (...) мы резко возражаем против них и одновременно предостерегаем перед их финансовыми последствиями».

• В последнем списке бестселлеров одно из первых мест занимает «Автопортрет репортера» Рышарда Капустинского, и это радует. Как пишет в связи с этим комментатор Анджей Ростоцкий: «Есть самые разнообразные способы восприятия мира. Один из них — репортаж. Мы, пожалуй, избранный народ. У нас есть не только необыкновенные поэты, самый лучший эссеист XX века (Чеслав Милош), но и крупнейший репортер на всем нашем маленьком шарике. Достаточно прочесть «Императора» и «Черное дерево», чтобы просто замолчать». И еще одна новая позиция в этом списке — воспоминания самой популярной некогда в бывшем СССР польской актрисы Беаты Тышкевич под названием «Не только на продажу». О ней пишет опять же Анджей Ростоцкий: «Прекрасно изданная и захватывающе рассказанная история жизни самой красивой и самой знаменитой польской актрисы. Глядя на ее фотографии 60-х годов, хочется крикнуть: время, остановись! А оно, как безрассудный дурачок, мчится все вперед и вперед, стремясь уничтожить такую красоту». Отметим еще только присутствие в этом списке меланхолического романа Юзефа Хена о последнем польском короле Станиславе Августе Понятовском — «Мой друг король».

• Подводя итоги минувшего киносезона, Тадеуш Соболевский пишет о молодых режиссерах: «Каждый из этих фильмов — личное высказывание о мире: о плохой семье, рабстве и попытке освобождения («Перемени» Лукаша Барчика); о добром и мудром человеке, подобном греческому философу, которым общество пренебрегает, вытесняя его на обочину («Зажмурь глаза» Анджея Якимовича); о шансе внутреннего освобождения в материалистическом, жестоком мире («Эди» Петра Тшаскальского); о конфронтации пээнэровского поколения родителей с детьми Третьей Речи Посполитой, о стране, которую «ужасно сложно полюбить» («Громче бомб» Пшемислава Войцешека). (...) Все вместе они составляют ведущее течение в польском кинематографе, к которому следует внимательно присмотреться и поддержать его, как некогда поддерживали «польскую школу» или кинематограф «нравственной тревоги». Мы живем во времена такой же эрозии ценностей, и у нас уже есть кино капиталистических разочарований. Кинематограф поиска смысла. Зарождение польского европейского кинематографа».

• Более 60 фильмов и репортажей были показаны на 3-м Международном кинофестивале «Права человека в кино». После показов проходили дискуссии и встречи с режиссерами. «Идею прав человека упрекают иногда в том, — говорил один из участников дискуссии, — что она связана с белой, западной цивилизацией. В свете таких фестивалей, как этот, становится ясно, что это просто естественные права».

• Актеры, снимающиеся в сериале о жизни больницы «В горе и в радости», оказались безальтернативными любимцами польских зрителей в опросе, касавшемся предпочтений в области отечественной телепродукции. Среди женщин победила Малгожата Форемняк в роли доктора Зоси Бурской, олицетворение благородной матери семейства, самоотверженного врача, скромной и красивой. В состязании мужчин победил ее «сериальный» супруг, доктор Куба Бурский, которого играет Артур Жмиевский. Следующие места заняли герои сериалов «Клан», «Л как любовь», а также Иоанна Бродзик и Павел Вильчак, герои сериала ТВН «Кася и Томек», молодые люди, прекрасно ощущающие себя в роли оптимистических представителей современного польского общества.

• Анна Маршалек из газеты «Жечпосполита» стала «журналистом 2003 года». На протяжении многих лет она занимается журналистскими расследованиями и печатает самые громкие статьи о запятнанном аферами облике современной Польши.

• В 13-ю годовщину кончины Тадеуша Кантора в варшавской галерее «Фоксаль» открылась выставка, посвященная великому театральному режиссеру и художнику. На выставке представлены реквизит и предметы одного из самых прекрасных спектаклей Кантора — «Велёполе, Велёполе...»

• Выставку работ Эугениуша Зака в варшавском Национальном музее обещали показать уже многие годы. «Но, — как пишет критик, — стоило ждать. В Варшаве находятся лучшие картины Эугениуша Зака». «Живопись Зака, который большую часть жизни провел во Франции, — пишет Петр Сажинский в еженедельнике «Политика», — и умер, едва перешагнув рубеж сорока лет, — странное смещение идиллии с печалью, гармонии с душевной болью. Его живопись обращена больше в прошлое, чем в будущее, но содержит в себе нечто пленительное, как раз подходящее для депрессивных зимних дней».

• В Торунском окружном музее прошла выставка картин Анджея Врублевского. Эти картины впервые экспонируются перед публикой, ибо находятся в частной коллекции Анджея Михалыка из городка Пакош.

• За картину Анджея Врублевского «Мать с убитым ребенком» была предложена самая высокая цена, предлагавшаяся за современную польскую живопись на польских аукционах. Впрочем, следующие три места тоже занимают картины Врублевского, выставленные на продажу аукционным домом «Искусство», а сразу за ними следуют произведения Ежи Новосельского. Все эти картины были проданы на аукционах в 2003 г., когда конъюнктура на аукционном рынке претерпела явные изменения и клиенты стали отдавать предпочтение современному искусству. «Все владельцы аукционных домов единогласно отмечают, — пишет Моника Малковская в газете «Жечпосполита», — что коллекционеры стали привередливей. Еще пять лет тому назад «беспронимательной» считалась живопись XIX века с традиционной тематикой: уланы у колодца, атака кавалерии, пригожая девушка в народном костюме, прелестные детишки (...) Сегодня с этим покончено. Процесс просвещения, длившийся более десяти лет, сделал свое дело. (...) Второсортность отпадает, за произведения высокого класса идут бои».

• «Что было бы, если бы не было Большого оркестра рождественской помощи?» — спросил репортер «Газеты выборчей». — «Наверное, беднее были бы медицинские учреждения, — ответил один из организаторов, — но и мы все тоже были бы беднее. (...) Полякам пришлось по вкусу все это безумство. Юрек сумел великому делу придать карнавальную форму. Объединить порыв души с развлечением». Последний финал Большого оркестра рождественской помощи принес рекордную сумму денег, собранных на цели детской медицины, и все больше укореняется в жизни Варшавы, всей Польши и разбросанных по разным уголкам планеты поляков. Пожалуй, сегодня это крупнейшая благотворительная акция в мире, которая постоянно питается энергией прежде всего одного человека — Юрека Овсяка.

Ида Лотоцкая

ЦВЕТА БОГА ЖИВОГО

В Гданьске главным событием конца культурного сезона стала экспозиция под названием «Выставка в саду Едемском. Марк Шагал, библейские сцены». 72 рисунка из собрания Витебского музея Марка Шагала привезли к нам из Люблина, где они были впервые показаны за пределами Белоруссии. Выставка продлится с 10 декабря 2003 до 8 февраля 2004 года. Она подводит итоги минувшего года и вводит в новый, склоняя к размышлениям — не только эстетической и религиозной натуры.

Ратуша Главного Города, в которой расположен Исторический музей Гданьска, принявший творения Шагала, некогда была символом купеческой гордости. Правда, времена ее великолепия уже прошли, но следы бывшего богатства и роскоши заметны до сих пор. Здание нынешней ратуши строилось в XV-XVIII вв., а ее парадное внутреннее убранство относится к рубежу эпох Возрождения и барокко. Чтобы попасть на выставку, надо пройти через пышный вестибюль с винтовой лестницей — шедевром ремесленного мастерства. Слева от лестницы виден барочный портал, ведущий в Зал Совета, стены и потолок которого украшены росписями, в том числе и на библейские сюжеты. В соответствии со стилем эпохи это в основном аллегории: «Набожность и Идолопоклонство», «Праведность и Неправедность», «Страшный суд». Прекрасные росписи выполнены мастерами голландского Возрождения по заказу строителей Общества Нового времени, которые пытались вывести основы этого общества из Библии. Члены магистрата и граждане, умножающие богатство города, должны были черпать из нее нравственные заповеди. Все здесь имело практическое значение, не исключая картин, представляющих Господа Бога. Вначале католический, а затем протестантский, город обращался к премудрости и закону Ветхого Завета. Сцены с участием библейских царей наполнены поучительным смыслом. Царь Давид говорит старейшинам, что справедливо править людьми можно только в страхе Божиим. Царь Соломон, когда ему является Господь, получает от Всевышнего премудрость, чтобы управлять народом. Властители вдохновляются Богом и стоят на страже Его закона. Иисус Навин во главе Израиля, выполняя волю Божию, разрушает непослушный закону Иерихон. Дидактика служит политическим целям — в XVII веке Гданьск крепнет по воле Провидения Божия. Похоже, что «социотехники» XVII века были мастерами логических правил. Связь Гданьска и Речи Посполитой они представляют как волю Самого Всевышнего. На «коронной» картине «Апофеоз присоединения Гданьска к Польше» кисти Исаака ван ден Блока протянутая из облака рука Ягве покровительственно обнимает башню гданьской ратуши.

В этой самой ратуше нам и довелось увидеть совсем другую интерпретацию закона Божия, автор которой — гений XX века. Цикл иллюстраций к Библии охватывает 1931-1981 годы. Язык этих иллюстраций скуп, краток, лаконичен, полон символов и формальных сокращений. В художественной и общественной жизни внутренне противоречивого минувшего столетия Шагал стоял особняком. Специалисты по общественным и «божественным» законам довели эту жизнь до абсурда, превратив ее в царство хаоса. В художественной интерпретации Шагала Библия выражает истину высшего порядка. Девизом выставки стали слова художника: «Я не видел Библию — она мне снилась». Его рисунки — это возвращение к истокам, к эмоциональному контакту со сферой *sacrum*, к внезапности Откровения, которым

нельзя манипулировать. Волю Божию невозможно толковать — она просто существует, так же как и Бог есть Сущий. Бог — сущность бытия, а не его орудие. Бог Шагала — это Бог Живой, источник всего сущего из книг Бытия и Иеремии. Он является нам не в понятиях, а в событиях — больших и малых. Чуткость Шагала к Откровению — это, с одной стороны, восприимчивость художника, а с другой — следствие религиозного хасидского воспитания. Легким штрихом и сияющим цветом он «улавливал» смысл Книги, словно боясь, что более сильные, порывистые движения разрушат эту тонкую атмосферу близости Божией. В такой атмосфере человек не чувствует тяжести Его закона, зато чувствует, что этот закон был имманентной чертой витебской жизни. Он был вездесущ, как воздух, наполнявший местечко, и сверкающ, как залитые солнцем улочки. На красочной литографии царица Есфирь, выходящая на улицы Суз, напоминает еврейскую невесту среди бедных домишек Витебска с других картин Шагала. Царь Соломон, подавленный бременем своей власти и земного наследия, молится о даре присутствия Божия в построенном им храме. Шагал изображает его воздевающим руки к Богу посреди «всего собрания Израильян» — среди домиков, людей и животных, которые были частью родного пейзажа художника. Царь озарен розовым божественным сиянием. Язык личной, насыщенной эмоциями встречи с Богом — это язык цвета. Общее лицо Давида и Вирсавии, белое, как синтез всех цветов, по божественному наитию соединено в единое целое. Темно-синяя фигура беременной Вирсавии, поддерживаемой алым ангелом, замыкает композицию, увенчивая идею единства. Изображение Моисея со скрижалями Завета исполнено мистического напряжения. Патриарх несет Божий закон взбунтовавшемуся народу. Его беспокойное, но решительное лицо сияет белым и фиолетовым. Данные ему Богом скрижали, покрытые фиолетовыми письменами, бросают красные отблески на золотой фон. Адам и Ева изгоняются из рая по воле Бога, и эта воля тоже является в пурпуре и золоте. «Пламенный меч» — это просто цвета. Огненные цвета сопровождают и изгнание Каина. Иов, ставший игрушкой воли Божией, проклинает день своего рождения с застывшим от боли и отчаяния темно-зеленым лицом. Черные Небеса над ним обнаруживают свои помыслы, посылая белого ангела. Божественное творение сверкает белым и голубым. С помощью этих цветов Шагал изобразил сотворение мира. Это только некоторые из цветных литографий. Каждая из них создает мистическую атмосферу открывшегося Абсолюта. Универсальный язык цветов глубоко воздействует на психику зрителя.

Представленные на выставке рисунки относятся к четырем циклам. Первый — это три черно-белых офорта из собрания 105 иллюстраций, созданных в 1931-1939 гг. по заказу Воллара. Второй — 17 работ, напечатанных французским издательством «Верв» в 1956 г.; этот цикл охватывает иллюстрации к Книгам Бытия и Исхода, а также историю царей и пророков. Третий — 25 литографий, выпущенных тем же издательством в 1960 г., — они иллюстрируют Книги Руфи, Есфири и Иова. Четвертый — благословения Иакова и Моисея двенадцати коленам Израилевым. Эти литографии были созданы на основе эскизов витражей. Все представленные работы снабжены соответствующими цитатами из Библии. Кроме того гданьскую выставку дополняют документы, связанные с жизнью евреев, из коллекций Якуба Шада и Независимой гданьской еврейской общины иудейского вероисповедания, а также экспонаты из музея в Штуттгофе и сопотского театра «Ателье». Они вводят нас в контекст еврейских традиций, воссоздавая атмосферу, вдохновлявшую воображение художника. Сегодня потребность Шагала в постоянном общении с источником универсальных истин может показаться нам чем-то необыкновенным. Быть может, художественное выражение этих истин парадоксальным образом спасет беспощадный, пересыщенный эгоизмом человеческих законов XX век от окончательной компрометации. Быть может, вдохновенные работы художника-еврея родом из бедных предместий Витебска, путешествуя по культурным центрам Европы, станут для нас знаменем времени? В 1973 г. в Ницце по инициативе Шагала был создан Национальный музей библейского Завета. В Гданьске мещанско-купеческая протестантская концепция Бога столкнулась с хасидской.

В Польше после Гданьска выставка будет показана в Варшаве и Вроцлаве. Учитывая трудную политическую атмосферу, это важная «первая ласточка» культурного сотрудничества между Польшей и Белоруссией. О ее ранге свидетельствует и присутствие на открытии выставки консула Белоруссии и президента (мэра) Гданьска.

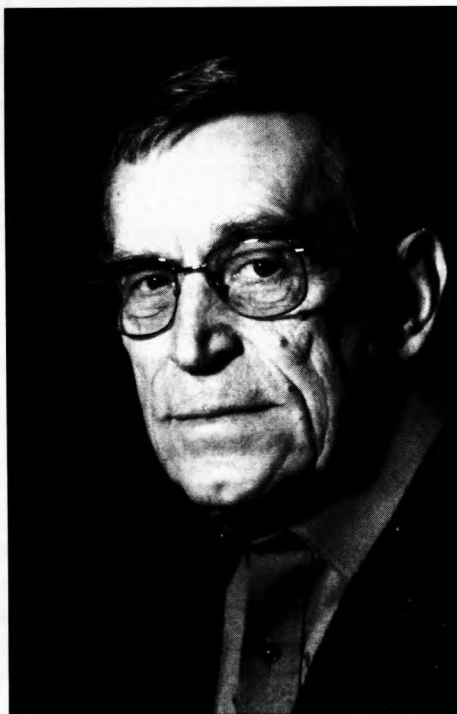

ЦЕНА ОПЫТА

Беседа с Виктором Кулерским

Виктор Кулерский — сын Витольда и внук Виктора Кулерских. Его дед был деятелем крестьянского просвещения в Поморье (Померании), учителем, издателем и редактором «Газеты грудзёндзкой». В 1903-1911 был депутатом Рейхстага от Померании, учредил и возглавил Польско-Католическую народную [крестьянскую] партию. После его смерти издание «Газеты грудзёндзкой» продолжал его сын Витольд, деятель «Стронництва людowego» (Народной, т.е. опять-таки крестьянской, партии), секретарь Станислава Миколайчика, во время II Мировой войны член Национального совета (представительства всех политических партий, заменявшего парламент) в лондонском изгнании, после войны, в ПНР, — политзаключенный.

По образованию биолог и искусствовед, учитель Виктор Кулерский в 1976-1981 гг. был сотрудником Комитета защиты рабочих, а в 1980-1981 — заместителем председателя регионального правления «Солидарности» Мазовии. После введения военного положения ушел в подполье. Был членом подпольной региональной комиссии народного просвещения и Коллектива независимого просвещения. Выйдя из подполья в 1986 г., сначала оставался без работы, затем его взяли на работу в библиотеку Варшавского университета. В 1989 г. участвовал в «круглом столе» властей ПНР и «Солидарности». В 1989-1991 гг. был депутатом Сейма, избранным по списку Гражданского комитета (предвыборного объединения, созданного на основе «Солидарности»). В правительстве Тадеуша Мазовецкого был заместителем министра просвещения. Член редколлегии «Новой Польши» со дня основания.

— Когда вы предложили мне приехать для нашей беседы в Мендзылесье, зеленый район Варшавы, я подумал, что у вас тут свой домик. Между тем мы разговариваем в однокомнатной служебной квартире при неполной средней школе... Ничего получше, выходит, вы не нашли?

— Ну да... Знаете, когда я был государственным секретарем [замминистра. — Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика] в министерстве народного образования, один сотрудник министерства, мой товарищ еще по подполью, предлагал мне квартиру в районе Верхний Мокотув. А когда я отказался, сказал: «А может, я себе возьму...»

— И взял?

— Да. А потом, несколько лет спустя, дело об этих нескольких министерских квартирах было описано в «Газете wyborczej». Выходит, лучше, что я не взял: стыда бы потом не обобрался...

— А не полагалось ли вам?

— Не знаю. Знаю только, что тогда в министерстве работало немало людей, у которых жилищные условия были куда хуже моих.

— Судя по материальным жизненным достижениям, политическую действительность Польши вы меняли совершенно бескорыстно?

— Менял?.. Может быть, действительно целью моих собратьев было изменить действительность... Но я никогда таким образом не мыслил. Не было у меня ни такого мотива, ни такой цели. То есть я совершенно не верил, что коммунизм рухнет при моей жизни. Я был уверен, что так до конца и проживу при коммунистическом строе... Более того — и мои дети, если они у меня будут. Так что у меня наверняка не было желания изменить строй.

— *Так зачем же вы всем этим занимались?*

— Мое участие в «Солидарности», в подполье, более раннее сотрудничество с КОРОм [Комитетом защиты рабочих] были вызваны конкретными заботами. Еще в 60-е годы я столкнулся с таким малым жизненным опытом. Мы шли вечером с женой в Филармонию. Мороз и снег. Проходя по Братской улице мимо дома братьев Яблковских, я увидел, как в подворотне этого здания двое хулиганов избивают какого-то парня. Я тут же вмешался. Один из этих подонков сбежал, другого вместе с тем парнем нам удалось схватить и отвести к милиционеру, сторожившему банк «под Орлами». Это был рефлекс: если человека бьют, надо кинуться ему на помощь. Я не пройду равнодушно мимо, делая вид, что ничего не происходит, когда в полуметре от меня избивают человека — может, и убьют... Как раз на этом принципе возник в 1976 г. КОР. Побили людей в Радоме и Урсуе [главных центрах рабочих демонстраций] — значит, надо было за них вступить. Так что все это было чуточку делом случая, а чуточку — импульса.

— *А чем кончилось дело с этим хулиганом?*

— Безо всякого результата. Милиционер мало заинтересовался делом. Отпустил этого человека, даже не записав его личных данных.

— *Не нашлось никого, чтобы помочь человеку, избиваемому в подворотне, — только вы... Но потом уже был КОР, была «Солидарность». Были другие — и вам уже не обязательно было за кого-то вступаться?*

— Среди членов КОРа были люди, сидевшие в тюрьме вместе с моим отцом: священник Ян Зея, доктор Рыбицкий [Юзеф Рыбицкий — полковник Армии Крайовой]. Когда я подростком ездил в тюрьму Вронки на свидания с отцом, утром на кладбище видел, как хоронили заключенных...

— *Разве их не хоронили тайком?*

— Не знаю... Поезд приезжал туда раним утром, часто еще затемно... Негде было выпить горячего молока, столовые и магазины были закрыты, до свидания оставалось еще несколько часов... Приходилось шататься по городку — иного выхода не было. И вот так однажды я забрел на кладбище и увидел, что что-то там происходит. Зарывают какие-то тела. Разумеется, я глядел издали. Когда все кончилось, я подошел поближе и увидел деревянные колышки с номерами, всего на два-три сантиметра над свежееутрамбованной лопатами землей. До сих пор хорошо это помню. Мне тогда было 15 лет. И когда под призывом — поддержите, помогите! — я увидел подписи товарищей моего отца, то не мог остаться равнодушным.

— *Вы не думали, что такая поддержка — дело рискованное?*

— Знаете, я всегда был уверен, что мы-то живем в прекрасных обстоятельствах. Однажды, еще в подполье, у меня была такая словесная стычка с Михником. Я ему говорю: «Адам, не жалуйся, мы не можем дурного слова сказать». Он меня перебил: «Ладно-ладно, я знаю, что ты хочешь сказать; ты сейчас скажешь, будто нам надо радоваться, что мы не в Освенциме...» Но и вправду ведь наше поколение не уходило ни в расстрельные рвы, ни по этапу, как наши отцы и деды. Мой дед трижды сидел в прусской тюрьме. Отец — в коммунистической. Если нас не отправляли по этапу, то потому мы лишь, что они на это поработали.

Таким образом, наряду с потребностью поддерживать, помочь было сознание определенного долга, который нам надо заплатить. Можно сказать, что я включился в эту деятельность по причинам тяжелой наследственности.

— *И вы в самом деле действовали без веры в успех?*

— Я действительно не верил, что успех придет. Постоянно ждал, когда весь этот КОР прикончат. То же самое, кстати, было и с «Солидарностью»... Однажды я спросил отца: «Какие ты видишь перспективы?» — «Никаких, — ответил он. — На этом дерьме ни одно растение не может вырасти».

— *На каком дерьме?*

— На этой коммунистической почве. Всё это скоро зажмут в клещи. Так считал отец...

— *Это же мужество смертников — заниматься чем-то, не веря в успех...*

— Тут сразу встает вопрос, что такое успех. До сих пор же идет и, вероятно, никогда не разрешится до конца спор о Варшавском восстании. О предшествующих восстаниях, в подавляющем большинстве потерпевших поражение, — тоже... Очевидны огромные потери биологической, культурной и всякой прочей материи... Может быть, правы те, кто говорит, что надо было нам, как чехам, договариваться с захватчиками. Тогда мы, конечно, избежали бы того, что я называю двумя веками селективного истребления. Это примерно семь-восемь поколений. Никто не скажет, что если на протяжении почти десятка поколений из той или иной популяции будут выдергивать индивидов с определенными чертами: главным образом мужского пола, из более сознательного, интеллигентского слоя, — то это никоим образом не повлияет на характер данной популяции. Такие генетические изменения и должны были произойти в нашем обществе. Должен был остаться след. Это общество было бы совершенно другим, если бы не эти 200 лет с небольшим перерывом межвоенного двадцатилетия.

Однако, с другой стороны, возможно, правы те, кто говорил: «Ладно, потери были огромными, но если бы не эти восстания, следовавшие одно за другим, вместе с Варшавским восстанием, то, может, сегодня мы были бы одной из советских республик». Разве то, что вопреки всему мы и вправду остались самым веселым баракком соцлагеря, — не заслуга повстанцев, заговорщиков и прочих неисправимых мечтателей? Так что я не знаю, можно ли тут говорить о мужестве смертников... Мне, кстати, такое понятие напоминает «Первую бригаду» [самая популярная в межвоенное двадцатилетие песня легионеров Пилсудского времен I Мировой войны], которую я не очень-то люблю.

— *Простите, вы родились в Грудзёндзе, рядом со знаменитым кавалерийским училищем... И не любите «Первую бригаду»?*

— Но я родился в 1935 году. И ничего из тех времен не помню. Кроме того мой отец, связанный с крестьянским движением Витоса, перед самой войной был осужден и 1 сентября 1939 г. дол-

жен был явиться в тюрьму отсидживать срок. А осужден был, в частности, за то, что хотел в своей газете напечатать снимки жестокого полицейского разгона демонстрации безработных. Когда после войны он получил новый срок, теперь уже от коммунистов, то пошутил, что это тот же самый, только отложенный...

Возвращаясь к этому моему неверию в успех... Мой друг, недавно скончавшийся Богдан Косинский, кинорежиссер-документалист, удостоверением личности которого я пользовался во время военного положения, часто повторял девиз, взятый у Паскаля: «Я не нуждаюсь ни в надежде, чтобы жить, ни в цели, чтобы действовать». Так что, пожалуй, на все это можно смотреть в категориях какого-то «duty», обязанности, долга. Из столкновения с двумя хулиганами на Братской я, допустим, мог выйти физически побежденным: не такой уж я Геркулес. Но уж заведомо не побежденным психически...

А с потребностью целесообразности я столкнулся в несколько иной момент, когда арестовали нескольких членов КОРа. Ответом оставшихся было расширение состава комитета. Ко мне тогда пришел, кажется, Адам Михник и сказал, что я должен вступить в КОР. Я спросил: «А чего ты там от меня хочешь? что я должен делать?» — «Ничего, нужна только фамилия. Ты из патриотической, католической семьи... И ариец...» Мне это не слишком понравилось: речь шла не о каком-то конкретном, измеримом деле, а всего лишь о заурядной демонстрации. А я таких пустых жестов не люблю. Пошел за советом к Рыбицкому. Он спросил: «Ты что теперь делаешь?» — «Работаю в школе». — «А в каких классах?» — «В старших неполной средней». Тогда он говорит: «Нет смысла, потому что тебя тут же выгонят... Во-первых, твоя работа с молодежью и родителями куда важнее; а во-вторых, нам хватает безработных на нашем содержании». Так я не стал членом КОРа.

— *А сегодня вы член какой-нибудь партии?*

— Нет, у меня нет такой потребности.

— *«У меня есть потребность поддерживать всех, кто думает не только о своей выгоде, но и о хорошей работе», — сказали вы шесть лет назад в интервью еженедельнику «Факты». Вы по-прежнему испытываете такую потребность?*

— Да. Я поддерживаю людей, которые делают много хорошего для попавших в беду животных.

— *Как вы их поддерживаете?*

— Например, финансово...

— *Простите за бесцеремонность: а из каких средств?*

— Я получаю пенсию, сотрудничаю с журналом «Новая Польша». Поесть у меня есть что, надеть на себя — тоже. Может, будь у меня вилла и машина, дети и внуки, то я вряд ли нашел бы средства на поддержку. Но у меня ничего этого нет, так что мне хватает на будки для кошек или на более дорогой корм, предупреждающий почечные заболевания. У меня самого дома шесть кошек, которых люди в прошлом жестоко помучили. Больше у меня не поместится, поэтому я дополнительно оборудовал и утеплил несколько будок на соседнем участке.

— *Знаете, что обычно говорят о людях, которые помогают кошкам?*

— Знаю: что они чокнутые... А это обычные люди, чутко отзывающиеся на страдания животных. Только у них меньше денег, чем у меня, или больше расходов, связанных с детьми, семьей...

— *Но за всеми этими вашими кошками, должно быть, таится мощное разочарование в сегодняшней действительности?*

— Отнюдь, все не так просто. Эти существа нуждаются в помощи, вот я им и помогаю.

— *Есть же столько дел поважнее, хотя бы борьба с коррупцией...*

— Знаете, если имеешь дело с человеком, с группой людей, которые страдают, потому что находятся под каким-то гнетом, тогда пробуждается этот рефлекс помощи, поддержки, солидарности. Однако если гнета больше нет, то, во-первых, рефлекс не появляется. А во-вторых, можно увидеть, какому давлению тот же самый человек или та же самая группа подвергают других. Бесчеловечное отношение не знаю какой, но огромной части нашего общества к лошадям, кошкам, собакам, к другим живым существам — это не политическое дело. А то, что творится, чему мы часто бываем свидетелями, — настоящий ужас. На эту тему писал недавно Станислав Лем, писал Ежи Новосельский.

Другой вопрос: окружающая нас зелень, все эти леса, кусты — нужны нам. Это та ветка, на которой мы сидим. А люди отнюдь не бедные, владеющие собственными домами и автомобилями, они не то что какие-то отбросы, но горы строительного мусора, испорченные холодильники, стиральные машины, кухонные плиты вывозят в лес на этих своих машинах и бросают. Как только общество, к которому мы принадлежим, перестало быть жертвой гнета, оно тут же проявило бесчеловечное и разрушительное отношение ко всему окружающему. Если человек угнетен, желаешь ему помочь. Но если потом он сам становится угнетателем, то по крайней мере не возникает желания ему помогать. Это весь ответ.

— *Последняя демонстрация, в которой я принимал участие, проводилась в знак протеста против экспорта лошадей на убой. Я пошел на нее, потому что этого хотели мои дети...*

— Если уж говорить о демонстрациях, то одним из самых неприятных испытаний в моей жизни был вид демонстрации этой нео-«Солидарности», участники которой, идя под транспарантами «Солидарности», держали в руках палки, цепи, болты и камни... И, разумеется, использовали их при столкновениях. Для меня это было нечто ужасающее. Настоящая «Солидарность» всегда была за борьбу без насилия. Мы на улицу выходили не для того, чтобы бить полицию. Эта картина, виденная мной несколько лет назад, была символом той наклонной плоскости, по которой сползла «Солидарность».

— *А мы от борьбы за национальную независимость съехали на собак, точнее на кошек...*

— Повторю еще раз: было время гнета, задачей было сбросить ярмо, дать людям свободу выбора. Они ее получили...

— *Но при виде того, что творится вокруг, не возникает ли у вас — как учителя, педагога — мнение, что «да, конечно, они получили свободу выбора, но неспособны как следует ею пользоваться»?*

— Однажды в министерстве у меня был такой спор с Анной Радзивилл. Речь шла о передаче неполных средних школ органам местного само-

управления. Она была против этого, говоря, что самоуправление никогда не будет особо заботиться об обучении детей, что финансовые нужды школ всегда будут оттеснены иными текущими нуждами. Кроме того власть заберут разные клики и компании, которые будут сажать директорами своих людей. А значит, пока общество не созреет, мы не должны отдавать школы в руки самоуправления. Я занимал противоположную позицию: если мы не отдадим школы органам самоуправления, то люди так никогда и не дозреют до демократии. Они просто обязаны на своей шкуре ощутить последствия своих решений. Только так... Разумеется, будут потери, будет их цена, но это, можно сказать, цена опыта. Я был тогда — и сейчас остаюсь — уверен, что общество должно заплатить эту цену.

— Когда еще в ПНР Станислав Тым стал директором театра в Эльблонге, он заявил, что его нравственный долг — поставить плотину дуракам. Вы не чувствуете сегодня на себе такой обязанности?

— Нет-нет... Лучший способ чему-нибудь научиться — понести последствия совершаемых ошибок. Эксперимент. Вы говорите: не давать места дуракам... А кто-то же этих дураков выбирает. Или умные люди выбирают дураков, или дураки выбирают дураков. У меня против этого рецептов нет, и бороться с этим я не собираюсь. Если учителя, те, кто несет факел просвещения, видя мусорные контейнеры для разного рода отходов, выбрасывают весь свой мусор в один контейнер, а когда их спросят, почему, отвечают: «А что? на частного нам что ли работать?»; если заводилом в гмине, которого просят прислать контейнер для сбора мусора в лесу, отвечает: «Нет смысла, его же за одну ночь наполнят», — то я прошу прощения, но не понимаю, в чем дело.

— В деньгах, так как вывозить мусор дорого. Чиновник мыслит экономически.

— Не вывозить — тоже дорого. Этот чиновник дает доказательство своей безграмотности. Знаете, сегодня мы наконец можем увидеть себя не в кривом зеркале, а такими, каковы мы на самом деле... До недавнего времени мы всегда могли сказать: виноваты захватчики, оккупанты, евреи, фашисты. Сегодня нет ни захватчиков, ни оккупантов, ни евреев, ни фашистов. Мы сами себе это устраиваем. Тыминский, Леппер или ксендз

Рыдзик... Никто же их нам не навязывает, мы сами их желаем.

— Не все. Есть такие, кто хочет какой-то разумной альтернативы. Вы были в компромиссном Сейме [где, по договоренностям «круглого стола» 1989 г., оппозиции было отведено 35% мест]...

— Я не собирался выдвигать свою кандидатуру, но ко мне явились жители Грудзёндза: им, оказалось, больше некого выдвинуть в своем округе. Мне не очень-то хотелось, и я поехал посоветоваться к отцу. А отец сказал: «Если они тебя искали, значит, доверяют. А это доверие к фамилии — не только твоя заслуга, но и твоего деда, и предшествующих поколений. На один созыв можешь попробовать».

— Такой гражданский подход — поиски самого достойного кандидата — сегодня выглядит некоторым анахронизмом. Сегодня всякому хочется самого себя выбрать в Сейм...

— Это были еще те времена, когда за предвыборными митингами следила милиция. Случалось, уже после собрания проверяли документы у всех его участников. Люди многого опасались. В ходе моей парламентской карьеры положение менялось. Менялись и люди, которых я знал по КОРу, по «Солидарности». Однажды я разговаривал с парламентским шофером. Я редко пользовался машинами Сейма, но тогда как раз спешил на поезд. И по пути попросил шофера, который, кстати, не слишком был настроен разговаривать, сравнить депутатов нашего созыва с предыдущими. Он прямо вздрогнул, поглядел на меня и сказал: «Знаете, раньше депутаты к человеку не относились хорошо. Но относились как к человеку...» Это мне было как удар под дых. А позднее мой товарищ еще по подполью, которого я очень ценил, в частности за то, что он не отказывался ни от какой черной работы, мой коллега, которого я сам затянул в министерство, сделал мне замечание, почему я не приказал приносить мне обед в кабинет. И что я не должен разговаривать в коридоре с уборщицей.

— Это тот самый коллега, который взял себе квартиру? Вы можете назвать его фамилию?

— Нет смысла, тем более что это было отнюдь не единичным явлением. То, что я скажу, будет банально, но границы между людьми проходят не по партийным взглядам или идеологическим ори-

ентациям. Одним из людей, которые нам очень помогли в подпольной деятельности, был офицер столичного управления милиции. Не так обстоит дело, что если кто-то «не наш», то он уже обязательно «бьяка». Люди и негодяи есть везде.

— Но если вы это видели, то почему уступали место этим подонкам, вместо того чтобы стать плотиной на их пути — хотя бы на благо дела...

— Знаете, когда ко мне второй раз приехали люди из Грудзёндза, чтобы я баллотировался на следующих выборах, я отказался. Но они страшно меня уговаривали, и в конце концов я согласился, но сказал им, что делаю это только для того, чтоб они не могли сказать, будто мы проиграли из-за того, что меня не было в списке. Потому что эти выборы мы проиграем. Я это знал. И действительно так произошло. На тех выборах началась настоящая толкучка желающих стать депутатами. А я толкучку не люблю.

— А часто ли вы встречаетесь с коллегами из бывлой «Солидарности»?

— Я почти совсем не вижусь с людьми из «Солидарности».

— Почему?

— Не знаю. Может, у меня нет склонности к встречам ветеранов.

— Смотрите ли вы заседания комиссии Сейма по делу Рывина?

— Нет, у меня нет телевизора.

— Сломался?

— Нет... Мы с женой выбросили его несколько лет назад и решили больше не иметь. Как источников информации нам хватает печати и радио

— Но до вас доходят разговоры, что Михник пьет с Урбаном [Ежи Урбан — во время военного положения пресс-секретарь правительства ПНР, ныне главный редактор журнала «Не»]. Что вы тогда думаете?

— Знаете, я думаю так же, как Тадеуш Мазовецкий, который сказал, что далек от остракизма, осуждения, что он понимает: люди могут меняться... Но братание — это все-таки нечто другое... То, что я скажу, — это трюизм, но один из мотивов человеческого поведения — корысть.

— Но ведь вся эта борьба была бескорыстной. КОР же начинал с бескорыстия?!

— Второе предложение верно, первое — нет. По мере того, как шло время, борьба становилась все менее бескорыстной.

Беседовал Павел Томчик.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Л.Волосюк о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
В. и Р.Слизовские о дневниках генерала Старинкевича
Беседа с Ядвигой Стшелецкой
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Рассказы Михала Гловинского
А.Колаковская о политкорректности
К.Бурнетко: Газетный киоск
А.Вайда о своем пути
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши люди: Мария Данилевич-Зелинская
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна,
Чухновского, Херберта и др.**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник,
посвященный современной прозе, поэзии и
литературной критике. Оказывает влияние на
перемены в польской литературе.

DIALOG

Ежемесячник, посвященный
современной драматургии.

NOWE
KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более
полувекa незаменимый источник знаний о
книгах. В каждом номере рецензии,
интервью, статьи о писателях,
публицистика, библиография, анонсы.

dwutygodnik
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал,
посвященный музыкальному творчеству, теории и
практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ
ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке.
Богатая подборка публицистики польских и российских
авторов. Переводы малоизвестных в России произведений
польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA
na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие
годы публикующий все интересные новинки
современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

ISSN 1508-5589

9 771508 558041

02